

Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан

ТУЛЕУЛЕНОВ МАКСАТ ТАЛГАТОВИЧ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛОЖНОМУ ДОНОСУ

Диссертация
на соискание степени магистра юридических наук
по образовательной программе «7М04203 - Юриспруденция»

Научный руководитель:
Доцент кафедры общеправовых дисциплин
Института послевузовского образования,
кандидат юридических наук,
младший советник юстиции
_____ Р. Амерханов

Магистрант:
_____ М. Тулеуленов

Косшы, 2021 год

ТҮЙІНДЕМЕ

Диссертацияның құрылымы диссертациялық зерттеудің мақсаты мен міндеттеріне сәйкес құрылған, кіріспеден, үш бөлімнен (тоғыз бөлімнен тұратын), қорытындыдан, пайдаланылған дереккөздер тізімінен және қосымшадан тұрады.

Зерттеудің мақсаты Қазақстан Республикасында жалған сөз тіркесіне қарсы іс-қимыл саласында қалыптасқан проблемаларды талдау болды.

Зерттеу нәтижелері қорғауға ұсынылған үш позицияда көрініс тапты.

РЕЗЮМЕ

Структура диссертации построена в соответствии с целью и задачами диссертационного исследования, состоит из введения, трех разделов (включающие девять подразделов), заключения, списка использованных источников и приложений.

Цель исследования заключалась в анализе проблем, сложившихся в Республике Казахстан в сфере противодействия ложному доносу.

Результаты исследования нашли свое воплощение в трех положениях, выдвинутых на защиту.

SUMMARY

The structure of the dissertation is built in accordance with the purpose and objectives of the dissertation research, consists of an introduction, three sections (including nine subsections), a conclusion, a list of sources used and an appendix.

The purpose of the study was to analyze the problems that have developed in the Republic of Kazakhstan in the field of countering false denunciation.

The results of the study were embodied in three provisions put forward for defense.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ «ЛОЖНЫЙ ДОНОС»	
1.1 Понятие, виды и правовая природа ложного доноса	10
1.2 Развитие отечественного уголовного законодательства предусматривающего ответственность за заведомо ложный донос	14
1.3 Зарубежный опыт противодействия ложному доносу	20
2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА	
2.1 Объект и субъект заведомо ложного доноса	34
2.2 Объективные и субъективные стороны заведомо ложного доноса	41
2.3 Криминологическая характеристика личности преступника	51
3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС	
3.1 Анализ статистики преступления, предусмотренного ст.419 УК РК	72
3.2 Проблемы и последствия ложного доноса	79
3.3 Предложения по совершенствованию уголовного законодательства направленные на противодействие ложному доносу	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	89
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	93
ПРИЛОЖЕНИЕ	100

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одним из важных условий поступательного развития экономической и общественной жизни является надлежащая организация деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, защите прав и интересов потерпевших, привлечению виновных лиц к уголовной ответственности в строгом соответствии с законом и назначению виновным лицам справедливого наказания.

Перед органами предварительного расследования стоит задача своевременного и квалифицированного реагирования на каждое поступившее сообщение и заявление о преступлении в установленные законом сроки и принятие по ним законных и обоснованных решений.

При этом уровень развития норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, практика их применения должны быть такими, чтобы исключить всякую возможность привлечения к уголовной ответственности и необоснованного осуждения невиновных лиц.

Помимо этого в условиях наблюдаемого высокого уровня преступности и, как следствие, высокой нагрузки на органы предварительного следствия и дознания немаловажное значение приобретает соблюдение принципа процессуальной экономии, быстроты и оперативности расследования преступлений, согласно которому необходимо исключить отвлечение сил и средств правоохранительных органов на расследование необоснованно возбужденных уголовных дел.

В то же время в обществе имеет место негативная тенденция посредством ложных заявлений о преступлениях использовать возможности органов уголовного преследования в корыстных или других низменных целях: для материальной наживы, сокрытия совершенного правонарушения, из мести, освобождения родственников или знакомых от уголовной ответственности, устранения конкурентов, сокрытия своего аморального поведения.

Вследствие этого органы предварительного расследования тратят значительные силы и средства на проверку ложной информации, исходящей от недобросовестных заявителей, отвлекаясь от борьбы с реальными преступлениями.

По ложным доносам нередко начинаются досудебные расследования, проводятся следственные действия, в том числе трудоемкие и дорогостоящие, к гражданам необоснованно применяются меры процессуального принуждения. Тем самым наносится значительный ущерб нормальной деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности.

Ложные доносы могут причинить значительный вред интересам личности в результате необоснованного предъявления обвинения, избрания мер пресечения и других опосредованных процессуальными нормами существенных ограничений прав и свобод невиновных лиц.

Даже в случаях не подтверждения преступления, сам факт вовлечения в орбиту уголовного процесса наносит серьезный урон моральной и психологической стороне граждан, что свидетельствует о высокой общественной опасности заведомо ложного доноса, который посягает на нормальную деятельность органов предварительного расследования и суда, права и законные интересы людей.

Ложь может быть концептуализирована как одна из форм обмана, которая определяется как «действие, заставляющее кого-то принять как истинное или действительное то, что является ложным или недействительным». Таким образом, ложь - это всегда форма обмана, но не всякий обман можно считать ложью.

Для того, чтобы ложь произошла, должны быть выполнены три условия.

Во-первых, необходимо сделать заявление. Как правило, утверждения делаются устно, но люди могут делать утверждения с помощью пера, текста, сообщений в социальных сетях, языка жестов или любой другой системы, в которой мы делимся сигналами или символами, передающими общий смысл.

Второе условие - это утверждение не соответствует действительности. То есть информация, представленная в заявлении, должна быть неточным описанием действительности. Это, безусловно, может произойти, когда люди лгут, но ложные утверждения также делаются, когда люди просто не знают или не знают, что такое реальность.

Третье условие - говорящий имел намерение обмануть. Намерение обычно может быть только предполагаемым, поскольку мы не можем заглянуть в сознание человека и распознать его истинное намерение. Однако намерение обмануть - центральное место в определении лжи большинством людей.

Намерение занимает центральное место в нашем понимании морали многих нежелательных поступков, таких как ложь.

В настоящее время заведомо ложный донос является одним из наиболее распространенных преступлений против правосудия.

Если обратиться к статистике, четвертую часть преступлений против правосудия составляют ложные доносы.

К примеру, по Республике Казахстан из 1 817 таких преступлений в 2016 году 464 или 26% составил ложный донос, в 2017 году 19% (279 из 1 494), в 2018 году 17% (225 из 1 344), в 2019 – 13% (118 из 921), в 2020 – 12% (87 из 740).

На практике в классификации рассматриваемых преступлений часто допускаются ошибки, и отсутствует единообразие в судебном толковании их признаков. Во многом это связано с несовершенством уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за заведомо ложный донос, а также с тем, что проблемы квалификации данного вида преступлений в теории уголовного права недостаточно разработаны.

Многие вопросы, касающиеся состава заведомо ложного доноса и связанных с ним деяний, остаются спорными как с практической, так и с теоретической стороны.

Степень научной разработанности темы исследования. Изучением проблем ответственности за заведомо ложный донос занимались Бриллиантов А.В., Власов И.С., Васин А., Горелик А.С., Голоднюк М.Н., Дворянсков И.В., Данилюк М.И., Коробеева Т.В., Козаченко И.Я., Ланге Н.И., Лохвицкий А., Лебедев В.М., Лобанова Л.В., Миньковский Г.М., Магомедов А.А., Неклюдов Х.А., Нафиев С., Николаев М., Незнамова З.А., Новоселов Г.П., Пороховщиков П.С., Ревин В.П., Смолин С.В., Скуратов Ю.И., Сизов А.А., Таганцев Н., Трайнин А.Н., Тяжкова И.М., Федоров А.В., Фирсов А. Н., Фаргиев И., Шахбазов Р.Ф., Юдушкин С.М. и другие.

В Республике Казахстан непосредственно в стенах нашей Академии этим вопросом занимался Каженов Е.Е. (по схожей теме написал и защитил докторскую диссертацию).

Также отметим таких зарубежных авторов, как Jon Fribrik Sigurðsson, Lancet, Gudjonsson, Lanham D., Bartal B., Evans R., Wood D.

В то же время авторы не исчерпали всех проблемных вопросов, связанных с уголовной ответственностью за заведомо ложный донос.

Опубликованные до сих пор научные положения в значительной степени спорны и требуют дальнейшего научного развития.

Кроме того, необходимо усовершенствовать положения уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за заведомо ложный донос.

В связи с чем, возникает необходимость углубленного анализа следственной и судебной практики, связанной с исследуемым вопросом, и разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Все вышесказанное в целом обусловило актуальность и необходимость изучения данной проблемы, что предопределило выбор темы данного исследования.

Целью диссертационного исследования является совершенствование уголовно-правовых средств противодействия заведомо ложному доносу.

Задачи диссертационного исследования:

- рассмотреть установления уголовно-правовых запретов на совершение преступных деяний, таких как ложный донос.

- изучить и проанализировать историю эволюции правового режима ответственности за ложный донос в рамках уголовного закона.

- изучить опыт зарубежных стран, в отношении уголовных средств правовой защиты за ложные сообщения.

- рассмотреть проблемные ситуации и выработать рекомендации по совершенствованию законодательных актов в отношении ложного доноса.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением заведомо ложного доноса.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства Казахстана и ряда зарубежных стран, устанавливающие ответственность за

преступления в сфере правосудия; нормы конституционного, Уголовно-процессуального и иного законодательства; зарубежные доктринальные источники; исторические особенности возникновения данного вида преступлений, статистические данные.

Нормативная база для проведения исследования состоит из Конституции Республики Казахстан, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, Нормативных постановлений Верховного Суда РК.

Теоретической базой исследования являются работы зарубежных и отечественных ученых в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства, криминологии и других отраслей науки.

Эмпирическую основу исследования составили данные КПСиСУ РК о количественной характеристике заведомо ложных доносов и показателей других преступлений против правосудия, сведения о лицах, привлеченных к уголовной ответственности за заведомо ложный донос и другие однородные преступления за период с 2015 по 2019 годы.

Методологические основы проведения исследования включают общие методы научного познания. Работая над темой автором использованы основные положения диалектического метода познания реальной действительности. В качестве частных научных методов выступили формально-логический, сравнительно-правовой анализ, специфические социологические, исторические, динамические и статистические методы.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена рассмотрением частных вопросов уголовной ответственности за заведомо ложный донос и отражается в основных положениях, выносимых на защиту.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В результате проведенного исследования, нами даны обоснования о необходимости дополнения статьи 419 Уголовного кодекса квалифицирующими признаками в зависимости от степени общественной опасности совершенного ложного доноса.

Также предлагается дополнить диспозиции частей 1 и 2 рассматриваемой статьи конкретными адресатами обращения.

Указанные изменения отражены в предлагаемой редакции ст.419 УК РК:

«Статья 419 УК РК. Заведомо ложный донос.

1. Заведомо ложный донос о совершении уголовного проступка в органы правомочные начать досудебное расследование либо органы, которые обязаны передать заявления об уголовных правонарушениях в такой орган – наказывается штрафом в размере до трехсот месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до двухсот сорока часов.

2. Заведомо ложный донос о совершении преступления в органы правомочные начать досудебное расследование либо органы, которые обязаны передать заявления об уголовных правонарушениях в такой орган–

наказывается штрафом в размере до трех тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, соединенное с обвинением лица в совершении коррупционного преступления, тяжкого или особо тяжкого преступления, либо совершенное из корыстных побуждений, либо соединенное с искусственным созданием доказательств обвинения –

наказывается ограничением свободы на срок от трех до семи лет либо лишением свободы на тот же срок.

4. Деяния, предусмотренные частями второй или третьей настоящей статьи, совершенные в интересах преступной группы, либо повлекшие тяжкие последствия –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

2. Проведенное исследование показало, что в целях противодействию заведомо ложному доносу, необходимо дополнить статью 6 Закона «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» (Требования к письменному обращению, видеобращению и видеоконференцсвязи) пунктом 5 и изложить в следующей редакции:

«В обращении физического лица должны быть указаны сведения о том, что он предупрежден о предусмотренной законом ответственности за заведомо ложный донос о готовящихся или совершенных уголовных правонарушениях либо об угрозе государственной или общественной безопасности».

3. В целях исключения фактов заведомо ложного доноса уже на начальной стадии обращения лиц в правоохранительные органы, нами даны обоснования о необходимости внесения изменений в приложение №1 Указания Генерального Прокурора №9-15 от 22 августа 2014 года (образец заявления об уголовном правонарушении), где предложено ввести отметку о согласии при необходимости подтверждения изложенных сведений, прохождения полиграфического исследования (Приложение 1 к настоящему диссертационному исследованию).

Этапы исследования, ожидаемые результаты и предполагаемые направления их внедрения и апробации. Результаты диссертационного исследования могут стать теоретическим и методическим материалом при преподавании уголовного и уголовно-процессуального права в высших учебных заведениях юридического профиля, а также в системе первоначальной подготовки, повышения квалификации и переподготовки следователей, дознавателей, начальников структурных подразделений органов дознания и следствия, прокуроров, судей, адвокатов.

Вместе с тем, отдельные положения проведенного диссертационного исследования отражены в двух научных публикациях.

Кроме того, материалы исследования внедрены в учебный процесс путем апробирования в Университете «Туран Астана» курса лекций: «Роль СМИ в вопросах противодействия коррупции», «Виды уголовных правонарушений», «Личность преступника» в рамках дисциплин «Основы антикоррупционной культуры», «Основы квалификации уголовных правонарушений» и «Криминология» для обучающихся очного отделения образовательной программы 6В04202 – «Юриспруденция» на 2020/2021 учебный год.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех разделов, девяти подразделов, заключения, списка использованных источников и приложения.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНЯТИЯ «ЛОЖНЫЙ ДОНОС»

1.1 Понятие, виды и правовая природа ложного доноса

Термин диффамация имеет происхождение от лат. *diffamatio* ← *fama* «репутация». От него образовалось англ. *defame* «порочить».

Ложное обвинение является требованием или утверждением о нарушениях, что не соответствует действительности и / или иным образом, не подкреплены фактами. Ложные обвинения также известны как необоснованные обвинения или ложные утверждения.

Если нет достаточных подтверждающих доказательств, чтобы определить, является ли обвинение истинным или ложным, оно квалифицируется как «необоснованное». Обвинения, признанные ложными, на основании подтверждающих доказательств, можно разделить на три категории:

Совершенно ложное утверждение о том, что предполагаемых событий не произошло.

Утверждение, в котором описываются события, которые действительно произошли, но были совершены лицом, которое не обвиняется и в котором, обвиняемый невиновен.

Утверждение, которое является ложным, поскольку оно смешивает описания событий, которые действительно произошли, с другими событиями, которые не произошли.

Ложное обвинение может возникнуть в результате умышленной лжи со стороны обвинителя. В 1997 году, исследователи Пул и Линдси предложили применять разные ярлыки, предлагая использовать термин «ложные утверждения» специально, когда обвинитель знает, что лжет, и «ложные подозрения», для более широкого спектра ложных обвинений, в которые могли быть включены наводящие вопросы.

Ложный донос - это всегда данные, касающиеся преступной сферы. Здесь в центре внимания иногда оказывается сам факт планируемого или совершенного преступления, противоречит истине. При этом лицо, причастное к такому мнимому преступлению, не всегда фигурирует. В других случаях, когда действительно произошло правонарушение, доносчик указывает на конкретного гражданина, который на самом деле является невиновным.

Иногда люди делают ложные обвинения, дают признательные показания перед самим собой или даже полностью признаются полиции в преступлениях, которых они не совершали, или преувеличивают свою причастность или причастность к преступлению других. Почему люди так поступают, не всегда понятно, но есть причины «... обычно это совокупность факторов, которые связаны с обстоятельствами и характером допроса в заключении и психологической уязвимостью обвиняемого».

Признание считается ложным, если его совершивший:

- 1) не имел никакого отношения к преступлению, или
- 2) был вовлечен значительно меньше, чем он признался полиции.

Мы знаем, что иногда случаются ложные признания, и доказательства поступают в основном из трех источников:

- 1) «анекдотические» истории болезни,
- 2) исследования изменения отношения,
- 3) систематические исследования людей, давших признательные показания, которые впоследствии оказались ложными.

Например, в Англии существует задокументированное признание, датированное 1660 годом (Ayling, 1984). В данном случае, обвиняемый Джон Перри, во время длительного допроса признал себя, своего брата и свою мать причастными к убийству Уильяма Харрисона. Все трое были казнены на основании признания Перри и некоторых косвенных улик, но предполагаемая жертва убийства, Уильям Харрисон, вновь появился живым после того, как его продержали в рабстве в Турции в течение двух лет [1, с.7].

Ложные признания, ведущие к незаконным обвинениям, чаще всего происходят во время допросов в полицейском участке [2, с. 1447-1450] и являются частью социального процесса, включающего динамическое межличностное взаимодействие [3, с. 49 - 53].

Такие взаимодействия происходят между подозреваемым и определенными «значительными лицами», которых подозреваемый считает находящимися у власти, такими как полицейские, таможенники и другие лица, которые могут с ним разговаривать.

Ложный донос заключается в сообщении заведомо ложных обстоятельств с целью осуждения либо вовлечения в орбиту уголовного преследования заведомо невиновного лица. Заявление или сообщение обычно содержит сведения о совершенном уголовном правонарушении. Ложность доноса может касаться как самого события преступления, так и обвинения невиновного лица.

К примеру, 28.05.2020 года А.В., будучи в тяжелом материальном положении, на грузовом автотранспорте, вместе со своей сестрой М.В. сдала металл с дома по ул.Спортивная, 18-2, вырученные денежные средства потратила на собственные нужды. В последующем, в целях укрытия данного факта от своего мужа, будучи предупрежденной об уголовной ответственности по ст.419 ч.2 УК, заведомо зная о противоправности своих деянии, 28 мая 2020 года она обратилась с заявлением в отдел полиции г.Риддер о совершении преступления, а именно о краже ее имущества.

По данному факту приговором Риддерского городского суда от 11.09.2020 года А.В. признана виновной по ст.419 ч.2 УК и назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год и 6 месяцев. Приговор вступил в законную силу.

В данном случае, ложность доноса касается самого события преступления.

Другой пример, 31 мая 2020 года в 04 часа 19 минут Н.А. обратилась по телефону 102 в ОП Жамбылского района Алматинской области по факту ее изнасилования ранее незнакомым мужчиной, который 31 мая 2020 года около 00 часов 30 минут, взломав входную дверь дома, расположенного по адресу: Алматинская область, Жамбылский район, с. Қарғалы, ул. Сәт, дом 178, незаконно войдя в дом, применив физическую силу, вступил с ней в половой контакт против её воли.

Прибывшими по ее вызову сотрудниками полиции Н.А. были разъяснены ее права и обязанности, а также она была предупреждена по ст.419 УК, за дачу заведомо ложного доноса о совершении уголовного правонарушения. Однако Перова Н.А. настояла на своих показаниях и письменно подтвердила свое обращение.

По данному факту органом уголовного преследования возбуждено уголовное дело по ст. 120 ч. 1 УК и начато досудебное расследование, в ходе которого было установлено, что незнакомым мужчиной является С.А., с которым 31 мая 2020 года около 00 часов 30 минут она вступила в половой контакт добровольно, однако имея личные обиды, из корыстных побуждений, хотела наказать его, обвинив в изнасиловании.

По данному факту, приговором Жамбылского районного суда Алматинской области от 20 июля 2020 года С.А. признана виновной по ч.3 ст.419 УК и назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы, условно. Приговор вступил в законную силу.

Тут имеет место обвинение невиновного лица.

Опасность заведомо ложного обвинения и клеветы на невиновных людей состоит в том, что рассматриваемое преступление и один из видов негативного посткриминального поведения приводят к неоправданной трате времени, средств и сил сотрудников правоохранительных органов, вынужденной их проверке, в результате чего возможно несправедливое уголовное преследование и даже осуждение невиновных.

По данным Юдушкина С.М., «...ложный донос с использованием для оговора невиновного действительно совершенного преступления составил всего 3,2 %. В подавляющем же числе случаев (96,8 %) при доносе ложно выдумывалось само событие преступления» [4, с. 104].

Согласно результатам, проведенного Ю.И. Кулешовым исследования, «...по ложному заявлению было возбуждено 34,1 % уголовных дел. При этом к лицам, привлекаемым к уголовной ответственности, за заведомо ложный донос, применялись следующие меры процессуального принуждения: в 20,7 % случаев лицо задерживалось или ему избиралась мера пресечения – заключение под стражу, а в 13,7 % – предъявлялось обвинение» [5, с. 248].

По данным исследования, проведенного С.В. Смолиным, «...заведомо ложный донос является самым распространенным преступлением против правосудия. В 2010 г. факты заведомо ложного доноса составили 34 % (4 120 из

11 849 случаев) от всех зарегистрированных преступлений против правосудия» [6, с. 4].

«Вне обвинения в преступном деянии, – пишет А.Н. Трайнин, – само понятие ложного доноса немыслимо» [7, с. 163].

Выдвинутый тезис развивается И.С. Власовым и И.М. Тяжковой. «Слово «донос», – пишут они, – по своему смыслу в русском языке означает обвинение какого-либо лица в совершении преступления. Ложный донос, следовательно, означает... ложное обвинение в совершении какого-либо преступления определенным лицом» [8, с. 114].

Мы солидарны с авторами С. Нафиевым, А. Васиным, М. Николаевым, С. Смолиным, которые полагают, что «...уголовная ответственность за ложный донос должна наступать не только при желании отомстить следователю, дознавателю и другим сотрудникам правоохранительных органов (о применении ими якобы недозволенных методов воздействия: угроз, избиения, пыток и т.д.), но и тогда, когда ложный донос используется как средство самозащиты...» [9, с. 6-7; 10, с. 25; 6, с. 27-28].

Вместе с тем, есть и другие точки зрения. Так, Т.В. Кондрашовой высказано мнение о том, что «заведомо ложные показания обвиняемого или подозреваемого по поводу преступления, в совершении которого он обвиняется или подозревается, в том числе и о совершении этого преступления другим лицом, не влекут уголовной ответственности, так как подобные показания являются способом защиты» [11, с. 641].

Аналогична позиция авторов Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева «...не подлежит ответственности за ложный донос, например, обвиняемый в убийстве, если он сообщит о совершении этого преступления абсолютно непричастным к убийству лицом» [12, с. 706].

Другие ученые Г.М. Миньковский, А.А. Магомедов, В.П. Ревин, А.С. Горелик, Л.В. Лобанова также считают, что не подлежат уголовной ответственности за заведомо ложный донос лица (обвиняемые или подозреваемые) в случаях, когда ими делаются ложные сообщения как метод защиты [13, с. 457; 14, с. 255-258].

П.С. Пороховщиков: «Под влиянием тех или других причин подсудимому предоставляется невозбранно лгать как ему угодно, ругать, кого угодно и сколько ему нравится, что, по личному моему убеждению, нельзя не признать совсем не соответствующим ни истинным задачам правосудия, ни его достоинству» [15, с. 24].

Подозреваемый, обвиняемый или подсудимый не несет ответственности за дачу ложных показаний, а свидетели и потерпевшие несут ответственность. Ведь в первом и втором случаях происходит посягательство на интересы правосудия, создающее сопротивление раскрытию и расследованию преступлений. Естественно, что заведомо ложные и ошибочные показания обвиняемого против других лиц имеют разное юридическое значение и поэтому неправильно их объединять и называть одним и тем же термином «сговор».

Любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является в то же время наиболее серьезным посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия. Таким образом, в случае заведомо ложного доноса о совершении преступления виновный посягает не только на интересы правосудия, но и на права личности, умаляя ее достоинство.

Поэтому такие действия человека, хотя и взятые в качестве инструмента его защиты, не могут считаться допустимыми.

Подозреваемый или обвиняемый вправе отказаться от дачи показаний или от дачи показаний без нарушения или ущемления прав и свобод других лиц, не причастных к совершению преступления, которое может быть совершено лицом, уклоняющимся от уголовной ответственности.

Весьма показательны данные, полученные в ходе обобщения дел этой категории С.М. Юдушкиным: «...к уголовной ответственности ... в 56,5 % случаев, были привлечены лица за ложное сообщение, носящее характер оговора, и в 43,5 % – за ложное заявление о самом факте преступления, совершение которого не связывалось в заявлении с каким-либо конкретным лицом» [4, с. 107]. Следовательно, более 50 % обвиняемых предпочитают оговаривать невиновных лиц.

Спорное мнение высказано А. Бриллиантовым, считающим, что «... вполне правомерной является постановка вопроса о некоторой корректировке судебной практики и признании наличия состава заведомо ложного доноса также и в тех случаях, когда его основным целевым назначением, является попытка уклониться от уголовной ответственности» [16, с. 18].

Большинство подозреваемых и обвиняемых пытаются уйти от уголовной ответственности. Мы считаем, что не следует распространять или расширять сферу действия заведомо ложного доноса на любые попытки виновного лица уклониться от уголовной ответственности.

Таким образом, заведомо ложный донос по нашему мнению – это умышленная ложь со стороны обвинителя, при этом, термин «заведомо ложный донос» по объему шире, чем «оговор невиновного лица», и охватывает ложные сведения, как о событии, так и о лице, якобы совершившем преступление.

1.2 Развитие отечественного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за заведомо ложный донос

Эволюция уголовного права широко исследовалась в научной юридической литературе стран СНГ [17-22].

«Принятие в 1845 году Уголовного кодекса Российской империи стало основным шагом в совершенствовании уголовного законодательства. Ответственность за ложное сообщение была предусмотрена в разделе 8 Кодекса «О преступлениях и правонарушениях против улучшения общественного порядка и благочиния» [23].

Данный документ не дает юридического толкования понятия «денонсация».

Формальные условия ложных сообщений (по Н.А.Неклюдову):

«1) расторжение должно быть оформлено в письменной форме или оформлено протоколом. Недопустимо доказывать в суде содержание ложного сообщения свидетельскими показаниями;

2) претензия должна быть подписана истцом. При несоблюдении этого требования жалоба рассматривается как клевета или анонимное письмо и не подлежит уголовному преследованию по ст. Код 940. Прекращение действия влечет уголовную ответственность в случаях, если информатор назвал себя вымышленным именем» [23].

«Жалоба не остается безнаказанной только потому, что она написана анонимным письмом. Клевета и безымянные жалобы, хотя и не являются уважительной причиной для расследования, но могут служить оправданием для полицейского обыска или расследования, могут включать одно и то же расследование» [23].

В связи с принятием Уголовного кодекса 1903 года было разработано уголовное регулирование ответственности за заведомо ложные обвинения: заведомо ложное заявление властей (статья 156) и умышленное предъявление властям ложного обвинения (статья 157).

Главным плюсом УК 1903 года явилось конкретное деление ответственности за неверное заявление без установки конкретного человека, с заведомо неверным обвинением конкретного человека.

Отдельные положения Уголовного кодекса 1903 года были использованы советским законодателем.

21 ноября 1921 года был принят Указ СНК «О наказании за предоставление заведомо ложных сведений» [24].

Нельзя не сказать о страшном времени в истории Казахстана, периода с 1937 по 1953 год. Конечно, доносы 1944 года окрашены периодом (послевоенные трудности, различные политические кампании). Но уникальный характер обличительных писем, отправленных в НКВД / МВД заключался не в их адресатах, их стиле, их тематике или датах их сочинения, а в своих целях. Доносы никогда не считались «подвигом» и доносчики, не были уважаемы людьми, однако, статей к ним никто не применял, более того, это поощрялось.

Некоторые из этих обвинений действительно могли быть рождены игрой сумасшедших воображений и параной.

Пример: Заместитель начальника управления НКВД Московского района, А. Полукаров, автор более 300 донесений, адресованных во все мыслимые (и невообразимые) места назначения: «Он систематически писал письма, которые имели клеветнический характер, в отношении, якобы преступной деятельности, «следствие, как правило, не подтверждало изложенные в письмах утверждения»» [19].

«Заинтересованные» доносы - это доносы, написанные для защиты личных интересов. Они занимают промежуточное положение между обычным ходатайством и доносом, в узком смысле слова, как его понимал В. Даль. Донос о «заинтересованности» иногда использовался, как средство самозащиты. Люди, которые сами были обвинены в злоупотреблениях и были обвинены, писали доносы против их преследователей. Они надеялись нанести превентивный удар и оказаться жертвами.

Распоряжением НКВД, от 15 мая 1941 г. в Особую инспекцию было передано исполнение специальных поручений, расследования дел, доносов, связанных с преступлениями, проверка заявлений, жалоб и сообщений о преступлениях. Такие действия приводили к тому, что правоохранительные органы вместо того, чтобы вести борьбу с заведомо имевшим место в жизни преступником, путем ложного сообщения, по сути, проверяли несуществующие действия и тем самым, отнимали немалое время.

Такое ложное сообщение приводило к тому, что пострадавший попадал в трагическую ситуацию. Этот метод был широко распространен в СССР в 1937-1940-х годах, в результате чего, миллионы людей были репрессированы и необоснованно пострадали. Объектом преступного правонарушения выступают системы судебной власти, деятельность отдельных их органов, а дополнительным непосредственным объектом - интересы потерпевшего (честь, личная свобода и т.п.).

Фальсификация обнаруживается, с момента уведомления вышеуказанных органов или должностных лиц. Основным условием совершения преступного правонарушения является заведомо ложный донос о факте, который не соответствует действительности, не имеет места в жизни.

Преступное правонарушение осуществляется непосредственно в субъектном порядке. Сам инициатор «заведомо ложного доноса», указанный в законе, сознавая, что сообщение виновного не соответствует действительности.

Таким образом, резюмируем, что на раннем этапе советского времени «заведомо ложный донос» считался «общественно опасным деянием». Он был запрещен законодательством Союза.

Уголовный кодекс Республики Казахстан был принят 16 июля 1997 года. Он вступил в силу 1 января 1998 года. Он обобщил развитие и применение Уголовного кодекса Казахской ССР 1959 года, в который вносились изменения и дополнения на протяжении более тридцати пяти лет.

Общее количество статей в Уголовном кодексе 1997 года – 390. Из них, в Общей части - 95, в Особенной части - 295, что превышает объем Уголовного Кодекса КазССР [26].

Данный кодекс, предусматривал ст.351 УК РК «Умышленная ложная денонсация».

«Умышленно ложный донос о совершении преступления, наказывается штрафом в размере от ста до двухсот ежемесячных оценочных показателей, либо, в размере заработной платы или иного дохода данного осужденного за

период от одного до двух месяцев, либо, при участии в общественных работах на срок, от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо, путем содержания под стражей на срок от трех до шести месяцев, либо, путем содержания под стражей лишение свободы на срок до двух лет» [25].

Возникает вопрос: были ли в новом УК РК недостатки? Конечно, да.

Во-первых, идеального кодекса не существует. Во-вторых, уголовный кодекс был создан в период проводимых в стране реформ, ее положения не учитывали стремительно развивающегося времени и не были готовы обеспечить долгосрочную и надежную защиту интересов правосудия в веке интенсивного прогресса цифровых технологий и стремительного изменения сознания людей под влиянием интернета.

5 апреля 2014 года были внесены поправки депутатов, в проекты Уголовного Кодекса. В частности, депутаты Абдиров Н.М., Бычкова С.Ф., Оксикбаев О.Н., Умирзаков И.К. внесли предложение изложить в следующей редакции Статью 419: «Заведомо ложный донос» [27].

«1. Заведомо ложный донос о совершении уголовного проступка - наказывается штрафом в размере до трехсот месячных расчетных показателей, либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до двухсот сорока часов.

2. Заведомо ложный донос о совершении преступления - наказывается штрафом в размере до трех тысяч месячных расчетных показателей, либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок» [27].

Нюансированным признаком заведомо ложного сообщения в соответствии с законодательством Республики Казахстан является практика совершения данного действия из корыстных побуждений. Здесь назначается наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет.

Совершение преступления в интересах организованной группы (преступной группы, преступного сообщества) - еще один квалифицирующий признак сообщения, признанного ложным. Ложный донос, связанный с этим квалификационным вызовом, влечет за собой тюремный срок до 10 лет [27].

Кроме того, уголовное законодательство Республики Казахстан предусматривает квалификационный признак, например, обвинение лица в умышленном предоставлении ложного сообщения, связанного с коррупцией. В Казахстане это преступное деяние сейчас признано тяжким преступлением, за которое выносятся наказания в виде лишения свободы на срок от 3 до 7 лет.

Согласно норме ст.419 УК РК преступление направлено как против личности, так и против правосудия:

«- с одной стороны, в том, что ложное обвинение в уголовном правонарушении в конечном итоге приведет к началу досудебного расследования;

- с другой стороны, в том, что это нарушает нормальную работу органов уголовного преследования, которые тратят силы и ресурсы на расследование никогда никем не совершенного преступления, на проведение необоснованных допросов граждан и других следственных действий, или, если преступление действительно совершилось место, по ложному следу, отвлекая от погони настоящего преступника» [27-30].

«Анализ практики применения ст.419 УК РК указал на актуальность вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за заведомо ложный донос в целях самообороны от уголовного преследования, который на сегодняшний день широко обсуждается многими учеными.

Судебная практика обычно идет по пути безнаказанности «ложных информаторов», которые в целях защиты предоставляют ложную информацию о преступлении» [31, 32, 33].

Большинство авторов (А. Горелик, С. Нафиева, А. Васина) считают, что необходимо учитывать ложную информацию, предоставленную подозреваемым или обвиняемым относительно предмета доказывания в уголовном деле, по которому лицо подозревается или обвиняется [34, 35].

Исследователь А.С. Горелик считает, что в случаях, когда целью заведомо ложного доноса была самооборона от преследования, ответственность за это преступление не наступит. [34, С. 260-261].

Однако, по его мнению, если «лжесвидетель» преследовал другую цель (например, месть следователю) и это не могло аннулировать доказательства его вины в предъявленном обвинительном заключении, то ответственность за жалобу, как известно, возлагается на ложно по общим причинам.

На наш взгляд, ложь подозреваемого или обвиняемого в уголовном производстве против него или подозрение в совершении данного преступления неограниченны. Однако, если такая ложь вредит или нарушает права других людей, можно утверждать, что такая ложь останется безнаказанной, а это абсолютно неправильно и нарушает права человека и гражданина.

По мнению исследователей С. Нафьева и А. Васина, сложившаяся практика не признает преследование «ложного информатора» с целью законной защиты от преследования, допуская методы защиты, не запрещенные законом. [35, с. 6-7].

Развивая эту идею, авторы приходят к выводу, что право на защиту не является безусловным и его реализация не должна нарушать права и свободы других граждан, которые обвиняемый узурпирует, объявляя ложное сообщение.

Между тем, позиции некоторых авторов (А. Федоров, И. Фаргиев), считающих, что в случае законной защиты лица от уголовного преследования, он также должен нести ответственность за заведомо ложное сообщение, в основном базируются на защите прав человека. интересы и права жертвы данного преступления. При этом не следует забывать, что права подозреваемого и обвиняемого согласно закону также подлежат защите (например, презумпция невиновности) [36,37].

По мнению исследователя А. В. Федорова, «пределы допустимого использования заведомо ложного сообщения как формы самозащиты для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, являются «границами» прав и свобод другого человека Поэтому, по мнению автора, данная информация может служить законной защитой, если не содержит ложных сведений о совершении данного преступления другим лицом» [36].

Исследователь И. Маргиев, «...упоминание о том, что право обвиняемого на защиту имеет определенные пределы, указывает на то, что в случаях, когда обвиняемый дает ложные показания в отношении других людей, утверждая, что преступление совершено не им, а другим лицом. или уменьшил свою роль в преступлении за счет сообщников, его действия следует рассматривать как важную защиту». «Если обвиняемый сознательно даст ложное уведомление, выходящее за рамки предъявленных ему обвинений, он будет привлечен к уголовной ответственности за это преступление» [37].

Анализируя данную позицию, следует отметить, что защита прав и интересов незаконно обвиняемого исключена. В этом отношении наиболее точным представляется мнение о том, что преднамеренное ложное осуждение является средством самообороны, если в таком сообщении не содержится обвинений конкретного лица в совершении преступления. Однако это требует пояснений.

На наш взгляд, это не всегда заведомо ложный донос, выражающийся в обвинении лица в совершении преступления, которое может нанести серьезный ущерб его правам и интересам. В этом случае подозреваемый или обвиняемый может умышленно использовать ложные сообщения в качестве средства самообороны. Однако, если обвинение такого лица имеет для него серьезные последствия, заведомо ложный донос не может рассматриваться как его собственная защита.

По нашему мнению, не может быть самообороной подозреваемого или обвиняемого при умышленном ложном доносе в отношении другого лица. Это связано с возрастающей общественной угрозой такой деятельности, которая может иметь более серьезные последствия не только для лица, обвиняемого в совершении преступления, но и для интересов компетентных органов.

В связи с чем, такое лицо должно нести ответственность по ст.419 УК РК. Однако на практике, обвиняемые и подозреваемые не связаны со своими показаниями, данными в ходе досудебного расследования и судебного следствия, судом ложь в показаниях обвиняемых и подсудимых воспринимается как способ защиты.

Тем самым, исследование показало, что положения нормы ст.419 УК РК не совершенны, не способны надлежаще отвечать реалиям нашего времени и подлежат изменению.

1.3 Зарубежный опыт противодействия ложному доносу

«Доверие невинных - самый полезный инструмент лжеца». Цитата из романа «Нужные вещи», написанного Стивенем Кингом в 1991 году, применима ко всем ложным обвинениям.

«Уголовное право других стран, применимое к разным семьям и правовым группам, предусматривает ответственность за введение в заблуждение, которое принимает две формы: как ложное основание для уголовного дела и как средство клеветы на жертву» [33].

«Субъектами ложного осуждения являются интересы судебной власти, деятельность государственных органов, честь и достоинство личности или репутация судебной власти. Ложное объявление преступления, проступка или дисциплинарного проступка карается по закону» [33].

Проведем анализ уголовно-правовой характеристики исследуемого преступления в разрезе правовых систем и сделаем выводы применительно для Казахстана.

Романо-германская правовая семья [39, 40].

Франция. В уголовном кодексе Франции, заведомо ложное сообщение о преступлении может касаться различных объектов.

Это зависит от вида ложного доноса: если он не содержит упоминания конкретного лица, он будет признан преступлением против правосудия. Если он содержит такую ссылку, это будет считаться преступлением против личности.

Во Франции нет общего обязательства о денонсации, кроме как в отношении преступления. Важно отметить, что донесение такого рода может быть сделано только прокурору или полиции (статья 223-6 УК).

Статья L. 226-10 Кодекса Пеналь гласит:

«Денонсация, сделанная любыми средствами и направленная против конкретного лица, о факте, который может повлечь судебные, административные или дисциплинарные санкции и который, как известно изготовителю, является полностью или частично ложным, когда он направляется либо судебному исполнителю, либо сотруднику судебной или административной полиции, или органу, имеющему право следить за этим или передать его в компетентный орган, или вышестоящему руководству, или работодателю соответствующего лица, наказывается пятилетним тюремным заключением и штрафом в размере € 45 000 ».

В соответствии со ст. 226-10 Уголовного кодекса Франции, содержание предоставленной информации может включать информацию не только о данном преступлении, но и о другом преступлении. Этот вывод следует из текста статьи, в которой признается, что ложное уведомление может иметь негативные последствия с точки зрения судебных, административных или дисциплинарных санкций.

Адресатами ложного уведомления являются сотрудники судебного департамента, сотрудники судебной или административной полиции, орган,

уполномоченный инициировать процедуру прекращения действия или передать его в компетентный орган, орган более высокой степени или работодатель обвиняемого.

Статья 226-11 Уголовного кодекса Франции гласит, что в случае, если деяние, заявленное в денонсации, стало основанием для возбуждения уголовного дела, решение по обвинению автора денонсации может быть принято только после окончательного решения, вынесенного по доносу.

Наказание за указанное деяние, не содержащее указания на конкретное лицо, предусмотрено ст. 434-26 УК Франции и назначается в виде лишения свободы на срок до шести месяцев и штрафа. При этом вредные последствия этого акта заключаются в необходимости проведения судебными органами тщетного обыска, то есть бесполезного расследования с отвлечением на него сил и средств.

Испания. Особое внимание уделяется вопросам, рассматриваемым в Уголовном кодексе Испании, который включает главу V раздела XX "О ложных обвинениях, ложном доносе и симуляции преступлений", которая содержит две статьи (статьи 456-457). Уголовными преступлениями признаются действия лица, которое, зная ложь или игнорируя истину, обвиняет другое лицо в совершении преступления, когда это обвинение предъявлено судебному или административному должностному лицу.

Наказания также различаются в зависимости от содержания извещения об увольнении: если это было обвинение в тяжком уголовном преступлении - лишение свободы на срок от шести месяцев до двух лет и штраф в размере от двенадцати до двадцати четырех месячных окладов; за менее тяжкое преступление - штраф в размере от двенадцати до двадцати четырех месячных окладов; за проступок - штраф в размере от трех до шести месячных окладов.

Интересно, что статья 457 предусматривает уголовную ответственность за самооговор, когда лицо ложно признает себя виновным или является жертвой уголовного преступления перед указанным сотрудником или заявляет об отсутствии уголовного преступления путем возбуждения судебного дела. Такие действия наказываются штрафом в размере от шести до двенадцати месячных окладов.

Повышенная ответственность устанавливается в случае представления ложных доказательств против обвиняемого по уголовному делу, а также в Международном суде, который в соответствии с договорами, должным образом ратифицированными в соответствии с Конституцией Испании, осуществляет вытекающие из этого полномочия или в случае исполнения в Испании решения, вынесенного иностранным судом.

В этом случае виновное лицо наказывается лишением свободы на срок от одного года до трех лет и штрафом в размере от шести до двенадцати месячных окладов. Если в результате лжесвидетельства был вынесен обвинительный приговор, назначается более высокое наказание.

Польша. Рассматриваемые вопросы подробно регулируются Уголовным кодексом Республики Польша.

Статья 234 указанного законодательного акта предусматривает ответственность за ложное обвинение другого лица в совершении преступления, правонарушения или ненадлежащего дисциплинарного поведения к органу, привлеченному к уголовной ответственности, или принятие решений по перечисленным категориям дел. Нарушителю грозит штраф, наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы на срок до 2 лет.

Статья 235 Уголовного кодекса Республики Польша предусматривает уголовную ответственность за действия, направленные на создание ложных доказательств или мошенническое преследование определенного лица за совершение уголовного преступления, правонарушения или дисциплинарного проступка. Наказываются также действия лица, направленные на достижение указанного результата преступной деятельности. Эти действия караются лишением свободы на срок до 3 лет.

Украина. Статья 383 Уголовного кодекса озаглавлена так: «Заведомо ложное сообщение о совершении преступления». В соответствии с диспозицией ч. 1 названной статьи уголовно наказуемым является заведомо ложное сообщение суду, прокурору, следователю или органу досудебного расследования о совершении преступления.

Согласно ч. 1 ст. 311 УК *Республики Молдова* заведомо ложный донос должен был сделан органу или должностному лицу, имеющему право возбудить уголовное преследование, с целью обвинения кого-либо в совершении преступления.

Параграф 164 *Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии* раздела X «Ложное подозрение» закрепляет ответственность лица, которое действует с умыслом в соответствующем органе или публично высказывает о ком-либо утверждения фактического характера, которые могут вызвать проведение процесса или других мер против лица, или допускает их проведение. При этом в перечень субъектов преступления включены должностные лица.

Уголовный кодекс Швейцарии. Статья 303 кодекса включена в раздел XVII «Преступления и правонарушения против правосудия» (статьи 303–311), предусматривает уголовную ответственность за ложное обвинение для лица, которое в компетентном органе умышленно обвиняет невиновное лицо в совершении преступления или преступления в целях с целью уголовного преследования последний, а также иным образом организует злонамеренные мероприятия с той же целью. Действия правонарушителя наказываются каторжными работами или лишением свободы. Если ложное обвинение относится к преступлению, наказывается лишением свободы или штрафом.

Статья 304 *Уголовного кодекса Швейцарии* устанавливает ответственность в случае введения правосудия в заблуждение, в том числе за самообвинение в компетентном органе при совершении уголовного деяния. Виновная сторона

наказывается лишением свободы или штрафом, но в особо легких случаях судья может отменить наказание.

Повышенная ответственность устанавливается в том случае, если вышеуказанные действия подтверждаются клятвой или скрепляются рукопожатием. Такие действия наказываются каторжными работами до пяти лет или лишением свободы на срок не менее шести месяцев. В случае, если ложные утверждения относятся к фактам, не имеющим значения для решения суда, наказывается лишением свободы на срок до шести месяцев.

Однако ст. 308 Уголовного кодекса Швейцарии предусматривает, что, если лицо совершило преступления по смыслу ст. 303-304, 306-307 указанного уголовного закона, по собственной инициативе и юридический ущерб с их стороны еще не наступил, судья может смягчить приговор по своему усмотрению или отказаться от приговора.

Грузия. Статьей 373 УК Грузии «Ложный донос» предусмотрена ответственность за совершения такого доноса о совершении преступления (ч.1), то же деяние соединенное с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо с искусственным созданием доказательств обвинения (ч.2), деяние, предусмотренное частью совершенные из корыстных побуждений или личных мотивов или повлекшие тяжкие последствия (ч.3). В 1 и 2 части максимальное наказание предусматривает до 4 лет лишения свободы, в 3 части от 4 до 6 лет лишения свободы. При этом, признак заведомости ложного доноса в Уголовном кодексе Грузии отсутствует.

Англо-саксонская правовая семья [39, 40].

США. Свои особенности присущи уголовному законодательству стран англо-саксонской правовой семьи, самым ярким представителем которых являются Соединенные Штаты Америки (США).

В соответствии с параграфом 1001 уголовного законодательства США тот, кто по какому-либо вопросу, относящемуся к компетенции какого-либо министерства или ведомства Правительства Соединенных Штатов, заведомо и умышленно фальсифицирует или скрывает при помощи уловки, плана или выдумки какой-либо действительный факт, делает ложное или фиктивное заявление либо изготавливает или использует какой-либо документ, зная, что таковой содержит ложное или фиктивное заявление или запись, карается штрафом или тюремным заключением на срок до пяти лет, либо обоими наказаниями.

Уголовный кодекс Калифорнии. В Соединенных Штатах заявителю, который подает ложную жалобу в полицию, будет предъявлено обвинение в преступлении «ложное сообщение офицеру по поддержанию мира». Законодательство о подаче неверного полицейского отчета меняется от штата к штату. В статье 148.5 Уголовного кодекса Калифорнии говорится, что искажение сведений о преступлении является уголовным преступлением. Обвинение также зависит от степени обмана. Подача ложного отчета может

быть, как правонарушением, так и уголовным преступлением. Проступок - это правонарушение, не подлежащее предъявлению обвинения, тогда как тяжкое преступление – это, уже преступление.

Решение о предъявлении заявителю обвинения в совершении уголовного преступления или проступка, зависит от того, причиняет ли дело неудобства полиции или другим властям. Инциденты, которые причиняют меньше неудобств полиции и другим властям, будут классифицироваться как проступки. Определение подачи ложного сообщения варьируется от штата к штату. Однако, можно обобщить, что подача неправильной жалобы влечет за собой ложь в полицию.

Положительные утверждения, которые являются ложными, - это один из способов подачи неправильной жалобы в полицию. Ложный отчет в Соединенных Штатах также может быть результатом упущения материала, который рисует ложную картину полиции. Кто-то может быть привлечен к ответственности за ложное сообщение, если он не укажет конкретные детали при подаче жалобы в полицию. Отчет о ложном происшествии или неверных деталях происшествия, может быть предоставлен офицеру полиции, большому жюри, прокурору или оператору службы экстренной помощи.

Согласно Уголовному кодексу Калифорнии, подача неправильного отчета в полицию включает ложное сообщение о преступлении, в котором преступления не было. Раздел 148.5 Уголовного кодекса также предусматривает использование вымышленного имени или личности при подаче заявления в полицию, как указано в разделе 529 УК Уголовного кодекса. Предоставление ложной информации или подробностей инцидента, также является преступлением. Ложное сообщение о краже или повреждении, также считается ложным сообщением. Наконец, заведомая ложь о реальной стоимости украденных или поврежденных вещей, также является преступлением.

Законы Соединенных Штатов признают, что память человека может быть ненадежной или что человек мог получить неточную или ложную информацию от другого человека до подачи заявления в полицию. В состав преступления входят два элемента: во-первых, обвиняемый подал заявление офицеру по охране общественного порядка, во-вторых, обвиняемый знал или имел основания полагать, что заявление было ложным.

Независимо от того, привело ли ложное сообщение к проступку или уголовному преступлению, тюремное заключение является приемлемой формой наказания. За проступок, заявителю может грозить один или два года лишения свободы. За тяжкое преступление может грозить испытательный срок, но возможно и более строгое тюремное заключение от 2 до 10 лет.

Обвиняемым, подавшим ложное заявление в полицию, также может быть приказано возместить ущерб. Этот приказ используется потому, что система уголовного правосудия потратила бы впустую свои ограниченные ресурсы на расследование преступления, которого не существует, или на расследование неправильного обвиняемого.

В ограниченных случаях, можно также обвинить в воспрепятствовании осуществлению правосудия, если преступление, о котором было сообщено таким образом, привело полицию к охоте на «диких гусей». Также, можно понести гражданскую ответственность за ложное заявление полиции. Ответчик также может нести материальную ответственность за клевету.

Еще одно заявление, которое может быть основано на этой причине. - это умышленное причинение эмоционального стресса. Это может быть поддержано, потому что заполнение неправильного полицейского отчета может привести к потере работы из-за клеветы.

В Соединенных Штатах есть средства защиты для заявителя, который хочет избежать уголовного обвинения в ложном доносе. Можно представить доказательства того, что они не делали ложного отчета. Заявитель также может доказать суду, что во время составления отчета он ошибался или считал его правдой. Заявитель также может доказать, что имел место классический случай ошибочной идентификации.

Причина столь ужасных последствий подачи неправильного отчета в полицию заключается в том, что доверие к жертве или свидетелю является необходимой основой системы уголовного правосудия. Ложные отчеты полиции, обычно приводят к аресту лица, против которого было подано сообщение.

Уголовный кодекс Канады. Определение неправильной жалобы или ложного сообщения в Канаде, идентично определению в Соединенных Штатах. В соответствии с Уголовным кодексом Канады, истец, подавший неправильную жалобу в полицию, будет обвинен в причинении вреда обществу. Преступление, в виде причинения вреда обществу, квалифицируется в статье 140 Уголовного кодекса.

Раздел 140 (1) гласит, что любое лицо, совершающее преступление в виде причинения вреда обществу, если оно, с намерением ввести в заблуждение, заставляет миротворца начать или продолжить расследование одним из четырех способов. Первый способ - сделать ложное заявление, в котором обвиняется другое лицо в совершении преступления, перечисленного в разделе 140 (1) (а).

Второй способ, изложенный в разделе 140 (1) (б), заключается в совершении действия, вызывающего подозрение в совершении преступления другого невиновного человека. Это можно сделать, отвлекая от себя подозрения.

Третий способ причинения вреда обществу - это сообщение о совершении правонарушения.

Четвертый способ убедиться в том, что они обвиняются в преступлении, связанном с причинением вреда обществу, - это сообщить о смерти, если она не наступила, или сообщить ложную смерть каким-либо иным образом, если заявителю, что такое лицо не умерло. Для данных целей раздел 140 (1) (с) уместен, поскольку он касается ложных сообщений.

Страны Азиатского и Тихоокеанского региона [39, 40].

Япония. Согласно Уголовному кодексу Японии, ответственность за ложный донос предусмотрена ст.172 УК «Оговор», которая гласит, «тот кто сделал ложное сообщение с целью добиться возбуждения уголовного дела или дисциплинарного преследования против другого лица наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до десяти лет».

При этом, в статье 173 УК предусмотрено смягчение наказания или освобождение от наказания в результате признания.

В частности, если лицо, совершившее данное преступление созналось до того, как по делу, в котором оно сделало ложное сообщение, решение вступило в законную силу или было наложено дисциплинарное взыскание, то возможно смягчение или освобождение от наказания.

Следует обратить внимание на то, что уголовно наказуемый донос должен преследовать цель возбуждения только уголовного дела или дисциплинарного производства и быть персонифицированным, то есть направленным против конкретного лица.

Китай. Статья 243 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики устанавливает ответственность за фальсификацию фактов, клевету в отношении третьих лиц, совершенные с целью привлечения этих лиц к уголовной ответственности, при отягчающих обстоятельствах.

Перечисленные деяния подлежат лишению свободы на срок до 3 лет, аресту или краткосрочному надзору. В случае серьезных последствий после совершения преступления наказание становится более суровым: лишение свободы от 3 до 10 лет.

Рассматриваемая статья устанавливает повышенную ответственность для особых субъектов - сотрудников государственных органов, которым назначается наиболее строгое наказание из предусмотренных.

Согласно статье 243 УК КНР любой, кто придумывает истории для вовлечения другого человека с намерением привлечь к уголовной ответственности, если обстоятельства серьезные, должен быть приговорен к срочному лишению свободы на срок, не более трех лет, уголовному аресту или общественному наблюдению; если последствия серьезные, он должен быть приговорен к срочному наказанию, лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Любой сотрудник государственного органа, совершивший преступление, указанное в предыдущем параграфе, подлежит более суровому наказанию. Положения предыдущих двух параграфов не применяются к случаям непреднамеренного ложного обвинения, ошибочной жалобе или необоснованного обвинения.

В Австралии существует девять уголовных юрисдикций - Федеральная, шести штатов и двух территорий. Таким образом, неизбежно возникает большое количество различий в уголовном законодательстве, действующем в Австралии [36]. Уголовное законодательство Квинсленда, Западной Австралии и Тасмании (так называемые «юрисдикции Уголовного кодекса») и уголовное

законодательство Виктории, Южной Австралии и Нового Южного Уэльса (так называемые «юрисдикции общего права») применяется в юрисдикции шести штатов. По одному и тому же признаку они выделяют юрисдикцию двух территорий: Северная территория относится к юрисдикциям Уголовного кодекса, столичная Союзная территория - к юрисдикции общего права. В этом случае юрисдикция Уголовного кодекса отличается от юрисдикции общего права. На первой территории юрисдикций действует собственное уголовное законодательство, а на второй территории - приоритет отдается прецедентному праву.

В Новом Южном Уэльсе ложное обвинение предусматривает максимальное наказание в виде 7 лет лишения свободы. Судебное преследование в соответствии с этим разделом обычно является результатом ложного обвинения, которое приводит к значительному полицейскому расследованию.

Преступление ложных обвинений содержится в разделе 314 Закона J преступлений, которое гласит: лицо, выдвигающее обвинение, намеревающееся стать объектом расследования преступления, зная, что другое лицо невиновно в совершении преступления, подлежит лишению свободы на 7 лет.

Устав Республики Корея. Статья 156 Уголовного кодекса Республики Корея «Ложное обвинение» предусматривает наказание в виде тюремного заключения на срок, не более десяти лет или штрафа в размере, не более пятнадцати миллионов вон за сообщение ложной информации государственному учреждению или государственному должностному лицу, с целью наложения уголовного или дисциплинарного наказания в отношении другого лица.

Республика Филиппины ВЕРХОВНЫЙ СУД Манила. Статья 326 Уголовного кодекса гласит: преступление, состоящее в ложном обвинении или доносе, совершается путем ложного вменения любому лицу действий, которые, если бы они были правдой, составляли бы преступление, которое привело бы к судебному разбирательству, если бы вменение было предъявлено административному или судебному должностному лицу, которое было бы обязано приступить к его расследованию или наказанию, в связи с его служебным положением.

Однако доносчик или обвинитель не подлежат судебному преследованию, кроме как на основании окончательного приговора или приказа, столь же окончательного, суда, который принял к сведению вменяемое преступление и отклонил жалобу. Последний должен возбудить дело против доносчика или обвинителя при условии, что основная причина должна содержать достаточные основания для возбуждения иска.

В соответствии с этими положениями Уголовного кодекса, статья 795 Реформации предусматривает, что, когда причина не доказана, суд может удостовериться в том, что предъявление иска не нанесло ущерба репутации обвиняемых сторон или какой-либо из них.

Суд также может по просьбе стороны, в отношении которой ведется судебное преследование, оставить за последней право подать иск по жалобе на ложное обвинение.

Таким образом, никакой гражданский иск, о возмещении ущерба, в результате злонамеренного судебного преследования, не может быть возобновлен, если суд, оправдывая обвиняемого по уголовному обвинению, не прикажет возбудить уголовное преследование в отношении свидетелей, подавших жалобу по ложному обвинению.

Статья 326 Уголовного кодекса предусматривает, что уголовное преследование за ложное обвинение или жалобу по уголовному делу, не может быть начато, если судья, отклоняя первую жалобу, не прикажет подать жалобу на подающего жалобу свидетеля по ложному обвинению.

Религиозная правовая семья [39, 40].

Мусульманское право относится к одной из основных правовых семей современности, наряду с англосаксонской и романо-германской.

Многие исследователи отмечают, что мусульманское право, как своеобразный юридический феномен имеет откровенно религиозное содержание. Оно возникло в единстве с шариатом, представляющим собой важнейший компонент исламской религии. Его можно считать отдельной составной частью религии ислама.

Мусульманские юристы выделяют две взаимосвязанные группы источников шариата. К первой относятся Коран (священная книга, содержащая высказывания пророка Мухаммеда) и сунна (предания пророка), а ко второй – нормы, сформулированные мусульманско-правовой доктриной на основании иджмы (единогласное мнение наиболее авторитетных знатоков ислама) и кияса (суждения по аналогии). Источники первой группы называют первоисточниками, они представляют собой идейно-теоретическую базу мусульманского права, а источники второй группы – рациональными, которые содержат значительное большинство разработанных норм права.

Коран – «священная основа» мусульманского вероучения. Профессор Е.А. Беляев писал, что «единственным первоисточником мусульманского права, в том числе уголовного права, является Коран».

Генетически близок к Корану и тесно связан с ним второй источник мусульманского права – сунна. Сунна – это собрание хадисов, т.е. преданий о жизни Мухаммеда, его поведении, поступках, образе мыслей и действий. Сунна состоит из описаний поступков Мухаммеда (фил), высказываний Мухаммеда (каул) и его невысказанных одобрений (такарир).

Преобладающая часть нормативных предписаний Сунны имеет казуальное происхождение. По сравнению с Кораном Сунна содержит значительно большее количество конкретных, в том числе уголовно-правовых норм, что объясняется самим назначением Сунны.

Иджма - это третий источник мусульманского права, составленный по единодушному соглашению докторов ислама, единодушное мнение авторитетных лиц по обсуждаемому вопросу. Мухаммед считал, что мусульманская община не может обижаться. Это утверждение легло в основу признания правомерности данного источника. Фактически от имени общины выступают наиболее сведущие юристы, теологи, которые и выносят единогласное решение.

По способу, как иджма должна выражаться и доводиться до общего сведения, были определены три ее категории:

1 иджма – высказанное вслух согласие, т.е. общее решение, принятое при единогласном обсуждении;

2 иджма – практическое согласие, т.е. решение не обсуждавшееся, но вытекающее из одинаковых решений и действий при одинаковых обстоятельствах;

3 иджма – невысказанное, "молчаливое" согласие, т.е. решение кого-то одного, известное в принципе всем, против которого не было сделано какихлибо возражений.

Практическое значение иджмы велико. Коран, сунна и иджма – три источника права, но это источники различного плана. Всеобщим согласием был признан законный характер суждения по аналогии (кияс). Представляя собой простую форму умозаключения, оно было возведено мусульманским обществом в ранг четвертого источника права.

Суждение по аналогии можно рассматривать лишь как способ толкования и применения права. При помощи суждения по аналогии можно, исходя из норм права, найти решение, которое должно было быть принято в данном частном случае.

Указанные источники являются основными для мусульманского уголовного права. В основе ислама лежит, во-первых, идеология, формирующая мировоззрение и жизненные устремления последователя ислама; во-вторых, религиозные предписания, определяющие уклад жизни мусульманина, а также являющиеся источником его морально-нравственного кодекса; в-третьих, правовые нормы.

Мусульманское уголовное право (укубат) направлено на охрану и защиту пяти основных ценностей ислама – веры, жизни, разума, собственности и продолжения потомства. Характерной чертой мусульманского уголовного права является то, что в формировании большинства его норм государство участвовало косвенно, т.е. путем санкционирования выводов мусульманско-правовых толков.

Для мусульманского уголовного права характерно слабое развитие общих норм и институтов, равно применимых ко всем деяниям: они разрабатывались применительно к тем или иным преступлениям, и могли, вследствие этого, различаться. Мусульманское уголовное право включает в себя большое число процессуальных норм, а также норм, регулирующих исполнение наказаний.

В мусульманском уголовном праве отсутствует четкое определение субъекта преступления. В соответствии с шариатом ответственность за совершенное преступление может наступать только для живого, разумного, то есть, вменяемого, обладающего свободой воли человека.

В основу классификации преступлений положены 2 критерия – определенность наказания за то или иное деяние в Коране и сунне (которые, кроме религиозных, содержат некоторые правовые предписания) и характер нарушенных интересов и прав. Все права и интересы делятся на «права Аллаха» и права частных лиц.

Говоря о классификации преступлений в мусульманском уголовном праве, необходимо отметить, что преступления по степени тяжести в нем подразделяются на джинаят (крупные преступления), джунха (мелкие преступления), и тахаллуф (нарушения).

Некоторые правоведы, в том числе шииты, разделяют преступления на кабира – крупные и сагира – мелкие. К кабира относятся: убийство, лихоимство, прелюбодеяние, мужеложство, сводничество, употребление спиртных напитков, клевета, уклонение от джихада (священной войны), принуждение свидетелей к даче ложных показаний, неповиновение сына, богохульство, обмеривание и обвешивание, ложное толкование поучений пророка, задержка в совершении паломничества, беспричинные телесные повреждения и мучение мусульман. Сюда также относятся отказ от дачи показаний, взяточничество, помощь тиранам, отказ от платы закята, злословие, ложный донос, аборт, растрата имущества сирот, зихар (развод); колдовство, азартные игры и др.

Остальные преступления считаются мелкими (сагир). Кабира от сагира отличается тем, что к кабира относятся те преступления, которые записаны в шариате. Определение сагира зависит от кади. В зависимости от характера преступления и порядка назначения наказаний, а также их видов все преступления делятся на три основные группы (категории): хадд, кисас и тазир.

Категория «хадд» включает преступления, которые представляют наибольшую общественную опасность, посягают на права Аллаха (т. е. интересы всей мусульманской общины) и наказываются точно определенной санкцией - хадд.

Категория «кисас» объединяет преступления, которые также влекут фиксированное наказание (кисас, кавад или дица), но нарушают права отдельных лиц. Категория «тазир» включает все иные правонарушения, которые наказываются не жестко установленной санкцией - тазир и могут затрагивать как права Аллаха (к ним относят нарушения всех религиозных обязанностей), так и частные интересы. Лжесвидетельство - правонарушение категории тазир.

Правонарушения категории тазир - это деяния, наказания за которые определяются по усмотрению судьи. Тазир - это система наказаний, применяемых за преступления, не упомянутые и не определенные в Коране или Сунне. За эти преступления могут назначаться и телесные наказания, и лишение свободы, и штраф, и устное порицание.

Уголовный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов. Ложные обвинения отличаются от необоснованных обвинений. Безосновательные обвинения - это обвинения, в которых нет достаточных подтверждающих доказательств, чтобы определить, является ли обвинение истинным или ложным. Ложное сообщение определяется, как преднамеренное предоставление соответствующему органу неверной информации с целью причинить кому-либо вред.

Ложные обвинения делятся на три категории. Первый вид - это утверждения, которые ошибочны, потому что событий, на которые ссылается заявитель, не произошло. Во второй категории заявитель описывает события, которые действительно произошли, но заявитель ошибочно указал личность правонарушителя. Проще говоря, это относится к ситуации, когда описывается преступление, которое не было совершено обвиняемым, а обвиняемый невиновен. К третьей категории относится неправильное представление заявителя о том, какие события действительно произошли, а какие нет.

Статья 266 Уголовного кодекса Объединенных Арабских Эмиратов гласит, что лицо, сообщившее ложную информацию о преступлении, будет приговорено к лишению свободы, если это лицо сделало это сознательно. Статья 275 Уголовного кодекса ОАЭ гласит, что любое лицо будет подвергнуто тюремному заключению на срок менее шести месяцев и / или штраф, не превышающий трех тысяч дирхамов, если он или она сообщит о преступлении, которого, как ему известно, не существует, или преступлении, которое он или она знает, что никогда не было совершено.

Статья 276 гласит, что лицо должно быть приговорено к задержанию или подлежит уплате штрафа, если он ложно и недобросовестно предоставит ложное сообщение. Сообщаемое преступление должно быть преступлением, влекущим за собой уголовное или дисциплинарное взыскание. Согласно этому разделу, кто бы ни сфабриковал ложные материалы о том, что кто-то совершил преступление, которое вызывает судебный иск против этого человека, это лицо подлежит тюремному заключению или штрафу.

Если ложное обвинение приводит к наложению штрафа за тяжкое преступление, клеветник должен быть наказан тем же приговором, что и обвиняемый. Лицо, подавшее неправильную жалобу в полицию, также может нести ответственность за клевету. Лицо, которое было ложно обвинено в результате ложного отчета полиции, может подать отдельную жалобу на уголовное дело против заявителя, подавшего ложное обвинение.

Статья 63 Уголовного кодекса гласит, что сотруднику правоохранительных органов, расследующему ложное обвинение, не может быть предъявлено обвинение в совершении преступления. Это положение защищает сотрудников полиции, расследовавших ложное преступление, от преследования или судебного преследования.

Уголовный кодекс ОАЭ позволяет несправедливо обвиненному подать отдельную уголовную жалобу против любого, кто выдвинул против него ложное обвинение. Суды установили, что приговоры по уголовным делам должны

основываться на определенности, а не на подозрениях и предположениях. Суды назначат наказание, сопоставимое с размером вреда, причиненного потерпевшему.

Традиционная правовая семья (страны Африки) [39, 40].

В результате некоторых особенностей исторического развития право африканских стран, которые обрели национальную независимость в итоге распада колониальной системы, соединяется с религиозным правом на пороге двадцать первого века, а также с обычным правом, всё ещё действующим в широкой сфере существующих общественных отношений.

Источниками южноафриканского законодательства, являются:

- Конституция (первичная ссылка).
- Общее право.
- Обычное право.
- Прецедент.
- Законодательство.
- Труды юристов.

Общее право основано на римско-голландском со значительным влиянием английского права. Общее право было развито на основании решений судов, и на него повлиял ряд культур, составляющих южноафриканское общество.

Формальная правовая система иногда используется для сдерживания несправедливости и эксплуатации в рамках обычной системы. В сельских районах традиционные институты часто отправляют правосудие на уровне деревни, решая бытовые споры и мелкие земельные вопросы в соответствии с обычным правом. Тем не менее, формальная судебная система все больше вытесняет эти традиционные способы.

Таким образом, подход законодателей Казахстана и других перечисленных государств к исследуемым вопросам различен. Так, если действующее уголовное законодательство стран постсоветского пространства в целом характеризуется единым подходом к формулировке уголовной ответственности за заведомо ложный донос, то в уголовных кодексах стран Европы и США нормы о рассматриваемых преступлениях содержатся в отдельных, посвященных именно этим деяниям главах.

Анализ показал, что среди наказаний преобладают лишение свободы и штраф. При этом, законодательство отдельных стран предусматривает смягчение наказания либо освобождение от наказания в случае признания вины до вынесения окончательного решения по делу и отсутствия общественно опасных последствий. Это, как нельзя кстати к нашему уголовному законодательству, которое проходит период гуманизации.

В отдельных странах, ответственность за ложные доносы выше чем в других, местами по нашему мнению чрезмерно суровая (КНР).

Обращает на себя внимание закрепление в Уголовном кодексе Польши обязательного условия наступления ответственности - предупреждения об

ответственности за ложный донос; в Японии - цели возбуждения уголовного дела в отношении определенного лица; во Франции - корыстного характера посягательства, в Грузии – отсутствия признака заведомости.

Анализ уголовной ответственности за ложный донос в других государствах показал, что при регламентации состава ложного доноса одинаково опасны как излишняя казуистичность, так и чрезмерная лаконичность изложения диспозиций. Подробная регламентация диспозиции и квалифицирующих признаков может привести к безнаказанности лиц, чьи действия не содержат признака преступления. Простая же диспозиция может вызвать проблемы при квалификации преступления.

Из вышесказанного следует, что наиболее предпочтительным для казахстанского уголовного закона представляется краткий (простой) вариант изложения диспозиции анализируемой статьи, с расширением квалифицирующих признаков в зависимости от общественно опасных последствий.

Кроме того, для исключения проблем правоприменения, необходимо издание Нормативного Постановления Верховного Суда РК, с изложением судебной практики и обстоятельств, при которых деяние будет содержать все признаки преступления и некоторые вопросы квалификации таких деяний.

Об этом также свидетельствуют результаты опроса действующих практиков подразделений следствия МВД и прокуратуры, 90% которых желали вынесения Верховным Судом РК соответствующего постановления Пленума с разъяснениями по наиболее сложным вопросам.

2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО ДОНОСА

2.1 Объект и субъект заведомо ложного доноса

Ученые не выработали единого понимания предмета преступления.

«Тот, против кого оно совершено, то есть отдельные лица или группы людей, имеющие материальную или нематериальную ценность, которые, будучи защищены уголовным законодательством, в результате подвергаются криминальному влиянию, из которых эти люди получили травмы или им угрожает причинение вреда» [41].

Другие ученые предполагают, что объектом преступления является «система общественных отношений между защищаемыми уголовным законом лицами, которым нанесен ущерб в результате совершения преступления». [41]

В теории уголовного права объект преступления классифицируется по вертикали (общий, общий, частный, прямой) и по горизонтали (основной и дополнительный). Общим объектом преступления признается «совокупность общественных отношений, находящихся под защитой уголовного закона» [42]

Общий объект преступления понимается как «ряд однородных социальных отношений, которые в силу этой однородности защищены единым комплексом взаимосвязанных уголовно-правовых норм». [43] Родовой объект относится к соответствующему разделу УК РК. Перечень мер уголовно-правовой защиты, защищенных от преступного вмешательства и, следовательно, общий объект вмешательства, включен в действующее законодательство под определение преступной принадлежности (статья 2 Уголовного кодекса Республики Казахстан).

Сила государства понимается учеными как «явление, вызванное социальной асимметрией в обществе и определяемое необходимостью с ней бороться, упрямое отношение, сторона которого является особой проблемой - государство через его органы и служащих представлено». [44]

Было высказано несколько позиций по общему предмету рассматриваемого преступления.

«Общей целью исследуемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование судебной системы, другие называют это связями с общественностью при осуществлении государственной власти» [44].

Считаем, что вторая позиция правильная, так как такое понимание родового объекта обычно более оправдано из-за названия главы, указывается особенная часть УК РК, общий предмет уголовных правонарушений, ответственность за которые в статьях предусмотрена в данной главе. Количество и тип универсальных объектов не постоянны. Понимание родового объекта как социальных отношений в сфере правосудия скорее характеризует конкретный объект преступления.

Когда в 1997 году был опубликован Уголовный кодекс Республики Казахстан. В связи с выделением новых универсальных объектов были созданы пять глав, не вошедших в прежний Уголовный кодекс.

Глава об экономических преступлениях была исключена, а глава «Государственные преступления» претерпела значительные изменения: во-первых, в Уголовном кодексе 1997 года. Под этим названием нет главы. Во-вторых, некоторые преступления, содержащиеся в этой главе, включены в новую главу, а некоторые из них классифицируются как преступления в сфере экономической деятельности.

Видовой объект - это часть общего объекта, объединяющего все более тесные группы отношений. Некоторые авторы выделяют в составе универсального объекта конкретный объект, объединяющий группу однородных преступлений. Расследуемое преступление перечислено в главе 15. Преступления против судебной власти и порядок исполнения приговоров (СТ.339-365). Соответственно, конкретным предметом рассматриваемого преступления является интерес правосудия.

Ввиду преступлений против правосудия В.В. Смолин отметил, что «в науке советского уголовного права детально разработано понятие двух смыслов правосудия». [45]

Эта концепция была развита в работе И.С. Власова, И. Тяжкова, считавших, что «правосудие, как предмет защиты по уголовным делам, следует понимать шире, чем правосудие в уголовном смысле, и охватывает не только действия суда в области рассмотрения и разрешения дел в контексте судебного разбирательства», но также и деятельность органов предварительного расследования, уголовной системы и органов прокуратуры по достижению целей судебной власти». [46]

Ученые-правоведы обоснованно заявили, что «законодательный орган, создавший нормы уголовной защиты судебной власти, исходил не из процессуального значения этого понятия, а включил его в последнее, более полное содержание».

Не все ученые разделяют такое понимание видového объекта. Итак, К. Чайка предположил, что конкретным объектом преступлений против правосудия являются «отношения, складывающиеся из содержания правоотношения, его участников и объектов правоотношения». [47]

Такое понимание объекта основано на позиции, согласно которой правосудие характеризуется «строгим регулированием процессуального законодательства и что эта деятельность всегда осуществляется по определенной процедуре, вне которой она просто не может существовать» [48].

Не все юристы согласны с заявленной позицией. Так, например, можно процитировать позицию, согласно которой конкретный объект рассматриваемого преступления следует рассматривать как «совокупность отношений, гарантирующих правильное выполнение судом, прокурором, следствием, следствием. И судебные акты органов власти, деятельность по

отправлению правосудия, гарантирующие обязательность исполнения судебных и иных процессуальных действий» [49].

М.Ю. Дворецкий придерживается аналогичной позиции. Дворецкий, отмечая, что конкретным объектом является «совокупность общественных отношений, обеспечивающих надлежащее функционирование конкретного вида расследования, следствия, прокуратуры, трибунала и органов, осуществляющих судебные акты для достижения целей и задач правосудия». [50] Полагаем, что такое понимание видового объекта является верным.

А.С. Горелик, Л.В. Лобанов разделил преступления против правосудия на две основные группы:

- преступления, нарушающие общественные отношения, являющиеся предпосылкой для выполнения процессуальных функций и ответственности за совершение процессуальных действий,

- преступления, нарушающие общественные отношения, обеспечивающие направление процессуальной деятельности и действия по осуществлению процессуальных действий, предусмотренных законом. [51]

Исходя из субъекта преступления, Ш.С. Рашковская полагает, что преступления против правосудия могут быть классифицированы:

- на преступления, совершаемые должностными лицами правоохранительных органов;

- на преступления, совершаемые иными лицами. [52]

Изучив классификации, можно сделать вывод, что авторы использовали разные критерии при классификации. Все подходы разумны, хотя Ш.С. Рашковская, исходя из особенностей предмета, не до конца детализирована и аргументирована.

Мы считаем, что А.С. Горелик, Л.В. Лобанова предлагают наиболее последовательный подход.

Непосредственным субъектом преступления является «субъект отдельного конкретного преступления как часть общего и конкретного субъекта. Это общественное отношение, которому нанесен ущерб в результате совершения преступления, предусмотренного конкретной нормой уголовного права» [53]

Среди авторов не было единого понимания первоочередной непосредственной цели рассматриваемого правонарушения. Некоторые авторы считают его «объектом взаимоотношений, гарантирующим нормальную (законную) деятельность суда, предварительного следствия и следствия».

И.В. Дворянсков предположил, что непосредственным объектом преступления должны быть «протоколы, обеспечивающие получение достоверной информации о преступлении в распоряжение судебных органов» [54].

«А. В. Федоров в качестве непосредственного объекта рассматривает работу по связям с общественностью, обеспечивающую деятельность органов предварительного следствия, а также суда по защите личности от незаконных и необоснованных обвинений, осуждений и ограничений его прав и свобод». [55]

С.В. Смолин подчеркивает, что главным непосредственным объектом преступления являются интересы правосудия, поскольку заведомо ложный донос «прерывает нормальную работу органов предварительного следствия, напрасно тратя их усилия и, по сути, причины и мотивы, по которым он подрывает авторитет правосудия в целом». [56]

В заключении также указывалось, что непосредственной целью преступления следует рассматривать «отношения, которые гарантируют соблюдение интересов правосудия при принятии решения о возбуждении уголовного дела». [57]

«В том случае, если в заведомо ложной информации содержится указание на конкретное лицо, совершившее преступление, это подчеркивает еще один обязательный объект: интересы личности, честь и достоинство личности». «Конкретный человек. Если лицо неоправданно привлекается к уголовной ответственности в результате заведомо ложной информации, другим объектом являются отношения, направленные на защиту свободы и неприкосновенности, в некоторых случаях имущественных прав человека» [57].

«Субъект преступления - лицо, достигшее 16-летнего возраста. В теории уголовного права и судебной практике считается возможным признать подозреваемого (обвиняемого) объектом заведомо ложного обвинения. Такая ситуация возможна, если жалоба не связана с предметом доказывания в уголовном деле, в котором обвиняется лицо, и не используется для защиты от предъявленного ему обвинения» [57].

Непосредственной основной задачей исследуемой преступной структуры являются отношения, обеспечивающие реализацию интересов судебной власти в процессе принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В уголовном законодательстве Республики Казахстан уголовные правонарушения делятся на 5 групп в зависимости от тематики:

«1) Совершение уголовных преступлений должностными лицами административных органов: привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновного лица (статья 412). Незаконное освобождение от уголовной ответственности (статья 413). Заведомо незаконное задержание, арест или задержание (статья 414). Подотчетность (статья 415). Вынесение заведомо несправедливого приговора, постановления или иного судебного акта (статья 418)» [58].

«2) Правонарушения, совершенные лицами, законно назначенными для содействия отправлению правосудия: заведомо ложный донос (статья 419). Намеренно неправильный ответ, неправильное заключение экспертов или неправильный перевод (ст. 420). Отказ или уклонение от ответа посетителя или заявителя (статья 425). Разглашение данных предварительного следствия или предварительного следствия (статья 423). Распространение информации о мерах безопасности судьи и участников уголовного процесса (статья 424)» [58].

«3) Преступления, совершенные заключенными и другими лицами, осуществляющими правоохранительную деятельность: побег из места

задержания, ареста или содержания под стражей (статья 426). Побег со службы в условиях лишения свободы (статья 427). Умышленное неповиновение требованиям уголовного розыска (статья 428). Нарушение порядка деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (статья 429)» [57].

«4) Преступления, совершенные другими лицами против судебной власти: воспрепятствование отправлению правосудия и проведению предварительного расследования (статья 407). Причинение вреда жизни лицу, осуществляющему правосудие или предварительное следствие (статья 408). Запугивание или насилие в связи с отправлением правосудия или проведением предварительного расследования (статья 409)» [58].

«Оскорбление судьи, прокурора, следователя, лица, ведущего предварительное следствие, судебного исполнителя, судебного исполнителя (статья 411). Подделка доказательств (статья 416). Возбуждение взяточничества или коммерческого подкупа (статья 417)» [57].

«Известные ложные показания потерпевшего или заключения эксперта, эксперта в суде или на предварительном следствии, а также заведомо неправильные переводы переводчиком при исполнении исполнительных документов - такие действия препятствуют раскрытию истины в уголовном или уголовном правонарушении. гражданские дела Нарушение надлежащего функционирования судебной власти, органов следствия или предварительного следствия» [57].

«В этом смысле непосредственным объектом преступления являются интересы правосудия, а другим прямым объектом - права и интересы отдельных лиц» [57].

Это правонарушение относится к формальной характеристике, и правонарушение объективно выражается в практике следующих действий:

- 1) заведомо неправильный ответ свидетеля, пострадавшего в суде или на предварительном следствии;
- 2) предъявление заведомо ложного заключения специалистом;
- 3) умышленный неправильный перевод переводчиком, а также при оформлении исполнительных документов.

Предоставление заведомо неверной информации о фактах, которые ему известны и которые не соответствуют полностью или частично действительности.

«Если свидетель или потерпевший не раскроет факты, это будет признано отказом от допроса и будет привлечено к ответственности в соответствии со статьей 421 Уголовного кодекса Республики Казахстан» [57].

Чтобы понять суть каждого преступления, в том числе заведомо ложного обвинения, важно правильно определить объект вмешательства. В правоохранительных органах это необходимо, во-первых, для правильной классификации действий злоумышленника.

Многие криминалисты придают большое значение этому вопросу. «Проблема предмета преступления не менее важна и философски глубока, чем

проблема вины и навязывания» [58]. На данный момент эта идея не потеряла своей актуальности.

Доктрина уголовного права давно придерживается мнения, что заведомо ложная жалоба нарушает две цели. Тогда, М.Х. Хабибуллина, анализируя непосредственный объект рассматриваемого деяния, которое он охарактеризовал как «действия, направленные на выполнение задач по отправлению правосудия органом, функции которого нарушены практикой заведомо ложной жалобы (следственная группа, предварительное следствие или Суд)» [59].

«Почти каждый общественно опасный акт нарушает не одно, а несколько социальных отношений, различающихся по содержанию». В то же время он не согласен с авторами, которые считают, что якобы ложная жалоба затрагивает два объекта [59].

«Заведомо ложный донос должностному лицу, имеющему право на возбуждение уголовного дела, имеет два прямых объекта узурпации: 1) оно нарушает нормальное функционирование судебно-следственного аппарата, приводя к возбуждению необоснованного преступления, судебному преследованию невиновных лиц, и 2) нарушает интересы лица, которому может быть причинен вред, если в результате ложного сообщения, это лицо станет объектом уголовного преследования» [60].

«Названный ученый также критиковал А.Т. Гужина [61], Ш.С. Рашковскую [62], И.М. Черных [63], которые поддерживали позицию А.А. Пионтковского. Похоже, можно согласиться с утверждением Х. Хабибуллиной, которая утверждала, что хотя многие преступления одновременно затрагивают различные социальные отношения, не все социальные отношения, которым был нанесен ущерб в этом случае, признаются предметом этих преступлений» [60].

«Из совокупности нарушенных преступлением общественных отношений непосредственным объектом будет тот, которому в случае совершения этого преступления всегда и при любых условиях причиняется ущерб». «В противном случае было бы сложно привлечь к ответственности человека, который, например, умышленно предоставил ложную информацию о событии преступления, не называя конкретного человека» [60].

«Основной прямой объект заведомо ложного доноса - это общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование органов предварительного следствия, прокуратуры и суда или правоохранительных органов, ответственных за расследование преступления, а также суда по уголовным преступлениям».

В рассматриваемом случае, бесспорно, что дополнительный объект денонации состоит из общественных отношений, которые защищают честь и достоинство человека, который был заведомо ошибочно обвинен в совершении насильственных действий сексуального характера, так как прямой вред причиняется именно данным благам человека.

К примеру, в одном из дел суд отметил, что заведомо ложным доносом «были значительно нарушены права человека на честь и достоинство личности, гарантированные Конституцией», в другом – определил факт причинения потерпевшему морального вреда и т. д.

В уголовном праве под субъектом уголовного преступления понимается лицо, наделенное определенными юридически значимыми характеристиками, которое подлежит уголовной ответственности. С одной стороны, это любое лицо, на которое направлен уголовный запрет, а с другой - конкретное лицо, которое уже нарушило положения уголовного закона.

Например, 24 августа 2019 года, примерно в 16:00 часов, гражданка К.Е. находясь у себя дома распивала спиртные напитки, где, в связи с неприязненными отношениями к своей ранее знакомой Г.Н., умышленно, позвонила по каналу «102» и сообщила о факте хищения последней ее имущества, совершенного путем разбития окна и незаконного проникновения в ее дом.

По приезду следственно-оперативной группы Ауэзовского отдела полиции Управления полиции г. Семей Департамента полиции ВКО, «потерпевшая», будучи предупрежденной об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 419 ч.2 УК РК, написала заявление о совершенном уголовном правонарушении.

На основании данного ложного заявления было необоснованно начато досудебное расследование по ст.188 ч.2 п.3 УК РК. Впоследствии, производство было прекращено в соответствии с требованиями ст.35 ч.1 п.1 УПК РК.

По указанному факту в отношении Г.Н. было проведено досудебное расследование по ст.419 ч.2 УК РК и она предана суду. По результатам судебного разбирательства, приговором суда №2 г.Семей от 19 июня 2020 года уголовное дело в отношении подсудимой прекращено на основании ст.68 ч.3 УК РК в связи с примирением с потерпевшей.

В данном случае субъектом явилась гражданка К.Е., которая из мести оговорила свою ранее знакомую Г.Н., а объектом нормальная деятельность органов следствия и потерпевшая.

Полагаем, что основным непосредственным объектом заведомо ложного доноса выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность правоохранительных органов и суда по отправлению правосудия. Дополнительным непосредственным объектом являются общественные отношения в сфере соответствующих прав и интересов потерпевшего от преступления.

Субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

Предметом заведомо ложного доноса является сообщаемая лицом информация о совершении уголовного правонарушения, причем как подготавливаемого, так и совершаемого или оконченого. Сообщения об иных правонарушениях, деликтах и проступках уголовной ответственности не влекут.

2.2 Объективные и субъективные стороны заведомо ложного доноса

М.И. Ковалев разделил доносы на два типа: осуждение преступления, которое на самом деле не было совершено, без указания конкретного лица; Денонсация, обозначающая конкретного человека [64]. Следовательно, указание на такое лицо не является признаком заведомо ложного сообщения, но может быть учтено при применении санкции.

Ложные доносы, не содержащие конкретных фактов о совершении преступления, например о том, что конкретный сотрудник получает взятки, не составляют состав преступления и могут рассматриваться как проявления клеветы. Следует отметить, что неверная оценка акта свидетельствует об отсутствии каких-либо доказательств заведомо ложного доноса и состава преступления.

Горелик отметил, что в случае декриминализации преступления связанный с ним заведомо ложный донос (то есть донос о совершении преступления, которое впоследствии было декриминализовано) подлежит декриминализации.

Объективная сторона анализируемого состава преступления состоит из деяний, составляющих умышленно ложное донесение о совершении преступления. Форма этих действий может быть разной - письменно и устно, лично и с участием других людей по различным каналам связи - почта, факс, компьютерные или сотовые сети, использование Интернета и т. д. Последующее представление заведомо ложных заявлений в подтверждение ложной информации не требует независимых квалификаций, так как это их продолжение.

Традиционно в научных дискуссиях ведутся заведомо ложные анонимные доносы. В частности, есть мнение, что этот состав преступления их покрывает. [65].

Эту позицию разделяет Л.В. Лобанова, которая считает, что «существует практика реагирования на анонимные заявления, которые принимаются, проверяются и на их основе принимаются решения, предусмотренные законом. Поскольку нет веских причин считать такую практику ложной, нет причин отказываться рассматривать анонимное ложное заявление как заведомо ложное убеждение» [66].

В.А. Новиков считает, что анонимное объявление о преступлении не может служить поводом для возбуждения уголовного дела [67].

Аналогичный аргумент приводит И.В. Дворянсков, утверждая, что введение в заблуждение является уголовным преступлением, «при условии, что личность заявителя установлена и ответственность за заведомо ложное введение в заблуждение понесена в принудительном порядке».

Так, например, Ш.С. Рашковская отмечает: «Поскольку отказ от ответственности не является признаком состава заведомо ложной жалобы, повлекшей уголовную ответственность, автор анонимных писем, содержащих ложные сведения о преступлении, если его личность установлена оперативными

мероприятиями в порядке предварительная проверка является законной, поскольку уже произведено урегулирование ложного отчета» [68].

«Другой проблемный вопрос касается властей, которые должны быть заведомо искажены. Соответствующий уголовный закон не указывает соответствующих получателей, потому что его положение является простым (имя)».

«В специальной литературе давно существуют два подхода: узкий и широкий. Сторонники первого (ограниченного) отчета считают, что получателями заведомо ложного сообщения могут быть только государственные органы, действующие в качестве прокуроров (следственные органы, прокуратура, суды)».

«Я.М. Куллберг намеревался сознательно сообщить о преступлении только судебным и следственным органам и другим лицам, имеющим право возбуждать уголовное дело. В основе лежали положения ст. 110 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, который регламентировал порядок рассмотрения сообщений о совершении преступления и предписывал предупреждать заявителя об ответственности за конкретное преступление, делая соответствующую отметку в протоколе. Понятно, что такими полномочиями обладают только должностные лица, законно получившие право проводить предварительное расследование [69].

Аналогичную позицию занимают А.А. Бакрадзе [70], С.М. Юдушкин [71], А.Б. Сахаров [72], Н.А. Носкова, А.Д. Прошляков [73], З.И. Николаева, И.В. Дворянсков и другие ученые».

«Другие авторы, среди которых И.С. Власов, И.М. Тяжкова [74], Д.О. Хан - Магомедов [75], М.Х. Хабибуллин, В.А. Новиков [76] и др., считают, что получателями заведомо ложного сообщения должны быть не только указанные лица, но и другие органы и организации».

«В.А. Новиков считает, что в качестве получателей могут быть определены и другие учреждения, которые, хотя и не ведут уголовного производства, обязаны передавать в полицию сообщения о подготовленных или совершенных преступлениях. Примерами таких учреждений являются министерства, органы местного самоуправления, органы таможенного контроля, налоговые органы и т. д.» [77].

«Однако следует избегать и ряда таких организаций и учреждений. Следовательно, в действиях лица, заведомо направившего ложное сообщение в медицинские, образовательные и другие учреждения, деятельность которых не имеет ничего общего с борьбой с преступностью и другими правонарушениями, не будет состава преступления».

Представляется, что получателями заведомо ложного сообщения являются, в первую очередь, государственные органы, уполномоченные вести уголовные дела: компетентные подразделения следственных органов, органы национальной безопасности, Министерство внутренних дел, прокуратура и т. д.

«Получатели вышеуказанного могут быть и другие органы исполнительной власти, которые, хотя и не ведут уголовного дела, обязаны направлять уведомления о подготовленных или совершенных преступлениях в правоохранительные органы. В частности, такими получателями являются органы таможенного контроля, налоговые органы, администрации органов местного самоуправления и т. д.»

«Материалы большинства рассмотренных уголовных дел показывают, что заявления, содержащие заведомо ложные сведения о совершении преступления, адресованы в первую очередь органам внутренних дел. На наш взгляд, данное обстоятельство является следствием более тесной связи (по сравнению с другими ведомствами) этих правоохранительных органов с населением. Кроме того, зачастую в глазах граждан все правоохранительные органы связаны с полицией, с которой можно обращаться по довольно широким вопросам, касающимся обеспечения правопорядка».

«И.В. Дворянсков, критикуя второй (широкий) подход к кругу лиц, получивших заведомо ложный донос, утверждает, что специфика рассматриваемого преступления состоит в том, что донос может быть вынесен только органам, уполномоченным принимать решение о раскрытии уголовного дела и других процессуальных решений. В этом случае заявление о преступлении должно быть зафиксировано в установленном порядке, включая проставление подписи заявителя, объяснение ответственности за заведомо ложное сообщение и т. д., после чего полученное сообщение о преступлении становится письменным доказательством».

«Заведомо ложные сообщения, полученные по почте или телефону, посредством публикации в прессе или анонимно, не являются заведомо ложным доносом, поскольку они могут не соответствовать критериям возможности процессуальной регистрации и отражения в постановлении о возбуждении уголовного дела и требовать подтверждения иным способом».

«По словам И.В. Дворянского, признаком объективной стороны рассматриваемого нападения является направление виновным сообщения о преступлении органу или должностному лицу, уполномоченному возбуждать уголовное дело, при условии установления личности заявителя и его личности, обязательное предупреждение об ответственности за заведомо ложную информацию. Он признает последнее обстоятельство не только путем выполнения профилактических задач, но и путем защиты лиц от уголовной ответственности, «обращение с которыми было обусловлено случайными моментами».

«Соблюдение надлежащей процедуры для получения, изучения и рассмотрения сообщения о нарушении, несомненно, имеет первостепенное значение для последующего принятия законных и разумных процессуальных решений».

«В то же время, похоже, вопросы уголовной ответственности выходят за рамки уголовно-процессуальных отношений, хотя и тесно с ними связаны». [78].

Из указанного следует, лицо, умышленно дающее ложное сообщение, стремится возбудить уголовное дело независимо от того, каким образом показания о преступлении доходят до компетентного должностного лица.

В связи с этим А.С. Горелик справедливо заметил, что «необходимо учитывать особенности менталитета. Общеизвестно, что граждане часто по тем или иным причинам не доверяют правоохранительным органам и считают, что добьются желаемого результата, подав запрос в государственные учреждения, не имеющие полномочий на преследование. Расчет часто основан на том, что ресурс получит широкую огласку и будет взят под контроль».

«Заведомо ложные обвинения, выдвинутые с использованием телефона, факса и других средств связи, Интернета, распространяемые в СМИ, а также анонимные сообщения о преступлении, не менее опасны. Как правило, в таких случаях истцы либо неизвестны, либо не предупреждены об уголовной ответственности по объективным причинам. Такие жалобы могут повлечь за собой возбуждение уголовного дела, в том числе в отношении конкретного лица, и связанные с этим негативные последствия. При этом ч.2 ст.180 УПК сообщение в СМИ является поводом к началу досудебного расследования».

«Превентивная ценность предупреждения об уголовной ответственности, на наш взгляд, очевидна. Однако ее не следует переоценивать, поскольку такая мера часто не предотвращает совершения заведомо ложных сообщений».

«Вышеупомянутая письменная форма предупреждения истца об уголовной ответственности как средство защиты от уголовной ответственности со стороны лиц, «случайно» пришедших в компетентные органы с заведомо ложным заявлением о преступлении, также вызывает возражения. Как видите, разницы между названными категориями людей нет.»

«Согласно концепции объективной стороны, заведомо ложное изобличение относится к преступлениям с формальным составом и, по мнению большинства ученых, разделяемых нами, считается завершенным с момента получения такого сообщения органом, уполномоченным возбуждать уголовное дело. процесс. любым способом (лично от заявителя, по почте, из других организаций)».

«Ознакомление с содержанием заведомо ложной жалобы, ее последующая проверка, процессуальные решения о возбуждении уголовного дела, обвинении лица и т. Д. Выходят за рамки состава преступления и учитываются при назначении наказания с учетом нанесенного ущерба. интересы правосудия и права граждан».

«Случаи, когда соответствующее сообщение о преступлении по той или иной причине не доходит до адресата, квалифицируются как попытка сообщить заведомо ложное заявление. Подготовка заведомо ложного сообщения уголовно наказуема только в случае подготовки к тяжкому преступлению».

«Исходя из конструкции объективной стороны, умышленный отказ от заведомо ложного доноса возможен на этапах подготовки (например, в случае уничтожения заявления о правонарушении или отказа в отправке

подготовленного документа адресату) и покушение (например, когда адресат денонсации предупрежден о его заведомой ложности до получения соответствующих сообщений о нарушении)».

«В случае, если заведомо ложный донос уже получен адресатом, но лицо, передавшее или отправившее его, сообщило об этом, можно говорить об активном раскаянии».

Действия ложного информатора следует рассматривать как признание и содействие раскрытию преступления, что позволяет освободить правонарушителя от уголовной ответственности в связи с активным раскаянием, но только в случае совершения преступления небольшой тяжести или подлого преступления. Совершение преступления, относящегося к разряду могил, не позволяет этого сделать.

«С субъективной стороны анализируемое действие совершается с прямым умыслом. Виновник осознает общественную опасность своих действий, знает заведомую ложность предоставленной информации и желает совершить действие в виде заведомо ложного доноса. Умышленный характер вины подчеркивается признаком осведомленности, из чего следует, что в случае добросовестной ошибки в достоверности заявленных данных лицо не несет уголовной ответственности».

«Не является уголовно наказуемым сообщение о приготовлении к преступлению, в совершении которого отказано лицу при рассмотрении доноса, потому что в этом случае нельзя говорить о заведомо ложности доноса, конечно, если информатор не знал об этом, и то, что произошло, не входило в его завещание».

«Причина и цель рассматриваемой атаки не указываются в положении анализируемого стандарта».

«При этом, по мнению ряда авторов (Хабибуллин М.Х., Чучаев А.И.), цель заведомо ложной жалобы - побудить органы предварительного следствия к принятию процессуального решения о возбуждении уголовного дела в отношении невиновного лица, и привлечении его к уголовной ответственности».

«Д.О. Хан-Магомедов говорит о возбуждении уголовного дела как об объекте заведомо ложной жалобы».

«Указанное деяние не всегда связано с целью привлечения к уголовной ответственности. Примером может служить инсценировка преступления с целью уйти от ответственности за деяние (уголовное, административное), получить страховое возмещение и т. д. Последние аргументы кажутся более убедительными» [79].

«Также очень интересно мнение ряда ученых (Фаргиев И., Смолин С.В.) о том, что основной целью основного состава рассматриваемого преступления является введение в заблуждение государственных органов, участвующих в борьбе с преступностью, о преследовании за совершение преступления, которого на самом деле не существовало» [79, 80].

«Изучение автором материалов уголовных дел показало, что авторы чаще стремятся избежать административной и уголовной ответственности или помочь в этом другим. Более того, ложные информаторы часто руководствуются такими причинами, как негодование, месть, личная неприязнь, корысть. Реже мотивация основана на желании улучшить статистические показатели эффективности, привлечь невиновных людей к уголовной ответственности, а иногда есть своеобразные причины, такие как сокрытие реального факта отсутствия на рабочем месте, возврат добровольно переданных активов для гарантии долга, погашение, боязнь негативной реакции со стороны близких родственников, сокрытие факта общения с другим человеком».

«Обратите внимание, что ложным сообщениям по делам частного или государственно-частного обвинения присуща определенная специфика. Поскольку такое уголовное дело возбуждается только по заявлению потерпевшего или его законного представителя, предметом заведомо ложной жалобы в таких случаях будет сам потерпевший или его законный представитель».

«Важен также вопрос об ответственности за самообвинение. Эта проблема - одна из немногих, согласно которой ученые пришли к единодушному мнению о признании самообвинения как заведомо ложных отношений. Он должен согласиться с этим, потому что в случае самооговора интересы правосудия страдают точно так же от заведомо ложного доноса. Мы не должны забывать, что самообвинение может быть средством сокрытия другого (даже более серьезного) преступления или может быть результатом противоправных действий других людей».

«В то же время И.В. Дворянсков высказал мнение, что самообвинение может быть признано незначительным деянием, однако только в том случае, если лицо умышленно обвиняет себя ложным и исключительным образом и его действия не содержат состава преступления иного преступления».

«Вопрос об ответственности за якобы ложные обвинения, выдвинутые обвиняемыми в уголовном процессе, вызывает бурные дискуссии. В науке и практике преобладает мнение, что уголовная ответственность не наступает, если заведомо сообщенная ложная информация связана с объектом доказательства и доведена до получателя для защиты от судебного преследования. В остальных случаях обвинение обвиняемых в рассматриваемом деянии осуществляется в общем порядке».

«Прецедент подтверждается советской и современной судебной практикой. Так, Президиум Верховного Суда СССР 11 апреля 1990 г. указал в деле С., что обвиняемый в целом несет ответственность за якобы ложное обвинение в преступлении, совершенном лицами, ведущими его дело».

«Объявление решения суда сопровождалось объяснением, что если обвиняемый умышленно дал ложные показания в отношении других лиц, заявив, что он не совершал преступления, указав другое лицо как преступника или недооценив его роль в совершении преступления, то преступление за счет

партнеров, их действия следует рассматривать как приемлемый метод защиты. Если обвиняемый подаст заведомо ложное уведомление, превышающее содержание предъявленного ему обвинения, он будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 180 УК РСФСР, то есть в случае заведомо ложного сообщения» [81].

«В то же время В.А. Блинников, В. Устинов считает, что квалификация действий ложного осведомителя по соответствующей статье Уголовного кодекса возможна только в том случае, если анализируемое деяние совершено против невиновного лица до принятия решения о возбуждении уголовного дела, а после этого действие совершается, не является заведомо ложным сообщением» [82].

«Соответственно, А.С. Горелик справедливо отмечает, что «вышеуказанный критерий не может служить основанием для различения наказуемого доноса от безнаказанности. Суть проблемы не в процессуальном статусе лица, а в форме ложных сведений (в виде заявления или свидетельские показания), но касается ли информация предмета доказательств, а также были ли они переданы в целях самозащиты от обвинения (путем обвинения другого лица в этом преступлении) или с другой целью (например, дискредитация расследования)».

«Н.Е. Мартыненко, предлагая привлечь к уголовной ответственности за заведомо ложное осуждение подозреваемых и обвиняемых только в тех случаях, когда последние пытаются уйти от ответственности невербальными действиями, искусственно создавая доказательства обвинения» [83].

«Эту точку зрения справедливо критиковал С.В. Смолин, высказавший мнение, что Н.Е. Мартыненко не основан на законе и не полностью разработан в теоретическом плане, поскольку общественная опасность преступления очевидна даже без искусственного создания доказательств для обвинения. Более того, нарушается конституционное требование высшей ценности и равной защиты законных интересов, прав и свобод человека и гражданина».

«Более того, не совсем ясно, что имеется в виду под доказательствами: в отношении конкретного невиновного лица вне его или ее отношений, доказательства его невиновности в преступлении или всех перечисленных действиях» [84].

«С.В. Смолин считает, что согласно А.В. Федорову, А.В. Шнитенкову, более правильно считают, что пределы допустимого использования заведомо ложного осуждения в качестве защиты от обвинительного заключения являются пределами прав и свобод другого лица» [85].

«В противном случае соответствующие действия должны повлечь уголовную ответственность. Придерживается той же позиции О.Я. Баев» [86].

«Не секрет, что обвиняемый, часто на той или иной стадии уголовного судопроизводства, отрицая свою причастность к инкриминируемым действиям, назначает другое лицо, заведомо невиновное, или заявляет о незаконных действиях сотрудников полиции, которые применили бы физическое оборудование, насилие, угрозы и др.»

«Как правило, должностное лицо, ведущее уголовное производство, оценивает доводы такого обвиняемого и в большинстве случаев выносит процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Это все ограниченное, что вряд ли признается правильным и достаточным, поскольку интересы правосудия в этом случае затрагиваются не меньше».

«В этой связи представитель юстиции Р. Куссмауль отмечает, что на практике заведомо ложное заявление подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) о незаконных методах расследования вкупе с преследованием сотрудников правоохранительных органов по преступлению, как правило, не считается незаконным» [87].

«Утверждения о том, что обвиняемый не всегда является предметом заведомо ложной жалобы, похоже, основаны на положениях Конституции, которые не только гарантируют государственную защиту прав человека и гражданских прав и свобод, но и устанавливают, что каждый имеет право защищать свои права и свободы во всех формах, кроме запрещенных законами. В то же время Конституция гласит, что осуществление прав человека и гражданских прав и свобод не должно нарушать права и свободы других».

«В этой ситуации нарушаются требования закона, так как заведомо ложный донос является преступлением, которое запрещено под страхом наказания в соответствии с Уголовным кодексом. В результате применения этого закона могут быть нарушены права и свободы невиновного человека, ложно обвиненного в совершении преступления. Следовательно, полное понимание права обвиняемого на защиту кажется нам неправильным».

«В этом контексте мы можем говорить о нем, когда обвиняемый делает ложные заявления о своем непричастности к предъявленному обвинению деянию, сознательно не называя невиновных преступниками. В противном случае ложный информатор находится в более привилегированном положении, чем законопослушный гражданин, который не может таким образом защищаться».

«В этом отношении мы согласны с Л.В. Лобановой, которая пишет: «Разве эти люди, которых он обвинял в преступлениях, не были беззащитны перед ложными заявлениями обвиняемых? Честь и достоинство гражданина должны быть надежно защищены, в том числе от вторжения людей, чьи показания не могут рассматриваться как лжесвидетельство». [88].

«Данный вопрос также рассматривался Европейским судом по правам человека (далее - ЕСПЧ). Так И.В. Смолкова процитировала в своей статье следующий отрывок из постановления Европейского суда по правам человека от 28 августа 1991 г. по делу Брандштетер против Австрии: «Не следует рассматривать возможность последующего судебного преследования обвиняемого по обвинительным приговорам, выраженным в его защиту, как нарушение его прав по п. 3 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Было бы преувеличением полагать, что предпосылкой права лиц, обвиняемых в совершении преступления, на защиту является точка зрения,

согласно которой они не должны подвергаться судебному преследованию, когда, осуществляя это право, они умышленно вызывают ложные подозрения в преступном поведении по отношению к свидетелю или любое другое лицо, участвующее в уголовном производстве» [89].

«В связи с этим А.В. Бриллиантов пришел к обоснованному выводу, что предоставление гражданину возможности представить доказательства в свою защиту от подозрений или обвинений в совершении преступления не означает возможности его осуществления незаконными средствами, в том числе преступными. Обвиняемый имеет право в целях своей защиты хранить молчание или давать показания таким образом, который явно не нарушает права других, а также прибегать к средствам защиты, запрещенным законом» [90].

Искусственное предъявление обвинений как особо определяющая черта в научной литературе понимается по-разному. Так М.Х. Хабибуллин «распространяет это на подготовку «фальшивых» свидетелей и подготовку материалов, а также письменных доказательств».

«Искусственное создание доказательств необходимо понимать в обучении лжесвидетелей, методы которого могут быть самыми разными, в том числе и принуждение». В эту функцию также входит искусственное создание среды (места) для совершения преступления (например, кражи на месте преступления)».

Федоров не разделяет изложенных выше взглядов М.Х. Хабибуллин, И. Дворянковой, утверждая, что «данное обстоятельство указывает скорее на организационную деятельность или подстрекательство к умышленной даче ложных показаний, а не на ложное обвинение в сочетании с искусственным созданием доказательств в пользу обвинения».

В заключение сделаем ряд выводов.

Сам характер акта, который подрывает нормальную (законную) деятельность судебной системы, деятельность полиции и права граждан, определяет высокий социальный риск преднамеренного ложного доноса. Это преступление сначала сбивает правоохранительные органы с неверного пути, направляет значительные силы и ресурсы.

Основная непосредственная цель преднамеренно фальсифицированного сообщения - связи с общественностью, которые гарантируют нормальную работу правоохранительных и судебных органов. Другой прямой предмет - это общественные отношения, касающиеся соответствующих прав и интересов жертвы преступления.

Умышленно ложное сообщение является предметом информации от лица о совершении правонарушения, будь то подготовленное, совершенное или завершенное. Сообщения о других преступлениях, правонарушениях и проступках не влекут уголовной ответственности.

Объективной стороной анализируемого состава преступления являются действия, представляющие собой заведомо ложное осуждение преступления. Форма этих действий может быть разной - письменная и устная, личная и с

участием других лиц, через разные каналы связи - почта, факс, компьютерные или сотовые сети, использование Интернета и т. д.

Последующее представление заведомо ложных заявлений в поддержку ложной информации не требует самоквалификация, потому что это их продолжение.

Адресатами заведомо ложных доносов являются в первую очередь государственные органы, уполномоченные возбуждать уголовные дела.

Вышеупомянутые ведомства не включают в себя суд, который не является правоохранительным органом, не выступает на стороне обвинения или защиты. Частное производство - исключение.

Не менее опасны заведомо ложные обвинения, выдвинутые по телефону, факсу и другим средствам связи, через Интернет, распространяемые в средствах массовой информации, а также анонимные сообщения о преступлениях. Как правило, в таких случаях истцы либо неизвестны, либо не предупреждены об уголовной ответственности по объективным причинам. Такие жалобы могут привести к уголовному преследованию, в том числе в отношении физического лица, с негативными последствиями.

Согласно объективной концепции стороны, заведомо ложное сообщение относится к правонарушениям, имеющим формальный состав, и считается прекращенным с момента получения такой информации органом, уполномоченным возбуждать уголовное дело, любым способом (лично от истца, по почте, из другой организации). Ознакомление с содержанием заведомо ложной жалобы, ее последующая проверка, процессуальные решения о возбуждении уголовного дела, уголовном преследовании лица и т. д. Не подпадают под состав правонарушения и учитываются при вынесении судебного решения, принимая во внимание учитывать ущерб, причиненный интересам отправления правосудия и правам граждан.

Попыткой сообщить, что оно заведомо ложно, считаются случаи, когда соответствующее сообщение о преступлении не доходит до адресата по тем или иным причинам. Составление заведомо ложного сообщения наказуемо только в случае подготовки к тяжкому преступлению.

Субъективно анализируемое действие совершается с прямым умыслом. Преступник осознает социальную угрозу своих действий, осознает преднамеренную фальсификацию предоставленной информации и желает принять меры в виде заведомо ложного сообщения. Сознательный характер вины подчеркивается знаком знания, который показывает, что в случае иллюзии совести относительно достоверности предоставленных данных лицо не несет уголовной ответственности.

Некоторая специфика присуща ложным доносам по делам о частных или государственно-частных преступлениях. Поскольку такое уголовное дело возбуждается только по просьбе жертвы или ее законного представителя, в таких случаях жертва или ее законный представитель будут предметом заведомо ложного сообщения.

В науке и практике преобладающая точка зрения в отношении ответственности за якобы ложное сообщение обвиняемого в уголовном судопроизводстве заключается в том, что уголовная ответственность не наступает, если сообщенная ложная информация относится к объекту доказательства и представляется адресату в порядке защиты обвинения. В остальных случаях предъявление обвинения в совершении деяний является общей процедурой.

При этом необходимо различать заведомо ложные показания, за которые обвиняемый не несет уголовной ответственности, и его заведомо ложные показания, относящиеся к обвинению лица, заведомо признанного виновным. В последнем случае обвиняемый несет общую ответственность, что не противоречит Уголовному кодексу и не нарушает его права на защиту. В противном случае ложный информатор оказывается в более привилегированном положении, чем законопослушный гражданин, который не может таким образом защитить себя.

Распространенными причинами ложных обвинений являются враждебность и месть, а также другие подопечные.

Таким образом, с субъективной стороны анализируемое деяние совершается с прямым умыслом. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий, знает о заведомой ложности сообщаемых сведений и желает совершить действие в виде заведомо ложного доноса. Умышленный характер вины подчеркивается признаком заведомости, из чего следует, что в случае добросовестного заблуждения относительно достоверности сообщаемых данных лицо уголовной ответственности по ст.419 УК РК не несет.

Объективная сторона анализируемого состава преступления заключается в действиях, образующих заведомо ложный донос в совершении преступления. Форма совершения таких действий может быть разной - письменной и устной, личной и с привлечением иных лиц, посредством различных каналов коммуникации - почтовой, факсимильной связи, компьютерных или сотовых сетей, с использованием сети «Интернет» и т.д.

Последующая дача заведомо ложных показаний в обоснование ложного доноса самостоятельной квалификации не требует, поскольку является его продолжением.

2.3 Криминологическая характеристика личности преступника

Определим ложь следующим образом: «сделать ложное заявление с намерением обмануть».

Ложь может быть концептуализирована как одна из форм обмана, которая определяется как «действие, заставляющее кого-то принять как истинное или действительное то, что является ложным или недействительным». Таким образом, ложь - это всегда форма обмана, но не всякий обман можно считать ложью.

Для того, чтобы ложь произошла, должны быть выполнены три условия.

Во-первых, необходимо сделать заявление. Как правило, утверждения делаются устно, но люди могут делать утверждения с помощью пера, текста, сообщений в Facebook, языка жестов или любой другой системы, в которой мы делимся сигналами или символами, передающими общий смысл.

Второе условие - это утверждение не соответствует действительности. То есть информация, представленная в заявлении, должна быть неточным описанием действительности. Это, безусловно, может произойти, когда люди лгут, но ложные утверждения также делаются, когда люди просто не знают или не знают, что такое реальность.

Третье условие - говорящий имел намерение обмануть. Намерение обычно может быть только предполагаемым, поскольку мы не можем заглянуть в сознание человека и распознать его истинное намерение. Однако намерение обмануть - центральное место в определении лжи большинством людей.

Намерение занимает центральное место в нашем понимании морали. многих нежелательных поступков, таких как ложь. Например, мы воспринимаем толчок как враждебный, если он преднамеренный, тогда как непреднамеренный толчок рассматривается как невинная ошибка.

Известный исследователь обмана Альдерт Врай [91] предложил более ограничительное определение. Он предложил определить ложь как « успешную или неудачную преднамеренную попытку, без предупреждения, создать у другого человека убеждение, которое коммуникатор считает ложным.. » Это определение берет общее определение и добавляет к нему требование о том, что ложь не должна включать предупреждение.

Мы предлагаем определить ложь как успешное или безуспешное намеренное манипулирование языком без предупреждения, чтобы создать у другого человека убеждение, которое коммуникатор считает ложным . Включение языковых манипуляций может повлечь за собой ложные утверждения, утверждения, которые искажают или искажают факты, утаивание информации или даже молчание, когда это молчание используется как подразумеваемое утверждение.

Люди прибегают ко лжи по такому множеству разных причин, что невозможно перечислить их все.

Избегание наказания - самая частая причина, по которой люди говорят серьезную ложь, независимо от их возраста, будь то избежание штрафов за превышение скорости или оправдание. В случае серьезной лжи существует угроза значительного ущерба, если ложь будет обнаружена: потеря свободы, денег, работы, отношений, репутации или даже самой жизни.

Только в такой серьезной лжи, в которой лжец будет наказан, если его обнаружат, ложь можно обнаружить по манере поведения - по выражению лица, движениям тела, взгляду, голосу или словам. Угроза создает эмоциональную нагрузку, вызывая произвольные изменения, которые могут выдать ложь.

Защита другого человека от вреда - следующая по важности причина, по которой люди лгут. Вы не хотите, чтобы ваш друг, коллега по работе, ваш брат или сестра - любой, кто вам небезразличен - был наказан, даже если вы не согласны с тем, что сделал человек, которого вы защищаете, что подвергло его или ее опасности.

Неизвестно, одобряет ли общество эту ложь. Когда полицейские отказываются свидетельствовать против товарища-офицера, который, как они знают, нарушил закон, мы уважаем их мотивы, но многие люди считают, что они должны быть правдивыми. Однако используемые нами термины - крыса, финк, стукач - унижительны.

Существуют анонимные линии для звонков, поэтому те, кто добровольно предоставляет информацию, могут избежать потери репутации или опасности, сообщая им. Есть ли у нас разные стандарты для людей, которые берут на себя инициативу по информированию, по сравнению с теми, кто информирует, когда их прямо просят раскрыть информацию?

Еще один мотив - защитить себя от вреда, даже если вы не нарушили ни одного правила. Сохранение конфиденциальности без подтверждения этого права - еще одна причина, по которой люди могут лгать. Отличить ложь от правды - сложная задача. Существуют определенные вербальные и невербальные сигналы, которые могут помочь оценить, говорит ли кто-то правду или просто разносит небылицы.

Хотя есть признаки, которые могут указывать на обман, эти признаки, взятые сами по себе, могут ничего не сказать о мотивах говорящего. Памела Мейер, автор книги «Liespotting», считает, что «обнаружение обмана не может быть выполнено простым обнаружением одной или двух улик, а представляет собой процесс сбора «кластеров» сигналов, которые могут указывать на обман». Легче всего распознать ложь, если вы знаете, как человек обычно ведет себя или что эксперты называют своим уровнем.

Единственный «контекстно-свободный» признак сокрытия возникает во время того, что он назвал микрологическим выражением лица. Эти короткие выражения лица появляются сразу же и обычно составляют около 1/25 секунды. Эти непроизвольные выражения раскрывают истинные эмоции, которые человек пытается скрыть, независимо от того, является ли это сокрытие сознательным или бессознательным.

«Тот факт, что кто-то скрывает от вас эмоцию, которую вы замечаете с помощью микровыражения, не говорит вам о мотиве, но он говорит о том, что у вас есть что-то, что нужно попытаться выяснить, каков мотив» [92].

Поскольку ложь является когнитивно сложной задачей, люди на самом деле склонны меньше двигаться, когда они концентрируются на лжи. Чтобы раскрыть ложь, следователи часто пытаются увеличить «когнитивную нагрузку» на подозреваемого, заставляя его рассказывать свою историю в обратном порядке, удивлять их неожиданными вопросами после получения первоначального отчета или удивлять их еще одним сеансом собеседования.

Другие невербальные подсказки, такие как резкое изменение осанки или внезапное ооченение, также могут указывать на возможный обман. Еще один знак, на который следует обратить внимание, - это если кто-то помещает «барьерный объект», например рюкзак или мобильный телефон, между собой и человеком, который его задает.

Это может быть признаком того, что они не правдивы. Если это ложь с низкими ставками, улыбка может указывать на честность, но в лжи с высокими ставками, например о местонахождении пропавшего без вести, улыбка может указывать на обман.

Однако невербальное поведение - например, асимметричное пожимание плечами, взгляд вниз или ухаживающие жесты - часто имеет наибольшее значение, когда оно противоречит словам, которые кто-то говорит. Существуют также словесные знаки, которые, если рассматривать их в виде групп, могут указывать на нечестность человека. Люди, которые используют такие уточняющие формулировки, как «говорить правду» или «со всей честностью», или подкрепляющие утверждения вроде «Я определенно не делал этого» или «Клянусь могилой своей матери», возможно, не говорят правду.

Еще один признак, на который следует обратить внимание, - это когда кто-то категорически возражает против конкретной несущественной детали, например, настаивает на том, чтобы у них была курица, а не стейк, когда на самом деле речь шла о гораздо более серьезной теме.

Исследования показали, что люди, которые проявляют ложное раскаяние, часто нерешительны в речи, чем те, кто выражает искренние чувства. Люди с психопатическими чертами часто считаются лучшими лжецами, потому что им не хватает морального компаса, который есть у большинства из нас, который вызывает чувство вины и дискомфорт.

Исследования также показали, что экстраверты могут лгать более гибко, чем интроверты. Для тех, кто работает в системе уголовного правосудия, преступления, основанные на лжи, являются очень серьезными и не без оснований [93]. Ложь мешает исследователю найти правду. Наша система правосудия требует, чтобы свидетели говорили правду не только под присягой в качестве свидетеля, но и в своих показаниях без присяги сотрудникам правоохранительных органов во время расследования. Когда свидетели дают ложные показания, ложь направляет следователей в неверном направлении, мешает им подтвердить факты и затягивает расследование.

Преступления, связанные с ложными заявлениями, обвиняются в делах, связанных с бандитскими группировками, организациями, занимающимися незаконным оборотом наркотиков, преступлениями среди служащих, коррупцией в полиции и во всех других случаях, когда люди лгут, чтобы защитить себя и других в своих преступных организациях. Частично эти судебные преследования привлекают к ответственности тех, кто затрудняет раскрытие преступлений, а частично они сдерживают других, кто может поддаться искушению сделать это.

В контексте контрразведывательных расследований ложь также может поставить под угрозу национальную безопасность. Люди лгут, хотя знают, что им грозит уголовное наказание, потому что говорить правду хуже. Прокуроры используют доказательства лжи как так называемое «сознание вины». Теория состоит в том, что человеку нужно лгать только тогда, когда он знает, что правда доставит ему неприятности.

Ложь является утверждением, что, как полагают, ложно, как правило, используется с целью обманывать кого-то. Практика лжи называется ложью человека, сообщающего ложь, можно назвать лжецом. Ложь может выполнять множество инструментальных, межличностных или психологических функций для людей, которые ее используют. Как правило, термин «ложь» имеет негативный оттенок, и в зависимости от контекста человек, сообщающий ложь, может быть подвергнут социальным, юридическим, религиозным или уголовным санкциям.

Закон обмана «придает юридическую силу повседневным нормам толкования и установления истины». Общественный консенсус устанавливает, что ложь - это неправильно и что, когда ложь человека причиняет конкретный вред, этот человек должен заплатить за вред. И наоборот, когда ложь не причиняет вреда, хотя многие могут считать ложь аморальной, общество не требует наказания или ответственности.

Эта область закона касается действий как граждан, пытающихся обмануть сотрудников правоохранительных органов, так и должностных лиц, которые пытаются обмануть граждан. Результатом являются двойные стандарты в законе обмана, который регулирует взаимодействие между частными лицами и сотрудниками правоохранительных органов.

Одновременно с названными выводами, отдельным блоком рассмотрим криминологические аспекты заведомо ложных доносов об изнасилованиях, поскольку изученные за последние 5 лет судебные акты свидетельствуют о том, что львиную долю или 30% от всех заведомо ложных доносов составляют изнасилования.

Субъект изнасилования специальный - физическое вменяемое лицо мужского пола, достигшее совершеннолетнего возраста. Предметом заведомо ложного доноса о половом преступлении выступает информация о том, что лицо совершило половое посягательство или покушение на него. Нередко подобная информация связана с обвинением в изнасиловании.

К примеру, 31 мая 2020 года в 04 часа 19 минут Н.А. обратилась по телефону «102» в ОП Жамбылского района Алматинской области по факту ее изнасилования ранее незнакомым мужчиной.

Прибывшими по ее вызову сотрудниками полиции последней были разъяснены ее права и обязанности, а также она была предупреждена по ст.419 УК РК, за заведомо ложный донос, однако Н.А. настояла на своих показаниях и письменно подтвердила свое обращение.

По данному факту органом уголовного преследования проведено расследование по ст. 120 ч. 1 УК РК, в ходе которого установлено, что незнакомым мужчиной является \ранее знакомый С.А., с которым 31 мая 2020 года около 00 часов 30 минут она вступила в половой контакт добровольно, однако имея личные обиды, из корыстных побуждений, хотела наказать его, обвинив в изнасиловании.

По указанному факту, Н.А. признана виновной приговором Жамбылского районного суда Алматинской области от 20 июля 2020 года по ч.3 ст.419 УК РК и назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы, условно. Приговор вступил в законную силу.

Другой пример, гражданка А.О. 04 октября 2020 года обратилась в УП Енбекшинского района ДП г.Шымкент с сообщением о том, что неизвестные лица по имени «Санжар» и «Ержан» группой лиц совершили изнасилование. Данное заявление о совершенном преступлении зарегистрировано в ЕРДР УП Енбекшинского района ДП г.Шымкент по ст.120 ч.2 п.1 УК то есть, изнасилование совершенное группой лиц. По делу проведено досудебное расследование. В результате ОРМ установить личности «Санжар» и «Ержан» не представилось возможным.

В ходе дальнейшего расследования дела, «потерпевшая» изменила показание и пояснила, что она историю об изнасиловании выдумала из-за страха наказания со стороны родственников для объяснения причин отсутствия дома с 2 по 4 октября 2020 года. На самом деле личности «Санжар» и «Ержан» она не знает и она никем не была изнасилована.

По указанному факту, приговором Енбекшинского районного суда г.Шымкент от 29 декабря 2020 года А.О. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст.419 ч.3 УК РК и назначено наказание в виде 2 лет ограничения свободы. Приговор вступил в законную силу.

Исследователи Дэвид Лисак, Лори Гардинье, Сара Си Никса, Эшли М Кот [94] проанализировали статистические данные за 10 лет. В результате, из 136 случаев сексуального насилия, зарегистрированных за 10-летний период, 8 (5,9%) закодированы как ложные обвинения. Эти результаты, взятые в контексте исследования предыдущих исследований, показывают, что распространенность ложных утверждений составляет от 2% до 10%.

Так, по информации «Associated press» от 27 января 2018 года, Дарманин - самый высокопоставленный французский чиновник, обвиняемый в изнасиловании. Парижская прокуратура заявила, что расследование по обвинению в том, что 35-летний Дарманин изнасиловал женщину в 2009 году, было открыто в прошлом году и закрыто, поскольку обвинитель не явился на допрос. Новое предварительное расследование было начато после того, как женщина подала новый иск. Адвокат Туаййон-Хибон утверждает, эта женщина - бывшая проститутка, осужденная в 2004 году за шантаж. Она утверждала, что была неправомерно осуждена и хотела, чтобы Дарманин помог с делом.

Дарманин решительно оспаривает правонарушения и подал встречный иск с ложным обвинением. [94]

В последние месяцы во Франции наблюдается массовое возмущение по поводу сексуального насилия и домогательств, а также растущее число сообщений полиции о сексуальных проступках. В отличие от США, ни одна влиятельная французская фигура в результате не потеряла работу.

Некоторые известные французские женщины, в частности, актриса Катрин Денев, также осудили растущие «доносы» как форму пуританства, которая угрожает сексуальной свободе.

Но есть и другая «сторона медали». По данным Национального ресурсного центра по борьбе с сексуальным насилием США, распространенность ложных сообщений о сексуальном насилии составляет от 2% до 10%. Исследования показывают, что уровень ложных отчетов часто завышен, отчасти из-за несовместимых определений и протоколов. Например, некоторые правоохранительные органы могут маркировать иск об изнасиловании как «ложный» только потому, что недостаточно доказательств для судебного преследования.

По информации К. Хаузер, пресс-секретаря Национального ресурсного центра по вопросам сексуального насилия, Еще одна причина, по которой случаи сексуального насилия могут восприниматься как ложные, - это частое отсутствие свидетелей. Правонарушители «намеренно и стратегически не имеют свидетелей. Это является неотъемлемой частью преступления». [95]

Доверие сотрудников полиции и судебной системы к предполагаемым жертвам защищает ложного заявителя и сохраняет его незамеченным. Не все обвинения в преступлениях правдивы. Особенно ложные обвинения в изнасиловании вызывают эмоции (Dershowitz, 1994). Среди ученых распространенность ложных обвинений в изнасиловании лежит в основе жарких споров с крайними и, вероятно, необоснованными претензиями с обеих сторон (Brownmiller, 1975; Kanin, 1994; Rumney, 2006). Некоторые утверждают, что почти все обвинения являются правдой (2% ложных утверждений; Brownmiller, 1975) и другие, что все утверждения являются ложными (100% ложных утверждений; Kanin 1985, в Kanin, 1994). Принимая во внимание, что Грир (1999) утверждает, что показатель ложного изнасилования 2% не соответствует действительности, поскольку этот показатель не был основан на тщательных исследованиях, показатель 100% также не был воспроизведен и, вероятно, был вызван методологическими недостатками. Кроме того, кажется невозможным, чтобы все обвинения были ложными. [95]

Выявление ложных обвинений в изнасиловании важно, так как ложные обвинения в изнасиловании существуют и ни в коем случае не безвредны. Ложные срабатывания, обвинения воспринимаются как истинные, в то время как обвинения фактически ложные (Friedrichsen, 2013), а также ложные отрицания, обвинения воспринимаются как ложные, в то время как обвинения на самом деле

являются истинными, приводят к нежелательным, негативным последствиям (Ebisch, 2010). [95]

Истинным утверждением об изнасиловании является фактическое незаконное принуждение человека с помощью физической силы или принуждения к половой жизни.

Специалисты в области уголовного правосудия склонны судить об обвинении как о ложном, если повествование об изнасиловании не совсем верно, в том смысле, что, по крайней мере, какая-то часть истории заявителя неверна, либо потому, что она солгала, либо совершила ошибку (Сондерс, 2012). Это несовершенно определение, поскольку жертвы, которые на самом деле были изнасилованы, но, например, лгали о том, как она встретила насильника, рассматриваются как ложные истцы. Kanin (1994), вероятно, предложил лучшее работоспособное определение ложных утверждений об изнасиловании: «Преднамеренное сообщение о насильственном изнасиловании предполагаемой жертвой, когда изнасилования не произошло» (стр. 82). [95]

Другая концепция, тесно связанная с определением ложного обвинения в изнасиловании, - это концепция земной правды. Знать основную истину - значит установить, что на самом деле произошло (Hogowitz, 2009). Основополагающая истина - это термин, обычно используемый для оценки правильной категоризации. С одной стороны, это означает, что обвинения, классифицированные как ложные, фактически являются ложными. Соответственно, такие утверждения соответствуют вышеупомянутому определению ложных утверждений. С другой стороны, это означает, что утверждения, классифицированные как истинные, на самом деле не могут быть необнаруженными ложными утверждениями. Тем не менее, усилия не являются прямыми, потому что, например, иногда секс принимается за изнасилование (Veraart, 1997). [95]

Теория сфабрикованного изнасилования предсказывает, что различия между историей ложного заявителя и истинной жертвы возникнут, потому что ложный заявитель должен сфабриковать событие, которое не было пережито, и истинная жертва может рассчитывать на воспоминания о событии. С одной стороны, ложный заявитель лжет и будет вести себя так же, как лжецы. С другой стороны, она строит историю на основе своего собственного опыта и своих убеждений в отношении изнасилования. Если переживания не похожи на изнасилование, а убеждения относительно изнасилования не верны, то возникнут заметные различия между реальной историей и ложной историей изнасилования, сфабрикованным изнасилованием. [95]

Ложный заявитель фабрикует обвинение: он или она лжет. Поэтому различия между рассказчиками правды и лжецами будут также относиться к истинным жертвам и ложным заявителям. Следовательно, будут обнаруживаться заметные различия между историями о сфабрикованном изнасиловании и историями об изнасиловании. Идея о том, что истинные утверждения отличаются от сфабрикованных утверждений, сопоставима с известной

гипотезой Undeutsch (1982) . Гипотеза Undeutsch (1982) гласит, что истинные утверждения детей в случаях сексуального насилия отличаются по содержанию и качеству от утверждений, в которых описываются сфабрикованные или выдуманные события. В метаанализе 20 исследований Амадо, Арсе и Фариньи (2015) обоснованность гипотезы Undeutsch была подтверждена. Исследователи рассчитали размеры эффекта от умеренного до большого. Таким образом, исследователи пришли к выводу, что гипотеза Undeutsch была обобщена на другие условия, такие как другие возрастные группы. [95]

Общая стратегия лжецов заключается в том, чтобы история была простой и без подробностей (Masip & Herrero, 2013; Strömwall, Hartwig & Granhag, 2006). Поскольку ложные заявители являются лжецами, ложные заявители, вероятно, примут ту же стратегию и составят краткую общую историю. Фальсифицировать обыденное повседневное событие, вероятно, менее сложно, чем сфабриковать ложное обвинение в изнасиловании. Ложные заявители не знают, как часто происходят изнасилования, поэтому они не могут включить правдивые подробности в свою сфабрикованную историю. Макдауэлл и Хиблер (1993) утверждают, что сфабрикованная история изнасилования менее детально, чем подлинная история, которая согласуется с различием в стратегии между рассказчиками правды, настоящими жертвами и лжецами, ложными жалобщиками. [95]

Например, в ложном заявлении предполагаемая жертва не дает оценки продолжительности изнасилования, а также не дает описания того, как насильник и ее раздевали. Вудхамс и Грант (2004) изучал речь правонарушителей, как сообщалось в рассказах лживых заявителей и настоящих жертв. Исследователи изучили 22 заявления, которые были подтверждены как истинные, и 22 заявления, которые были отозваны как ложные. Исследователи обнаружили, что обвинения, которые были подтверждены как истинные, содержали значительно больше высказываний со стороны правонарушителя, чем были сняты, как ложные обвинения. Таким образом, лживые заявители, кажется, приняли стратегию лжецов и рассказали простую историю с почти немым сфабрикованным насильником. [95]

Ложный заявитель не подвергнулся изнасилованию; она должна сфабриковать историю изнасилования. Возможно, был половой акт, но он был согласованным. Сексуальные переживания в контексте согласия не совпадают с сексуальными переживаниями в случае изнасилования. В полевых исследованиях Philips (2000), которые опросили тридцать женщин в возрасте от 18 до 22 лет, участницы описали широкий спектр сексуального опыта, желаний и фантазий. Несколько женщин заявили, что их изнасиловали в детстве, подростковом или в раннем взрослом возрасте. Опыт, который был описан как изнасилование, не был похож на опыт, который те же женщины описали как согласие. Пара женщин описала сексуальный опыт, когда сценарий изнасилования был разыгран как сексуальная фантазия между соглашающимися партнерами. Переживания не совпадают с изнасилованием, хотя они

предназначены для того, чтобы напоминать изнасилование, потому что сценарий изнасилования построен на тех же неверных убеждениях, касающихся изнасилования, которым придерживаются ложные заявители. [95]

Некоторые сексуальные переживания, описанные женщинами в книге Philips (2000), которая утверждала, что они не были изнасилованы, были насильственными, но согласными сексуальными контактами. Одна или две женщины описали сексуальные переживания, в которых казалось, что согласие является единственным отличительным фактором между изнасилованием и сексуальным контактом по обоюдному согласию. Насильственные сексуальные переживания отличаются от сексуального опыта в контексте изнасилования, потому что насилие часто не связано с преступлением изнасилования (Canter, 2000, 2004; Canter, Bennell, Alison, & Reddy, 2003; Knight, 1999; Kocsis, Cooksey & Harvey, 2002; Prentky & Knight, 1991). Макдауэлл и Хиблер (1993) смели предположить, что во время изнасилования жертва больше заботится о выживании и с небольшим сопротивлением подвергается нападению, в то время как в ложных утверждениях уровни насилия и сопротивления, описанные заявителями, намного выше. Исследования истинных утверждений об изнасиловании также показывают, что применяемое насилие в основном является инструментальным и что чрезмерные уровни насилия редки (Canter et al., 2003; Knight, 1999; Kocsis et al., 2002; Prentky & Knight, 1991) [95].

Ложная заявительница, которая никогда не подвергалась изнасилованию и создала историю, основанную на ее собственном сексуальном опыте, создаст историю, которая не похожа на настоящее изнасилование. Женщина, которая не изнасилована, предположительно ассоциирует изнасилование с нежеланием. Нежелательный, но согласованный секс распространен (Bay-Cheng & Eliseo-Arras, 2008; Erickson & Rapkin, 1991; O'Sullivan & Allgeier, 1998; Philips, 2000). [95] Предполагается, что женщины, подающие ложные обвинения, сообщат о прототипе изнасилования, в котором отсутствуют феноменология и сложность изнасилования. Женщина, подающая ложное обвинение, например, не будет сообщать о поцелуях, поскольку поцелуи не связаны с преступлением изнасилования, а поцелуи - это поведение, которое является центральным для преступления изнасилования, как это показывают почти все насильники. Эллисон и Манро (2009), который изучал ложные обсуждения присяжных после суда над изнасилованием, обнаружил, что присяжные считали, что обвинение в изнасиловании было ложным, если изнасилованию предшествовало поцелуй, особенно когда поцелуй был согласованным. Исследователи варьировали несколько параметров и разыгрывали девять различных испытаний изнасилования актерами и адвокатами. Присяжные считали, что насильники не будут просить поцелуй, если они намереваются кого-то изнасиловать. Таким образом, фальшивый заявитель будет выдумывать преступника, который напоминает определенный, но редкий тип насильника. [95]

Исследователи Андре В.Е. де Цуттер, Роберт Хорсленберг, Питер Дж. Ван Коппен из Университета Маастрихта, Фак. Закон, Деп. Уголовное право и

криминология, Нидерланды, для изучения различий между истинными и ложными утверждениями использовали квази-экспериментальный подход. В состоянии контроля, истинные обвинения были получены из материалов уголовного дела. Все жертвы были в возрасте от 17 до 53 лет ($M = 28,0$, $SD = 10,6$). В экспериментальном состоянии женщинам было предложено подать ложное утверждение. Участники, все женщины, в экспериментальных условиях были в возрасте от 18 до 52 лет ($M = 28,0$, $SD = 10,6$). Исследователи создали список из 187 переменных на основе теории сфабрикованного изнасилования. Все элементы в списке были закодированы дихотомически. Все переменные, которые были закодированы как «присутствующие» внутри случаев, суммировались для получения общего балла; независимый t-тест был использован. Результаты контрольного условия ($N = 30$) сравнивали с экспериментальным условием ($N = 35$) с использованием критерия хи-квадрат. Метод Хольма-Бонферони с коррекцией Шидака использовался для коррекции увеличения частоты ошибок по семейным обстоятельствам. Независимый t-критерий показал значительную разницу между средним числом нынешнего кодирования вероятных истинных утверждений ($M = 59,13$, $SD = 11,00$) и ложных утверждений ($M = 35,74$, $SD = 9,33$), $t(63) = 9,28$, $p < 0,0001$, $d = 2,34$.

По результатам эксперимента, исследователи пришли к выводу, что, значительно больше переменных были закодированы как «присутствующие» в вероятных истинных утверждениях. В сфабрикованных историях об изнасилованиях не хватает псевдоинтимного поведения и большого разнообразия сексуальных действий. Кроме того, почти во всех сфабрикованных историях об изнасилованиях атака была завершена менее чем за 15 минут, в то время как в вероятных истинных утверждениях атака иногда занимала более 60 минут, прежде чем была завершена [96].

В целом, следуя теории сфабрикованного изнасилования, ложные заявители, как правило, создают краткую прототипическую историю изнасилования. В результате краткой истории значительно больше переменных были закодированы как «отсутствующие» в ложных, сфабрикованных обвинениях в изнасиловании. Жертвы не строят историю, а рассказывают историю, основываясь на воспоминаниях о событии. Истинное утверждение об изнасиловании имеет сложную структуру, которая не передается в средствах массовой информации и, следовательно, не является частью ментальных представлений об изнасиловании. Истинное обвинение в изнасиловании содержит множество форм поведения и много взаимодействия между жертвой и правонарушителем. Поэтому история настоящего изнасилования - это длинная, подробная и сложная история, которая влечет за собой все сложности и тонкости изнасилования. В результате сложной истории, значительно больше переменных были закодированы как «присутствующие» в вероятных истинных обвинениях в изнасиловании. Обнаружение того, что в ложных утверждениях об изнасиловании значительная часть переменных кодируются как

«отсутствующие», является надежным выводом (Hunt & Bull, 2012; Parker & Brown, 2000; Rassin & Van der Sleen, 2005; Rumney, 2006).[96]

В заключение следует сказать, что истинные и ложные утверждения расходятся друг с другом в основах истории, изложенной заявителем. Различия могут быть использованы для прогнозирования истинного характера обвинения в изнасиловании.

Исследование Андре В.Е. де Цуттер, Роберт Хорсленберг, Питер Дж. Ван Коппен демонстрирует обоснованность теории сфабрикованного изнасилования. Если необходимо сфабриковать какое-либо событие, такое как изнасилование, люди строят историю, основываясь на своем собственном опыте и ментальных представлениях о том, как такое событие произойдет. Если люди сфабриковали событие, которое вообще не было, люди построят историю на основе опыта, который считается похожим на это событие. В случае изнасилования люди прибегают к своему сексуальному опыту. Сексуальные переживания были согласованы, поскольку изнасилования не было. Сексуальные переживания в контексте согласия не совпадают с сексуальными переживаниями в случае изнасилования. Ментальные представления людей о том, как произошло изнасилование, неверны. На умственные представления влияют средства массовой информации, которые постоянно искажают изнасилование и тем самым вызывают стереотипы об изнасиловании и ложные убеждения в изнасиловании. Ложные заявители, которые строят историю изнасилования на основе недопустимого сексуального опыта и ментальных представлений, строят иную историю, чем настоящие жертвы, которые основывают историю на воспоминаниях об изнасиловании. Таким образом, возникают серьезные различия между историями правдивых и ложных обвинений в изнасиловании. Различия могут быть использованы для различения истинных и ложных утверждений.

Опираясь на результаты вышеуказанных исследований, можно выделить следующие ключевые аспекты восприятия сотрудниками полиции ложных сообщений об изнасилованиях:

- доля сообщений об изнасилованиях, которые сотрудники полиции считают не соответствующими действительности или ложными; какие особенности сообщений об изнасиловании способствуют склонности сотрудников полиции рассматривать их как ложные;
- различают ли сотрудники полиции различные «типы» утверждений, которые они считают ложными;
- в заключение обсуждает последствия убеждений, которые сотрудники полиции придерживаются для заявителей и их дел, процесса уголовного правосудия и сохранения гендерной идентичности.

Призрак ложных обвинений в изнасиловании имеет давнее наследие как в уголовном правосудии, так и в массовой культуре. Рамни (2006) цитирует мнение сэра Мэтью Хейла 17-го века о том, что изнасилование «это обвинение,

которое легко сделать и трудно доказать, и труднее защитить обвиняемой стороной...». При этом он обращает внимание на подозрения заявителей об изнасиловании, которые породила эта точка зрения. Рамни (2006) также обращает внимание на то, как часто многие, включая судей, юристов и ученых, заявляют о том, как легко женщинам, детям и мужчинам ложно заявлять об изнасиловании, и на те трудности, которые, по их мнению, возникают при опровержении таких заявлений. Процедура, процесс и аппарат уголовного правосудия, которые развились в связи с этим, также примечательны, включая конкретные правила доказывания, бремя и процессы, включая медико-правовое вмешательство (Kelly, 2010; Temkin, 1997; Du Mont & White, 2007; McMillan & White, 2015).[96]

В последние десятилетия вокруг изнасилования была проведена значительная правовая и процессуальная реформа (McMillan, 2007; Corrigan, 2013). Несмотря на это, Келли (Kelly, 2010, p. 1345) утверждает: «хотя буква закона была реформирована во многих странах, наследие по-прежнему оседает в институциональных культурах и практиках, создавая риск чрезмерной идентификации ложных утверждений полицией и прокурорами». [96]

Исследования показали сохранение некоторых мифов об изнасиловании среди сотрудников полиции (например, Kelly et al, 2005; Temkin, 1997, 1999). Даже те, кто является специалистами в расследовании изнасилований, могут иметь «культуру подозрительности» (Kelly et al, 2005: 51), и хотя исследования показывают, что некоторые офицеры могут сочувствовать заявителям об изнасиловании, есть также доказательства того, что некоторые придерживаются более «традиционных взглядов» на изнасилование и могут рассматривать сообщения как поиск внимания подозреваемого в большем количестве ложных утверждений (Lea et al, 2003).[96]

В ходе исследований были изучены показатели, при которых сотрудники полиции полагают, что выдвигаются ложные обвинения, и хотя эти показатели варьируются довольно широко, несомненно, как следствие того, как в этом контексте определяется понятие «ложные», оценки большинства сотрудников значительно выше, чем оценки, полученные в ходе исследований с использованием обзоров дел и аналогичных методов.

Темкин (1997) обнаружил, что половина всех детективов считает, что 25% изнасилований являются ложными утверждениями, а некоторые придерживаются стереотипных представлений о том, что представляет собой подлинная жалоба на изнасилование с теми женщинами, которые сообщили об этом поздно, знали о своем нападении и не имели физических травм, которые, скорее всего, будут рассматриваться с подозрением.[96]

Исследование Kelly et al (2005) показало, что некоторые офицеры считали, что до половины случаев были ложными. Их анализ материалов дел об изнасилованиях показал, что вероятность ложных обвинений составляет 3%; эта цифра резко контрастирует с оценками офицеров. Авторы утверждают, что «наиболее мощным и устойчивым культурным нарративом является понятие

«реального изнасилования» и что женщины часто лгут об изнасиловании» (Kelly et al, 2005). [96]

Был выявлен ряд причин, способствующих вынесению должностными лицами решений о том, могут ли дела быть ложными. Камеры и Миллара (1983; 1985) исследования в Шотландии показали, что, когда заявители вели себя не так, как они «должны», это вызывало сомнение в правдивости их жалобы, и Темкин (1999) также обнаружил, что женщинам можно не верить, если их поведение не соответствует ожиданиям полиции. [96]

Макмиллан и Томас (McMillan & Thomas, 2009), обсуждая интервью с полицией, также сообщили, что отсутствие подробностей в рассказах заявителей, несоответствия и отсутствие линейной истории часто ставят под сомнение их утверждения. Другие показали, что те, у кого есть трудности в обучении и проблемы с психическим здоровьем, скорее всего, испытывают трудности с тем, чтобы им верили и относились к ним как к заслуживающим доверия (Harris & Grace, 1999; Jordan, 2001; Kelly et al. 2005). Стереотипное ложное утверждение также сохраняется-женщины стремятся отомстить бывшему любовнику или партнеру (Kelly, 2010).[96]

В то время как некоторые методологически ставят под сомнение то, как мы можем установить «истинный» уровень ложных утверждений и трудности в этом (см. Rumney, 2006), что ясно из предыдущих исследований ложных утверждений и последовательно демонстрируемого несоответствия между восприятием сотрудников уголовного правосудия и оценками исследователей (Saunders, 2012), миф о том, что женщины, вероятно, будут обманчивы, сохраняется. По-видимому, исторически сложилось мнение, что «... для женщин обман ... (является) ... социально предписанной формой поведения» (Поллак, 1950) - это одновременно прочный и опасный метод. [96]

Сондерс (2012) исследовал, почему исследователи и сотрудники уголовного правосудия неоднократно сообщают о широко расходящихся оценках ложных обвинений в изнасиловании. Она пришла к выводу, что «ложные утверждения» воспринимаются каждой группой по-разному, и сообщила, что сотрудники уголовного правосудия проводят различие между тем, что она называет «ложной жалобой» и «ложным отчетом». Первое-это полностью сфабрикованное обвинение, и никакого изнасилования не было, в то время как «ложное сообщение» - это такое, в котором аспекты того, что раскрывается (в результате совершения или бездействия), на самом деле неточны или не соответствуют действительности. Хотя это интересное различие и в какой-то мере объясняет, как сотрудники уголовного правосудия принимают решения о якобы ложных сообщениях, все еще существует пробел в наших знаниях о том, как именно и что полицейские считают «ложным» и, что особенно важно, почему. Сондерс также не задумывается о гендерных стереотипах, играющих важную роль в оценках офицеров.[96]

Чтобы решить эту проблему, используя данные, недавно собранные сотрудниками полиции, регулярно занимающимися случаями изнасилования в

той или иной части Англии, данное исследование продемонстрирует более сложную картину восприятия сотрудниками полиции ложных обвинений. В нем будет освещена доля сообщений, которые сотрудники полиции считают ложными, факторы, способствующие тому, чтобы они считали дело ложным, и представлен ряд «типов» ложных утверждений, которые сотрудники раскрывают в своих рассказах.

Полицейских спросили, какую долю сообщений об изнасилованиях они считают ложными утверждениями. Не все офицеры предлагали числовые ответы, но из тех, кто это делал, ответы варьировались от 5% сообщений до 90%, при общем среднем ответе 53%. Было ясно, что офицеры были несколько поляризованы, между теми, кто думал, что ложные сообщения были главной проблемой для тех, кто думал, что очень немногие были ложными. Из тех, кто считал ложные сообщения существенной проблемой, офицеры ответили такими заявлениями, как:

«...я не могу ударить вас фактами и цифрами, но если вы хотите знать мое мнение-вероятно, около 80% 85% фактических расследований сексуальных посягательств, с которыми я имел дело – - если бы вам пришлось спросить мое мнение, вероятно, больше 90 [процентов] было бы – они просто не произошли - потому что то, что они говорят, не имеет смысла, обстоятельства вокруг этого не имеют смысла...» (старший детектив, мужчина).[95]

Некоторые офицеры неохотно давали числовой ответ и вместо этого отвечали словесным показателем, что, по их мнению, большая часть ответов была ложной. Эти ответы включали в себя: «...я бы сказала, что небольшой процент будет подлинным» (P39 Соло, женщина) «... потому что мы получаем довольно много ложных утверждений. Я не мог сказать, да и не хотел бы. ... Я бы сказал, значительный процент» (Детектив P2, мужчина).[95]

Это значительно расходится с существующей исследовательской литературой, которая предполагает, что около 5% изнасилований сообщается в полицию (Fisher, Cullen & Turner 2000; Warshaw, 1988), и всего лишь 8-10% изнасилований женщин в популяции в целом сообщается (Russell, 1984).[95]

Однако, в отличие от этого, и в соответствии с широким спектром мнений, сообщенных теми, кто предоставил числовой процент, были также офицеры, которые считали, что очень небольшое число, если таковое вообще было, было ложным, указывая, что они не считали это широко распространенной проблемой.

Например: «...есть очень небольшая группа людей, которые делают ложные заявления» (Детектив P26, женщина).

Обзор материалов дел об изнасилованиях показал, что только 3,9% (16) случаев на самом деле не были изнасилованиями (McMillan, 2010). Важно отметить, что было много причин, по которым они были классифицированы как «ложные», и лишь немногие из них были злонамеренными. Таким образом, эта цифра в 3,9% находится в прямом противоречии с мнением многих офицеров о том, что ложные обвинения являются «существенной» проблемой.[95]

Учитывая, что многие из тех, кто переживает изнасилование, часто испытывают трудности с раскрытием своих нападений (McMillan, 2013), причем 91% из тех, кто участвовал в исследовании Пейнтер (Painter, 1991), никому не рассказывают об этом до того, как принять участие в ее исследовании, тот факт, что миф о том, что изнасилование легко утверждать и раскрывать, сохраняется, вызывает беспокойство, поскольку он предполагает, что не все офицеры полностью понимают как трудности, присущие сообщению, так и серьезность решения сделать это. [95]

То, что очевидно в восприятии тех полицейских, которые сообщают о более высоких уровнях ложных утверждений, - это скрытое убеждение, что женщины лживы – что они лгут об изнасиловании. Отсутствие объяснений относительно того, почему они пойдут на то, чтобы сообщить полиции о якобы ложном обвинении, также было примечательно в этих данных. Однако самым поразительным было то, что восприятие ложных сообщений об изнасилованиях было явно гендерно обусловленным явлением. В сорока проанализированных интервью офицеры лишь трижды упоминали о людях, делающих ложные заявления. Разумеется, подавляющее большинство сообщений об изнасилованиях поступают от женщин; в количественном обзоре случаев из того же исследования 7,6% (n=31) из 408 проанализированных сообщений были получены от мужчин. Поэтому, хотя можно было бы ожидать меньшего количества упоминаний о мужчинах в рассказах офицеров, последовательное использование женских местоимений и примеров, связанных с женщинами-жалобщиками, поражает, но, возможно, не удивительно, учитывая мифы и стереотипы, которые окружают женщин, их тела и их сексуальность.

Объяснения сотрудников полиции о том, почему они считают так много сообщений об изнасилованиях ложными, сосредоточены вокруг двух основных категорий:

- во-первых, конкретные аспекты полицейской практики и подготовки, а также их роль и назначение в качестве сотрудника полиции, которые создают тенденцию к подозрительности;
- во-вторых, конкретные особенности сообщений об изнасилованиях, по их мнению, указывают на отсутствие достоверности.

Эти замечания вызывают озабоченность, поскольку сотрудники полиции признаются, что выносят суждения, часто даже не встречаясь с заявителем или не выслушивая его историю из первых рук. Вполне вероятно, что в основе этого суждения лежат мифы и стереотипы "здравого смысла", четко выявленные исследованиями, которые окружают не только пол, но и социальный класс (Phipps, 2009), психическое здоровье и другие уязвимые места (Harris & Grace, 1999; Jordan. 2001; Kelly et al. 2005; Stanko & Williams, 2009), проводимые сотрудниками уголовного правосудия, а также широкой общественностью (Amnesty International, 2005).[96]

В рассказах некоторых полицейских есть также убедительные доказательства того, что они борются с двумя конкурирующими моральными и профессиональными дискурсами: между цинизмом и верой. Это было очевидно как между офицерами, так и внутри них. Например, некоторые четко заявили о борьбе, которую они ведут между тем, чтобы быть обученными верить заявителю, и чувством недоверия к утверждению, что приводит к амбивалентности для многих.

Эти виды практики напоминают те, что наблюдались десятилетия назад, когда женщин «убеждали» отозвать свои жалобы на изнасилование, поскольку было ясно, что полиция им не верит. Такая практика, вероятно, приведет к отказам со стороны заявителей и фактически увеличит темпы отказа, которые, как мы уже знаем, являются высокими (Frazier & Haney, 1996; Spohn et al., 2001), и достигает 34% (McMillan, 2010). Кроме того, это, вероятно, укрепит взгляды сотрудников полиции, поскольку они, скорее всего, примут позицию или убеждение в том, что они были правы, сомневаясь в заявительнице в первую очередь, а не считают, что их обращение с ней может спровоцировать ее уход. [96]

Недавние исследования показали, что заявители придают большое значение тому, чтобы к ним относились чутко, сочувственно и чтобы им верили, а также что это жизненно важно для опыта женщин, сообщающих об изнасилованиях, и может повлиять на то, в какой степени они будут продолжать сотрудничать с этим процессом (Jordan, 2001; Kelly et al., 2005; McMillan & Thomas, 2009; Temkin, 1997; 1999). [96]

Здесь возникает картина, когда офицеры могут быть очень разными в своем подходе к делам об изнасилованиях, с некоторыми признаками поляризации. Некоторые офицеры явно борются с конкурирующими дискурсами вокруг верующих заявителей и их склонностью как полицейских не верить сообщениям об изнасиловании, в то время как другие более твердо сидят на одном конце спектра – либо не верят, либо верят. Важно то, что те заявители, которые сталкиваются с теми, кто склонен к амбивалентности или неверию, могут сообщить им об этом явно или неявно (Frohmann, 1991, 1997, 1998; Kerstetter, 1990; LaFree, 1989; Spohn, Beichner & Davis-Frenzel, 2001) через "слово, жест или тон" (McMillan & White, 2015), которые, следовательно, могут влиять на их способность раскрывать и сотрудничать (McMillan, 2013). [96]

Полицейские говорили о ряде областей, которые они считали индикаторами того, что утверждение может быть ложным. Они были сосредоточены на ряде областей, но преобладающей характеристикой, упомянутой большинством офицеров, была непоследовательность. Это было общим для всех жалоб, которые они считали ложными, и их можно было рассматривать как «точку входа», чтобы считаться ложными.

Несоответствия обычно интерпретировались как ложные утверждения, несмотря на то, что последовательные истории в таких обстоятельствах весьма маловероятны из-за воздействия самой травмы (Coffey, 1998), трудностей

принятия и записи заявлений (Milne & Bull, 2006), неадекватных стилей допроса со стороны полицейских (Clarke & Milne 2001; McLean 1995; Milne & Bull 2006) и несоответствия между уровнем деталей, ожидаемым полицейскими, и тем, что заявители чувствуют себя способными предоставить (McMillan & Thomas, 2009). [96]

Сотрудники полиции также выделили ряд других признаков лжи. Они включали в себя отсутствие подробностей в этой истории, как сообщалось в других источниках (McMillan & Thomas, 2009), отсутствие сотрудничества с процедурами уголовного правосудия, включая судебно-медицинскую экспертизу (Corrigan et al, в настоящее время рассматривается), количество алкоголя, выпитого женщиной, и в некоторых случаях отсутствие травм на теле заявителей. Что ясно, так это то, что эти показатели в значительной степени отражают мифы и стереотипы, которые, как мы знаем, окружают изнасилование, и исследования показали разрушительные отношения, которые окружают потребление алкоголя женщинами в случаях изнасилования (Finch & Munro, 2007; Gunby, Carline & Beynon, 2012) и сохранение мифа о том, что сценарии изнасилования обычно рассматриваются как совершенные незнакомцами и причиняющие значительный физический ущерб (Du Mont, Miller & Myhr, 2003; Du Mont & White, 2007; Kelly et al, 2005), когда в большинстве случаев изнасилования оставляют мало следов или вообще не оставляют следов (Gray-Eurom et al, 2002; White & McLean, 2006; Wiley, Sugar, Fine & Eckhart, 2003). Если эти предполагаемые показатели используются некоторыми полицейскими, они, несомненно, будут воспринимать высокий уровень ложных утверждений. [96]

Анализ рассказов сотрудников полиции показывает, что сотрудники выявляют целый ряд «типов» ложных утверждений, в основном основанных на поведении, предполагаемых мотивах и представлении заявителя. Эти «типы» варьировались от злобных и мстительных с одной стороны, до «амнезии» и неуверенности с другой. Многие офицеры, когда их спрашивали, предлагали ряд «типов» или объяснений того, что они считали ложными утверждениями, и следующая выдержка свидетельствует о том, что эти офицеры были идентифицированы.

Поразительно сходство с данными, представленными Грегори и Лисом (1999: 61), где они цитировали офицеров, которые говорили: «Женщина, которая поссорилась со своим бойфрендом, проститутка, которой не заплатили, молодая женщина, которая забеременела или не спит всю ночь и хочет избежать родительского гнева». Это говорит о том, что большая часть реформ, включая подготовку кадров, введение специальных офицеров и процедурную реформу, мало что изменила для некоторых офицеров. Важно отметить, что это некоторые офицеры, и исследование действительно включало офицеров, которые были более прогрессивны в своем мышлении, что поднимает вопросы о том, почему эти мифы и стереотипы сохраняются для одних офицеров, но не для других.

Полицейские воспринимают шесть различных типов ложных утверждений. К ним относятся [95]:

- злонамеренные утверждения;
- сожалеющие встречи;
- не складывающиеся или частичные истины;
- проблемы с психическим здоровьем;
- ломка;
- амнезия.

Распространенным объяснением ложных обвинений, выдвигаемых полицейскими, является злой умысел и месть со стороны женщин. Они часто ссылались на то, что женщины хотят отомстить бывшим любовникам или партнерам или причинить вред тому, кого они считали несправедливо преследуемым мужчиной.

Например:

«Я думаю, что она была мстительна и пыталась вернуть его, потому что он сказал, что берет ее в суд за долю дома, потому что он сделал работу и все остальное по дому, и она просто использовала это, чтобы попытаться вернуть дом от него». (Детектив Р38, женщина).

Келли (2010) утверждает, что это абсолютный ложный стереотип изнасилования, а другие утверждают, что женщины часто сконструированы как мстительные (см., например, обсуждение презерватива для изнасилования Rees & White (2012)). Женщины, которые воспринимались как делающие злонамеренные заявления, считались в высшей степени виновными, поскольку они делали свои заявления преднамеренно и сознательно.[95]

Опять же, это было продемонстрировано в других исследованиях, где Burton et al (1998) обнаружили, что 74% молодых людей считают, что женщины, скорее всего, утверждают, что их изнасиловали, когда на самом деле они передумали о сексуальном контакте. Для полицейских в этом исследовании алкоголь часто был вовлечен в печальную встречу. То, что никогда полностью не объясняется в рассказах офицеров, - это то, почему женщины идут на то, чтобы сообщить об изнасиловании в полицию, и почему они просто не молчат о любых сексуальных контактах, о которых они не хотят, чтобы другие знали. Опять же, офицеры обнаружили высокий уровень ответственности со стороны женщин за эти ложные сообщения, и хотя они не рассматривались так серьезно, как злонамеренные сообщения, они сообщили, что эти и злонамеренные сообщения, скорее всего, приведут к обвинению в трате времени полиции, если ложное утверждение может быть доказано.[95]

Неотъемлемая проблема в том, что офицеры классифицируют эти сообщения как ложные, заключается в том, что мы уже знаем, что существует несколько объяснений несоответствий в рассказах заявителей, и что многие из тех, кто классифицируется подобным образом, возможно, действительно подверглись нападению. Предыдущие исследования также показали, что заявители могут не сообщать добровольно информацию, которая, по их мнению, может привести к тому, что их обвинят (Kelly 2010). В то время как сотрудники

полицейской полиции в ходе исследования выражали раздражение по поводу сообщений, которые они воспринимали таким образом, они часто приписывали заявителю меньше вины, чем те, где была воспринята злоба или сожаление.[95]

Кроме того, неформальная структура норм и ценностей, действующих в рамках более жесткой иерархии полицейской организации (Holdaway, 1983), усиливает преобладающую мужскую культуру, в которой «работа по изнасилованию» обычно плохо вписывается (McMillan, 2014). Как таковые суждения о гендере, сексуальности, обмане, сожалении, женских телах и правдивости женских рассказов, вероятно, будут процветать в этом климате гегемонистской маскулинности (Fielding, 1994). Взгляды и убеждения, выражаемые офицерами, в значительной степени отражают те, которые встречаются в обществе в целом; хотя строгая подготовка и вмешательство офицеров могли бы оспорить некоторые из этих взглядов, похоже, что они так же укоренились у некоторых офицеров, как и у более широкого населения. Таким образом, все, что может свидетельствовать о ложном обвинении, может быть изъято на ранней стадии в ущерб тщательной следственной практике (Kelly, 2010; Stanko & Williams, 2009).[95]

При принятии решения о сообщении об изнасиловании заявителя должны учитывать, будут ли сотрудники уголовного правосудия и, в конечном счете, присяжные полагать, что они были изнасилованы (Orenstein, 2007). Эти укоренившиеся взгляды на изнасилование влияют не только на решение женщин сообщать об этом в первую очередь, но и на их опыт, когда они это делают (Cohn, Dupuis & Brown, 2009; Franiuk, Seefeldt, Cephress & Vandello, 2008; McMillan, 2013; McMillan & White, 2015; Norton & Grant, 2008). [95]

Широко распространенное убеждение в том, что об изнасиловании ложно сообщается больше, чем о других преступлениях, привело к целому ряду юридических практик, включая строгий перекрестный допрос и использование доказательств сексуального анамнеза женщин (Temkin, 2002), и хотя реформы были направлены на то, чтобы обуздать их, другие более поздние события свидетельствуют о том, что страх перед ложными обвинениями продолжает побуждать призывы к изменениям в процедуре уголовного правосудия. Призывы ввести анонимность для тех, кто обвиняется в изнасиловании, основаны именно на предположении, что ложные обвинения являются серьезной проблемой (Almandras, 2010).[95]

Из изложенного следует, что ложный донос - это заявление, наносящее ущерб репутации третьей стороны. Он включает в себя письменные и устные заявления.

При расследовании уголовных дел об изнасилованиях, важно грамотно выстроить вопросы и более детально выяснять тонкие подробности события. Это позволит прийти к выводу о правдивости либо ложности изнасилования.

С учетом изученных судебных актов по фактам заведомо ложных доносов, можно сделать следующий психологический портрет лжедоносчика.

Женщина, в возрасте 25-40 лет, является гражданкой Республики Казахстан и жителем места обращения в орган, со средним или средне-специальным образованием, не замужней, безработной, ранее не судимой, с целью сокрытия аморального поведения и мести.

Чаще всего это преступление совершается с целью уголовного преследования конкретного лица.

3. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЙ ДОНОС

3.1 Анализ статистики преступления, предусмотренного ст.419 УК РК

Перед органами предварительного расследования стоит задача своевременного и квалифицированного реагирования на каждое поступившее сообщение и заявление о преступлении в установленные законом сроки и принятие по ним законных и обоснованных решений.

При этом уровень развития норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, практика их применения должны быть такими, чтобы исключить всякую возможность привлечения к уголовной ответственности и необоснованного осуждения невиновных лиц.

Помимо этого в условиях наблюдаемого высокого уровня преступности и, как следствие, высокой нагрузки на органы предварительного следствия и дознания немаловажное значение приобретает соблюдение принципа процессуальной экономии, быстроты и оперативности расследования преступлений, согласно которому необходимо исключить отвлечение сил и средств правоохранительных органов на расследование необоснованно возбужденных уголовных дел.

По ложным доносам нередко начинаются досудебные расследования, проводятся следственные действия, в том числе трудоемкие и дорогостоящие, к гражданам необоснованно применяются меры процессуального принуждения. Тем самым наносится значительный ущерб нормальной деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности.

Ложные доносы могут причинить значительный вред интересам личности в результате необоснованного предъявления обвинения, избрания мер пресечения и других опосредованных процессуальными нормами существенных ограничений прав и свобод невиновных лиц.

Даже в случаях не подтверждения преступления, сам факт вовлечения в орбиту уголовного процесса наносит серьезный урон моральной и психологической стороне граждан, что свидетельствует о высокой общественной опасности заведомо ложного доноса, который посягает на нормальную деятельность органов предварительного расследования и суда, права и законные интересы людей.

В Казахстане в 2020 году срок лишения свободы за ложный донос увеличили. За заведомо ложное обвинение гражданина в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления могут лишить свободы на восемь лет. Нововведение связано с усилением наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также с расширением перечня данного вида преступлений.

По информации начальника Следственного комитета С. Адилова [97], чтобы исключить основанные на суровых мерах наказания манипуляции

отдельными недобросовестными лицами для достижения своих корыстных либо низменных интересов, законодательство усилило ответственность за заведомо ложный донос.

Соответствующие изменения внесены в статью 419 УК. Если ранее за ложный донос с обвинением лица в совершении тяжкого либо особо тяжкого преступления предусматривалась ответственность от трех до семи лет, то в настоящее время санкция увеличена до восьми лет лишения свободы. По его словам, те же действия, совершенные в интересах преступной группы, по новому закону влекут от пяти до 12 лет лишения свободы.

Ранее уголовная ответственность предусматривалась от пяти до 10 лет лишения свободы.

Теперь обратимся к статистике, за 12 месяцев 2016 года всего в стране зарегистрировано 361 686 преступлений, из них по фактам заведомо ложного доноса – 464 или 0,1% от общего количества зарегистрированных преступлений. Из них окончено – 273, в т.ч. направлено в суд – 202, прекращено по нереабилитирующим основаниям – 71, прекращено со снятием с учета – 1382, сроки расследования прерваны – 66.

В 2017 году всего зарегистрировано 316 418 преступлений, из них по фактам заведомо ложного доноса – 279 или 0,08% от общего количества зарегистрированных преступлений. Из них окончено – 216, в т.ч. направлено в суд – 182, прекращено по нереабилитирующим основаниям – 34, прекращено со снятием с учета – 761, сроки расследования прерваны – 41.

В 2018 году – 292 286 преступлений, из них по фактам заведомо ложного доноса – 225 или 0,07% от общего количества зарегистрированных преступлений. Из них окончено – 155, в т.ч. направлено в суд – 134, прекращено по нереабилитирующим основаниям – 21, прекращено со снятием с учета – 587, сроки расследования прерваны – 31.

В 2019 году – 243 462 преступлений, из них по фактам заведомо ложного доноса – 118 или 0,04% от общего количества зарегистрированных преступлений. Из них окончено – 77, в т.ч. направлено в суд – 70, прекращено по нереабилитирующим основаниям – 7, прекращено со снятием с учета – 433, сроки расследования прерваны – 8.

В 2020 году – 163 226 преступлений, из них по фактам заведомо ложного доноса – 87 или 0,05% от общего количества зарегистрированных преступлений. Из них окончено – 57, в т.ч. направлено в суд – 52, прекращено по нереабилитирующим основаниям – 5, прекращено со снятием с учета – 308, сроки расследования прерваны – 1.

Как мы видим, вместе с общим снижением преступности, снизилось и число зарегистрированных фактов заведомо ложного доноса.

В частности, снижение в 2017 году составило 39,8% (с 464 до 279), в 2018 – 19,3% (с 279 до 225), в 2019 – 47,5% (с 225 до 118) и в 2020 – 26,2% (с 118 до 87).

Фактов укрытия органами уголовного преследования заведомо ложного доноса путем необоснованного прекращения по реабилитирующим основаниям или нерегистрации в ЕРДР не установлено.

По рассмотренным судами делам данной категории, оправдательные приговора не выносились.

Наряду с этим, по результатам изучения приговоров по делам данной категории, установлено, что в 90% случаях по таким преступлениям назначаются наказания, не связанные с изоляцией от общества.

К примеру, 14.10.2019 года гражданин Н.Р. находясь у себя дома по адресу г.Усть-Каменогорск, ул.Третья, 147, стремясь скрыть факт поломки сотового телефона марки «Мейзу», а также факт того, что выкинул сумку фирмы «Найк», в которой находилось портмоне, наушники и пауэрбанк, сообщил матери, что его избили и открыто похитили у него данные вещи. После чего, его мать поверив ему, позвонила на канал «102» и сообщила о преступлении. По приезду сотрудников полиции, Н.Р. будучи предупрежденным об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, написал письменное заявление о совершенном в отношении него грабеже. По указанному факту УП г.Усть-Каменогорска начато досудебное расследование по ч.2 ст.191 УК, которой в последующем прекращено за отсутствием состава преступления.

В результате, досудебное расследование начато в отношении самого Н.Р.

Приговором суда №2 г.Усть-Каменогорска, Н.Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.419 УК и назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год. Приговор вступил в законную силу.

Переходя к научной стороне данного вида преступления, полагаю, что авторы не исчерпали все проблемные вопросы, касающиеся уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

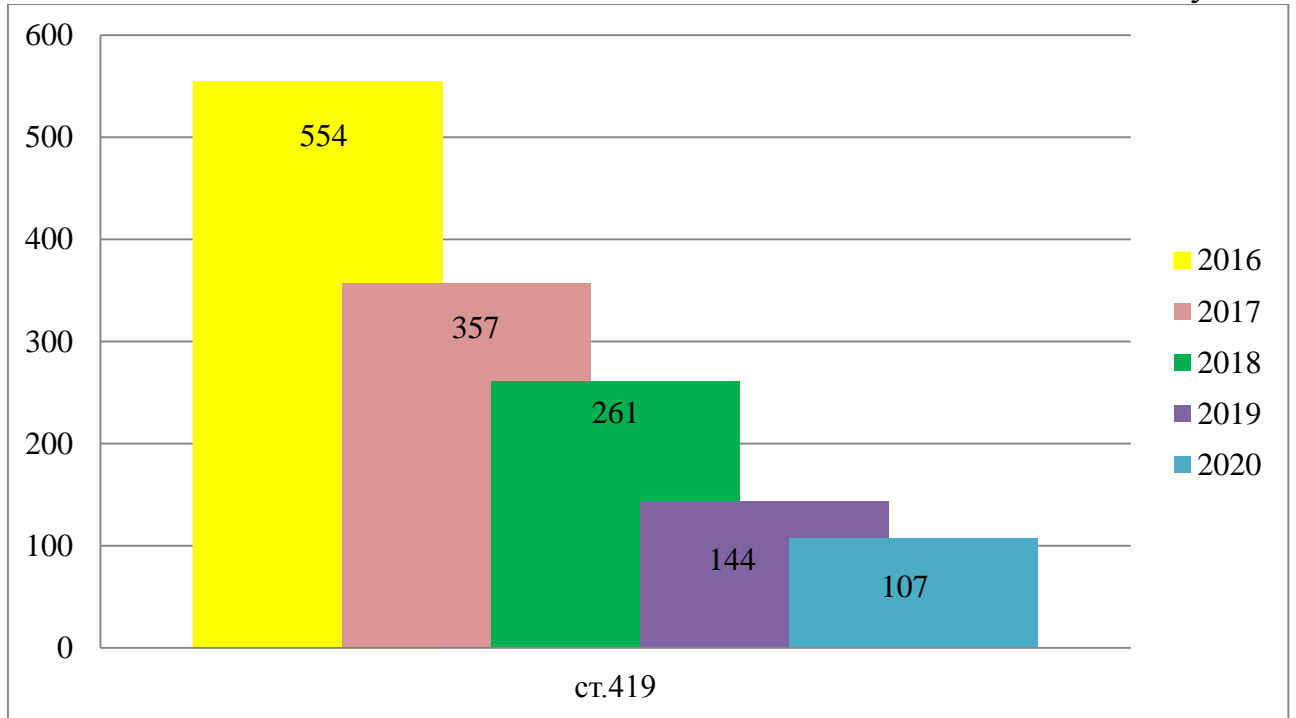
Опубликованные до настоящего времени научные положения в значительной части носят дискуссионный характер и требуют дальнейшей научной разработки.

Кроме того, уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за заведомо ложный донос, нуждаются в совершенствовании.

Этому свидетельствует низкий уровень завершения таких дел, в частности, из вышеприведенной статистики следует, что в 2016 году из числа зарегистрированных по ст.419 УК преступлений окончено лишь 58,8%, в 2017 – 77,4%, в 2018 – 68,8%, в 2019 – 65,2% и в 2020 – 65,5%.

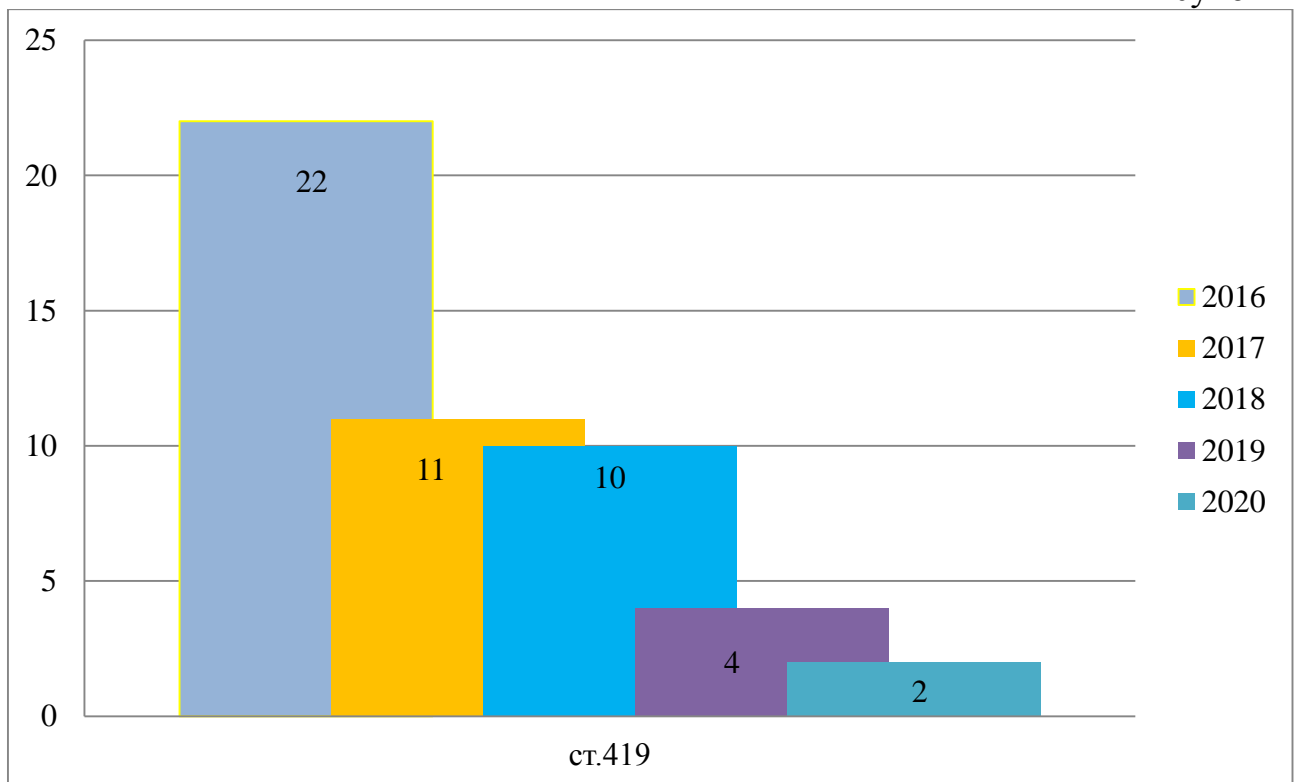
Как видно из рисунка 1, по сравнению с 2016 годом, количество дел находившихся в производстве в 2020 году уменьшилось на 447 дел, или на 80%. По сравнению с 2019 годом также количество дел уменьшилось на 37 дел, или на 25,6%. Динамика положительная.

Рисунок 1

На рисунке 2 покажем количество правонарушений, уголовные дела о которых находились в производстве по ст.419 УК РК в 2016 – 2020 гг. в отношении женщин.

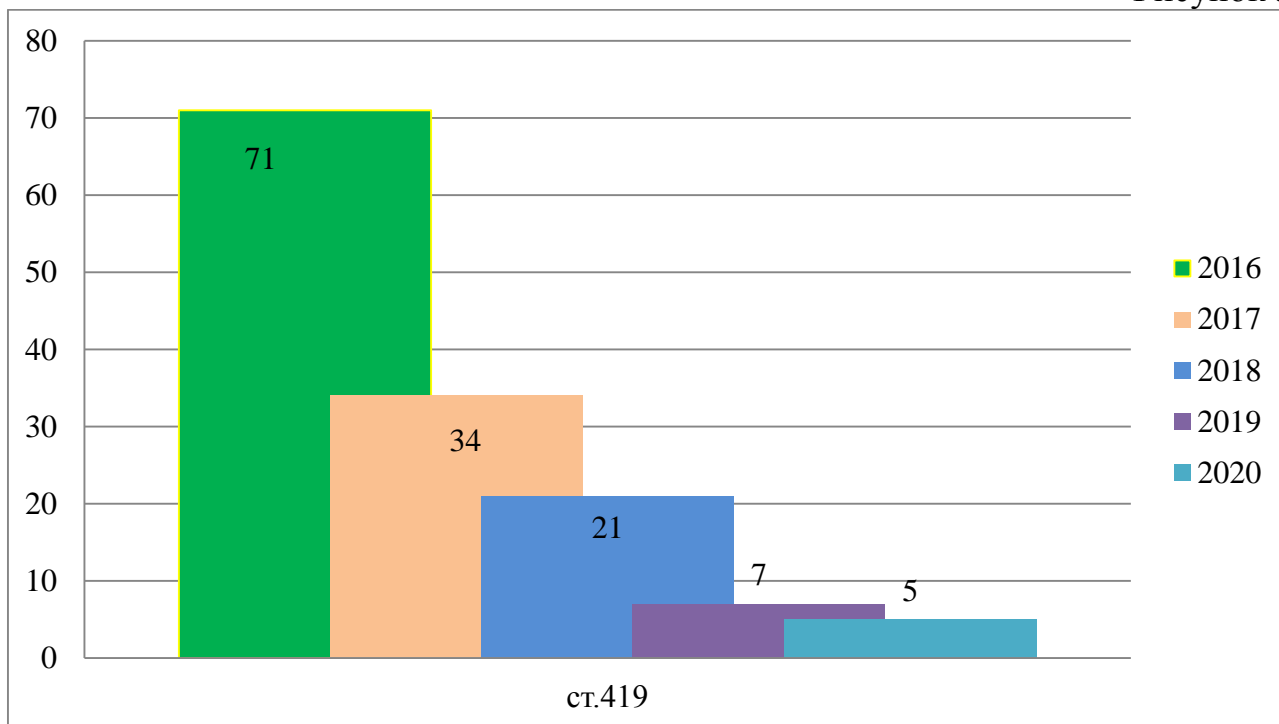
Рисунок 2

Как видно из графика, здесь также динамика положительная.

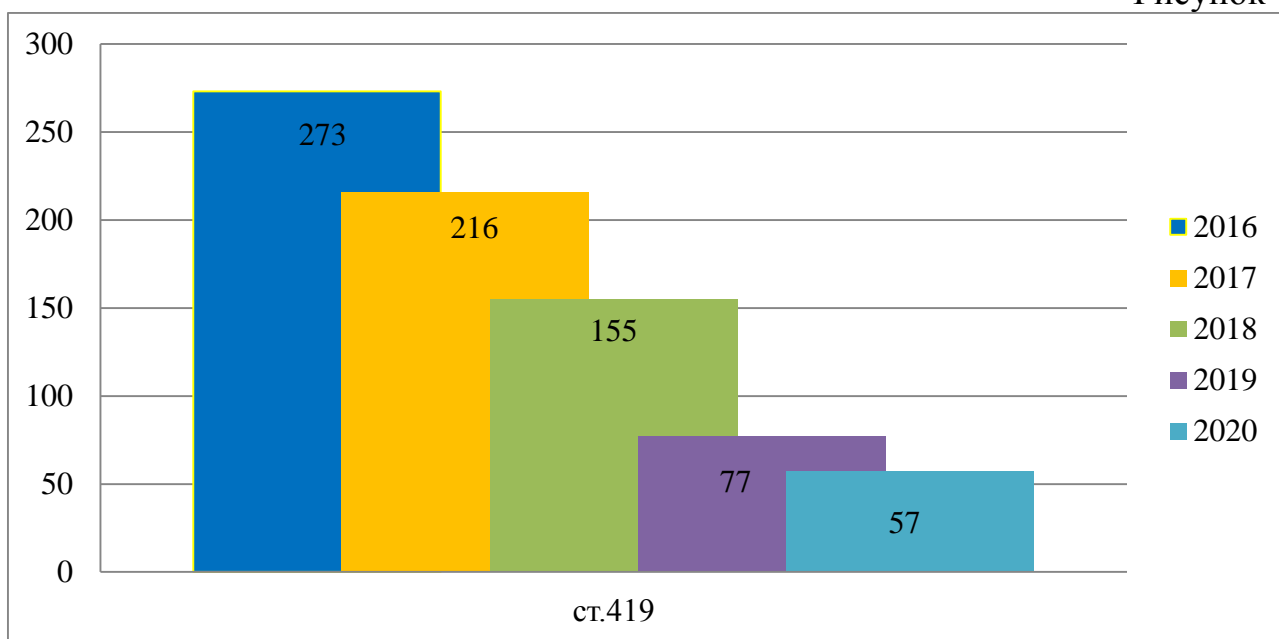
На рисунке 3 покажем количество правонарушений по ст.419 УК РК, уголовные дела о которых прекращены по пунктам 3), 4), 9), 10), 11), 12) ч.1 ст. 35 и ст.36 УПК РК в 2016 – 2020 гг.

Рисунок 3

Как видно из рисунка 4, по сравнению с 2016 –м годом, в 2020 году количество дел уменьшилось на 216 дел, или на 79%. По сравнению с 2019 – м годом также количество дел уменьшилось на 20 дел, или на 26%. Как следствие предыдущих графиков, динамика здесь также положительная.

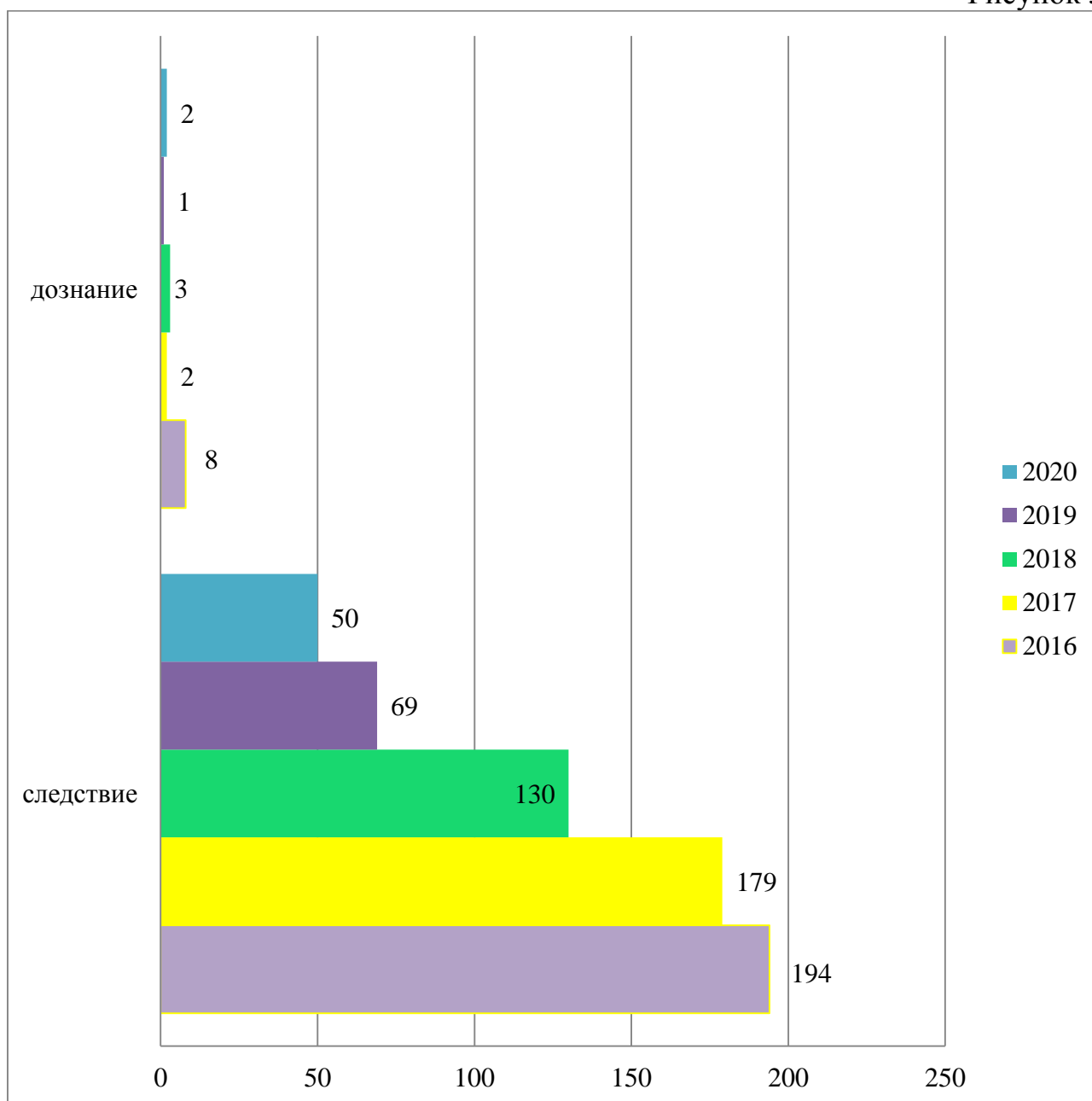
Рисунок 4

На рисунке 5 покажем количество правонарушений, уголовные дела о которых направлены в суд в отчётном периоде по ст.419 УК РК в 2016 – 2020 гг., в том числе следствие и дознание.

Динамика здесь наблюдается такая же положительная, как и в предыдущих графиках.

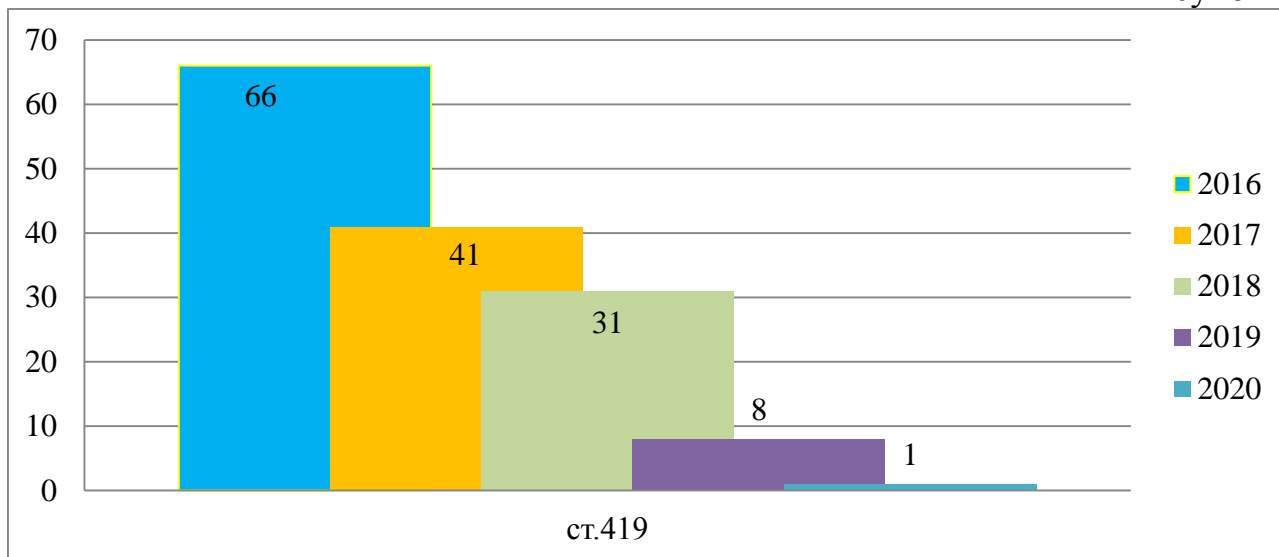
Рисунок 5

Количество правонарушений по ст.419 УК РК, по которым прерваны сроки досудебного расследования в отчетном периоде в 2016 – 2020 гг. показаны на рисунке 6.

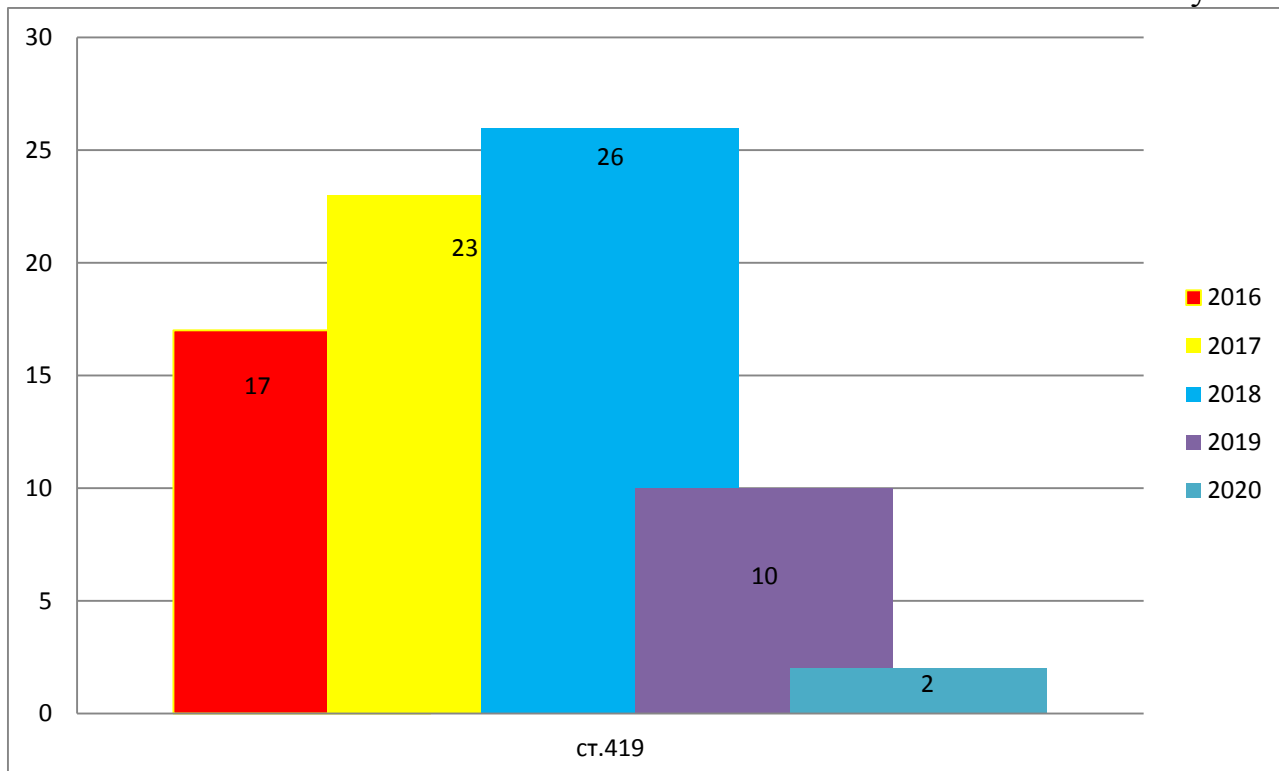
Здесь необходимо отметить, что 99% уголовных правонарушений по ст.419 УК РК прерваны по п.1) ч.7 ст.45 УПК РК (не установление лица, совершившего уголовное правонарушение).

Рисунок 6

На рисунке 7 показано количество правонарушений по ст.419 УК РК, по которым преступления совершены в общественных местах в 2016 – 2020 гг.

Рисунок 7

Как видим из графика, по сравнению с 2016-м годом, в 2020-м году динамика положительная, снижение составило 88%.

3.2 Проблемы и последствия ложного доноса

На наш взгляд, очень часто ст. 419 УК РК могут быть использованы для ведения учета, а также для необъективного обвинения неугодных лиц.

Незаконные уголовные обвинения могут иметь серьезные негативные последствия для неправомерно обвиняемых лиц и их семей.

Недавний обзор незаконных приговоров в Германии показал, что ложные показания, ложные свидетельства очевидцев, ложные показания и показания экспертов способствовали формированию ложных убеждений. [98].

В Великобритании озабоченность по поводу судебных ошибок привела к созданию независимого законодательного органа для расследования заявлений о судебных ошибках: Комиссия по уголовному надзору (CCRC) была создана в 1997 году [99]. Одним из громких дел в Великобритании является дело Кристофера Джеффриса, который был арестован за убийство и освобожден без предъявления обвинений, но не раньше, чем о нем сообщили в прессе. Джеффрис описывает свой опыт как болезненный, а его личность как «испорченную», сравнивая этот опыт с психологическими пытками [100].

Ложные обвинения могут иметь серьезные психологические последствия для обвиняемого; ложное обвинение сравнивают с травмами ветеранов вооруженных сил, беженцев, выживших после стихийных бедствий и военнопленных [101].

В Соединенных Штатах некоммерческая организация Project Innocence направлена на реабилитацию ошибочно осужденных людей с помощью анализа ДНК, и в 2019 году сообщалось, что 362 человека, ранее осужденных за серьезные преступления, были оправданы с момента основания проекта в 1992 году [102].

У несправедливо осужденных лиц постоянно происходили изменения личности, такие как паранойя и тревога (60%), чрезмерная бдительность или антагонизм (50%) и меньшая уверенность в себе (53,3%) [103].

Незаконно осужденным лицам было особенно трудно вернуть себе прежнее чувство собственного достоинства, если они не получили официальных извинений или публичных заявлений о невиновности, которые фактически «лишают их этикета» [104].

Отмечаются экстремальные последствия для здоровья, особенно психического здоровья, из-за которых осужденные необоснованно часто не могут продолжать свою обычную работу и общественную деятельность. [105] Как правило, эти симптомы возникают у людей без предшествующего психиатрического опыта, поэтому такие проблемы со здоровьем, скорее всего, напрямую связаны с незаконным арестом, осуждением или тюремным заключением.

Некоторые испытали симптомы депрессии и суицидальные мысли [106]. Некоторые из них - это отстранение, изоляция и отсутствие коммуникативных стратегий [107].

Многие сказали, что чувствовали себя «вытесненными» из дружбы [108].

Некоторые пережили семейный стресс, разлуку, развод или потерю опеки над своими детьми [109].

Семьям приходилось сталкиваться со стигмой и стыдом, которые могли привести к социальному неприятию, вине, стигме и стереотипам со стороны других членов сообщества и даже привести к антиобщественному или преступному поведению детей [110].

Многие из этих людей утратили доверие к системе уголовного правосудия и полиции [111].

Как первичные, так и вторичные жертвы несправедливых обвинений испытывали негодование и возмущение тем, что государство не признало несправедливости и не принесло извинений [110].

Уголовное дело привело к приостановке работы [112], финансовым проблемам [113].

Некоторым осужденным допрос показался столь враждебным и воинственным, что они чувствовали себя травмированными. Многим из них до сих пор снятся кошмары, связанные с допросами в полиции, и они сообщают о том, что их запугивали, запугивали и, в 2/27 случаев, подвергали физическому насилию со стороны полиции.

Их переживания во время уголовного процесса продолжали влиять на них, и несколько человек сообщали о приступах паники, связанных с их судебным опытом [114]. Они описали тюремный опыт как унижительный, унижительный и травмирующий и сообщили о чувстве одиночества и бессилия.

Во многих случаях судебные баталии участников продолжались годами, и опыт неправомерного обвинения (а в некоторых случаях – осуждения и тюремного заключения) доминировал в их жизни в течение долгих периодов времени. Многие сообщали о трудностях с восстановлением свободы. Многие чувствовали себя неуравновешенными, не могли найти направление, изо всех сил пытались реинтегрироваться в свои семьи и испытывали трудности с преодолением культурных изменений, которые произошли после их осуждения.

Люди были «заморожены в развитии», поскольку они все еще чувствовали возраст, в котором они были, когда они попали в тюрьму, в то время как мир и их семьи двинулся дальше без них. Они чувствовали себя застывшими во времени, когда их семьи и друзья продолжали жить своей жизнью. Они объяснили это «культурным шоком» после освобождения, когда они не поняли культурных изменений, которые произошли во время их заключения, и почувствовали отставание в технологиях и знаниях [115].

Таким образом, мы пришли к заключению, что последствия неправомерного обвинения человека путем ложного доноса часто являются сложными и продолжительными, при этом участники сообщают о негативном воздействии на их самоидентификацию, репутацию, психологическое и физическое здоровье, отношения с другими людьми, отношение к системе

правосудия, финансы и приспособление к жизни после того, как они были осуждены.

Эти проблемы, казалось, усугубляли друг друга и усугубляли психологические трудности, с которыми сталкивались неправомерно обвиняемые. Сообщалось также о негативном воздействии на членов семьи, при этом близкие к неправомерно обвиняемым также испытывали стигму и психологические трудности. Для тех, кто был незаконно заключен в тюрьму, травматический опыт во время заключения усугубил психологические трудности, с которыми они столкнулись.

Последствия неправомерных обвинений могут быть серьезными. Следовательно, очень важно определить наилучшие способы поддержать неправомерно обвиняемых и их семьи. Есть некоторые свидетельства того, что активизм может быть полезным: многие реабилитируемые чувствуют себя обязанными искать способы понять свой опыт и помочь другим пережить то же самое.

Такие действия могут помочь им найти смысл в собственном опыте, нормализовать травму и восстановить уверенность в себе и чувство цели. Однако, хотя это может быть полезно для некоторых людей, это всегда должен быть их собственный выбор, и их никогда не следует «принуждать» к активным действиям или выступлениям, поскольку, хотя некоторые находят это исцеление, другие могут просто захотеть «двигаться дальше» или может обнаружить, что это вызывает отрицательные эмоции.

Также важно улучшить общественное мнение о неправомерно обвиняемых. Исследования показывают, что общественное мнение об освобожденных от ответственности, как правило, негативно и не отличается от восприятия фактических правонарушителей, несмотря на то, что они знали, что они были реабилитированы.

Это может быть связано с тем, что общественность обеспокоена ошибками самого процесса реабилитации и предпочитает верить в правдивость первоначального обвинительного приговора, несмотря на результаты процесса правовой проверки.

Мы полагаем, что важно непредвзято относиться к невиновности и вине до тех пор, пока факты не станут ясными, и признать, что судебные ошибки случаются по множеству причин. Психологическое воздействие на неправомерно обвиняемых оказывается огромным, серьезным и длительным.

3.3 Предложения по совершенствованию уголовного законодательства, направленные на противодействие ложному доносу

По результатам исследования проблем противодействия ложному доносу, нами выработаны следующие предложения:

1. В ст.419 УК РК не содержится указания на орган, в который должен быть сделан заведомо ложный донос. Это обстоятельство не только вызывает

ожесточенные научные споры, но и создает трудности правоприменителям, порождает противоречивую следственную и судебную практику.

Обозначенную проблему можно решить путем дополнения диспозиции частей 1 и 2 ст.419 УК РК, указанием на адресата заведомо ложного доноса - органы, которые правомочны начать досудебное расследование либо органы, правомочные передать заявления в такой орган, поскольку исследование вопросов уголовно-правовой характеристики заведомо ложного доноса показало, что названное деяние может быть совершено как посредством направления ложного доноса непосредственно в орган уголовного преследования, так и в иные органы государственной власти, обязанные передать сообщение о преступлении по подведомственности.

Следует отметить, что ложный донос зачастую приводит к тяжким последствиям, в виде смерти лица в результате самоубийства, причиной которого стал заведомо ложный донос о совершении лицом тяжкого или особо тяжкого преступления (убийства, изнасилования и т.д.); нарушения конституционных прав ложно обвиненных лиц в виде длительного содержания невиновного под стражей, в ходе которого жертва ложного доноса может приобрести тяжелые заболевания и так далее.

Представляется, что такие действия лжедоносчика свидетельствуют о повышенной общественной опасности и нуждаются в соответствующем квалифицирующем признаке ст.419 УК РК - «повлекшие тяжкие последствия».

На сегодняшний день этот признак учитывается лишь при назначении судом наказания.

Вместе с этим, предлагается дополнить ст.419 УК РК квалифицирующим признаком «искусственное создание доказательств обвинения (инсценировка преступления)», поскольку это также влечет повышенную общественную опасность, так как является активным действием, направленным на изменение любых материальных носителей доказательственной информации, которое не находится в причинно-следственной связи с реальными фактическими обстоятельствами, а направлено на подтверждение ложной информации, содержащейся в доносе, а равно на введение органов предварительного расследования или суда в заблуждение относительно обстоятельств преступления.

К примеру, 01.08.2020 года примерно в 14.36 часов гражданин Ж.А., находясь у себя дома, после реализации автомобиля марки «KIA CERATO» 2013 года выпуска, принадлежавшего ему и его брату, получил от продажи автомобиля денежные средства в сумме 4 600 000 тенге.

В целях извлечения выгоды в свою пользу, Ж.А. спрятал данные денежные средства в сумме 4 600 000 тенге за АЗС «Sinoil» в металлической трубе и задался преступным умыслом донести в правоохранительные органы о якобы совершенном в отношении него преступлении.

С этой целью Ж.А., находясь у себя дома, убедившись, что за ним никто не наблюдает, своим правым кулаком нанёс себе телесные повреждения по лицу в

количестве 16 ударов, отчего у него открылось кровотечение из носа, тем самым искусственно создал доказательства обвинения, после чего Ж.А., желая ввести правоохранительные органы в заблуждение относительно факта якобы совершения в отношении него преступления, действуя из корыстных побуждений, со своего сотового телефона позвонил по номеру «102».

При этом, понимая ложность сообщаемых им сведений, содержащихся в доносе, и не соответствующих действительности Ж.А. сообщил свои анкетные данные и о том, что 01.08.2020 года в 14.10 часов по ул.Таттимбета, г.Караганды за домом трое неизвестных мужчин завладели деньгами в сумме 4 600 000 тенге, угрожая ему предметом, похожим на пистолет, описав их приметы, а именно якобы в очках, в медицинских масках, худощавого, плотного, среднего телосложения, все азиаты ростом 170,160,180 см, одетые в черную и красную футболку, в спортивный костюм темно-синего цвета, направились в сторону микрорайона «Гульдер».

Вышеизложенное повлекло осуществление комплекса оперативно-розыскных мероприятий со стороны сотрудников полиции, добросовестно заблуждавшихся в истинных намерениях последнего.

В этот же день 01.08.2020 года примерно в 14.40 часов Ж.А., продолжая свои преступные действия по факту заведомо ложного доноса, будучи предупрежденным об уголовной ответственности по ст.419 УК РК изложил все вышеуказанные обстоятельства в письменном заявлении в УП г.Караганды.

В ходе расследования уголовного дела, событие изложенное Ж.А. не нашло своего подтверждения, а напротив, стало известно о заведомо ложном доносе в корыстных целях с его стороны. Дело по его заявлению было прекращено за отсутствием события преступления и в отношении Ж.А. начато и проведено расследование по ст.419 ч.3 УК РК

По указанному факту приговором Казыбекбийского районного суда г.Караганды от 13.11.2020 года, Ж.А. признан виновным по ст.419 ч.3 УК РК и назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы, условно. Приговор вступил в законную силу.

Как мы видим, создание искусственных доказательств обвинения является более изощренной формой заведомо ложного доноса и надлежит квалификации по конкретному признаку.

В связи с изложенными обстоятельствами, предлагается следующая редакция статьи 419 Уголовного кодекса РК.

«Статья 419 УК РК. Заведомо ложный донос.

1. Заведомо ложный донос о совершении уголовного проступка в органы правомочные начать досудебное расследование либо органы, которые обязаны передать заявления об уголовных правонарушениях в такой орган –

наказывается штрафом в размере до трехсот месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до двухсот сорока часов.

2. *Заведомо ложный донос о совершении преступления в органы правомочные начать досудебное расследование либо органы, которые обязаны передать заявления об уголовных правонарушениях в такой орган–*

наказывается штрафом в размере до трех тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. *Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, соединенное с обвинением лица в совершении коррупционного преступления, тяжкого или особо тяжкого преступления, либо совершенное из корыстных побуждений, либо соединенное с искусственным созданием доказательств обвинения –*

наказывается ограничением свободы на срок от трех до семи лет либо лишением свободы на тот же срок.

4. *Деяния, предусмотренные частями второй или третьей настоящей статьи, совершенные в интересах преступной группы, либо повлекшие тяжкие последствия –*

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

2. В целях исключения фактов подачи ложных заявлений об уголовных правонарушениях, 22 августа 2014 года заместителем Генерального Прокурора РК Исаевым Н.М, вынесено Указание №9/15 «О порядке приема заявлений о преступлениях», которое обязало органы уголовного преследования принимать и регистрировать заявления установленного образца, с обязательной отметкой о предупреждении заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Как показывает динамика совершения подобных преступлений, из года в год таких фактов становится все меньше, в частности, с 2016 года количество зарегистрированных в стране ложных доносов сократилось в 5 раз (с 464 до 87 в 2020 году), что свидетельствует об эффективности принятой меры на начальной стадии обращения граждан с заявлениями о преступлении.

В пункте 5 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 25.12.2006 года «О судебной практике по делам частного обвинения» также предусмотрено обязательное предупреждение обратившегося в суд с заявлением о привлечении к уголовной ответственности виновного лица потерпевшего об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, с составлением отдельного протокола, подписываемого заявителем.

Указанное также имеет свои результаты, поскольку, в ходе анализа следственной практики по делам о заведомо ложных доносах за период с 2016 по 2020 годы, фактов регистрации преступлений о заведомо ложном доносе при подачи частной жалобы в суд не установлено.

Вместе с тем, заявления об уголовных правонарушениях не всегда подаются в правоохранительный, специальный орган или в суд.

Нередки случаи обращения с такими заявлениями в органы местного самоуправления, налоговые органы, в органы обеспечивающие деятельность Президента Республики Казахстан и так далее, которые при регистрации заявлений, в том числе об уголовных правонарушениях, руководствуются Законом «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц».

Указанные органы в соответствии с пунктом 6 статьи 7 Закона обязаны в срок не позднее трех рабочих дней со дня его поступления перенаправить такого рода заявления соответствующим субъектам.

При этом, в Законе отсутствуют нормы, позволяющие исключить подачу в такие органы ложных заявлений об уголовных правонарушениях, что создает условия для нерадивых граждан преследующих корыстные цели (месть, извлечение выгоды, устранение конкурентов и так далее) излагать в своих обращениях ложные обстоятельства совершения другими лицами преступлений, не задумываясь об уголовной ответственности.

Между тем, по таким заявлениям также проводятся процессуальные действия, затрачиваются силы и средства как органов, в которые поступают такие обращения, так и органов уголовного преследования.

При этом, при последующем вызове таких лиц в органы, правомочные начать досудебное расследование, на стадии принятия заявления и предупреждения об уголовной ответственности за ложный донос, они зачастую отказываются от подачи письменного заявления установленного образца либо вовсе не являются, в результате чего, такие заявления списываются в номенклатурные дела.

Данные сведения изложены мной опираясь на многолетний практический опыт в сфере надзора за следствием и дознанием, которая включает в себя и учетно-регистрационную дисциплину, а также опроса работников дежурных частей органов внутренних дел.

К примеру, 11.04.2017г. в канцелярию УВД г. Талдыкорган поступило заявление Б.Т., отправленное почтовой связью о привлечении к уголовной ответственности МКО по факту мошенничества.

До начала досудебного расследования по указанному факту, потерпевшая была вызвана в УВД для принятия письменного заявления установленного образца, где была предупреждена об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, после чего последняя отказалась от подачи заявления. В ходе устной беседы выяснилось, что последняя не знала о такой ответственности.

Аналогичным образом списано в номенклатурное дело заявление Д.Г. от 04.05.2017г. в УВД г.Талдыкорган о привлечении к уголовной ответственности гражданина П.П. за совершение в отношении нее насильственных действий сексуального характера.

В этой связи, полагаю целесообразным дополнить статью 6 Закона «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» (Требования к письменному обращению, видеобращению и видеоконференцсвязи) пунктом 5 и изложить в следующей редакции:

«В обращении физического лица должны быть указаны сведения о том, что он предупрежден о предусмотренной законом ответственности за заведомо ложный донос о готовящихся или совершенных уголовных правонарушениях либо об угрозе государственной или общественной безопасности».

Указанное позволит минимизировать факты подачи заведомо ложных сообщений в государственные органы и будет способствовать принципу неотвратимости наказания, поскольку в случае неподтверждения изложенных событий, будут все основания для привлечения заявителя к уголовной ответственности.

3. В проведенном исследовании приведены достаточно сведений о негативных последствиях заведомо ложных доносов для обвиненных лиц в частности и системе правосудия в целом.

При подготовке вышеприведенного предложения, я пришел к выводу о том, что обязательное наличие отметки о предупреждении об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в заявлениях об уголовных правонарушениях сыграл немаловажную роль в сокращении таких явлений, возможно и определяющую.

В интересах совершенствования мер по противодействию заведомо ложному доносу предлагается нормативное закрепление сведений о согласии заявителя при необходимости с проведением в отношении него полиграфического исследования.

Это возможно путем внесения изменений в Указание Заместителя Генерального Прокурора №9-15 от 22.08.2014 года.

К примеру, в США в ряде штатов существует положение, согласно которому показания полиграфа будут являться доказательством в судебном процессе, если защита и обвинение заблаговременно договорятся об этом.

Стоит признать, что невинный с легкостью согласится на обследование, а в некоторых случаях даже сам просит об этом, что свидетельствует для органа расследования показателем его непричастности к совершенному уголовному правонарушению.

Требования к организации полиграфического исследования более щадящие, нежели предусмотренные законом методы судебно-медицинской экспертизы (при расследовании половых преступлений), которые оказывают более высокое травмирующее психическое и физическое воздействие на потерпевшего или обвиняемого.

При этом, не является обязательным проведение такого исследования по всем заявлениям. Лишь по тем, где есть подозрения о ложности изложенных в заявлении фактах.

Само требование о согласии с прохождением полиграфа в бланке заявления для заявителя будет существенным психологическим барьером при подаче заведомо ложного доноса.

В связи с чем, видится, что указанное нововведение минимизирует факты подачи заведомо ложных заявлений об уголовных правонарушениях.

Наряду с конкретными предложениями в действующее законодательство, следует заметить, что в условиях стремительного развития цифровых технологий и интернета, все большее количество людей погружается в виртуальный мир и свободное время пребывает на различных интернет-форумах, сайтах, социальных сетях (Фейсбук, Вконтакте, Ютуб, Одноклассники и т.д.).

Повседневные новости также в наше время черпаются на новостных порталах и интернет ресурсах (Тенгриный, Закон, Тайм и т.д.).

Пользователи создают соответствующие страницы, сайты и каналы куда выкладывают различные материалы. Кроме того, имея зарегистрированный аккаунт, у пользователей есть возможность выставлять под новостными лентами различные комментарии.

Нередко в различных пабликах появляются сообщения с обвинениями конкретных лиц и чиновников в совершении различных уголовных правонарушений, по которым проводятся проверочные мероприятия.

Каждый правоохранительный орган имеет подразделение, осуществляющее мониторинг интернет пространства и социальных сетей. При выявлении публикаций криминального характера, такие сообщения подлежат проверке с соблюдением всех процессуальных норм, предусмотренных Уголовно-процессуальным законодательством.

Указанное свидетельствует о том, что настало время предусмотреть ответственность средств массовой информации за не соответствующими действительности (фейковые) материалы.

В связи с чем, в качестве рекомендаций, предлагается введение в нашей стране Закона «О защите от лжи и манипуляций в Интернете».

Такие Законы уже введены в Сингапуре и Франции. В Китайской Народной Республики (Закон «О кибербезопасности») и Японии (Закон «О вещании») имеются законы контролирующие интернет СМИ.

Такой Закон должен повысить ответственность СМИ за ложный донос и даст правительству право предписывать интернет ресурсам проверять достоверность публикуемых информации, блокировать и удалять «фальшивый» контент с платформ.

Кроме того, в последние годы в обществе усилилась негативная тенденция, когда для недобросовестной конкуренции в различных сферах деятельности, в том числе в политической борьбе и в целях создания социальной напряженности в обществе, для сведения личных счетов, из чувства мести и других низменных побуждений, используются заведомо ложные доносы, публичные обвинения в совершении преступлений.

К примеру, приговором Алмалинского районного суда г.Алматы от 21 января 2020 года гражданин С.С. признан виновным по ст.419 ч.2 УК, а именно в том, что в июне 2019 года подхватив трендовую риторику речи для воссоздания образа псевдопатриота и борца за справедливость распространил в СМИ видеоролик с преднамеренно ложным обращением о своем удержании сотрудниками ДКНБ по г.Алматы и ДП города в квартире с 16.00 часов 19 июня

по 01.00 часов 20 июня 2019 года, где по его искаженному представлению оказывалось психологическое давление за политические убеждения и взгляды.

Позже, 24 июня 2019 года на информационном ресурсе сайта «YouTube» выложена пресс-конференция с участием С.С. под названием «Независимые наблюдатели о давлении на них после выборов», содержащая вышеуказанную заведомо ложную информацию, тем самым причинив существенный вред правам и законным интересам ДКНБ РК по городу Алматы и ДП города Алматы.

В последующем с таким же заявлением он письменно обратился в ДКНБ по г.Алматы, где был письменно предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос.

Несмотря на серьезную общественную опасность совершенного преступления и действия направленные на дестабилизацию общества, ввиду отсутствия правовых норм, предусматривающих более высокую ответственность, за указанное преступление С.С. назначено наказание в виде 1 года лишения свободы.

Статьей 419 УК РК не предусмотрено уголовного наказания за заведомо ложные сообщения с обвинениями в совершении преступления, содержащиеся в публичных выступлениях, публикуемые в СМИ или распространяемые на радио и телевидении.

Следует учесть, согласно ст.180 УПК РК, сообщение в средствах массовой информации может служить поводом к началу досудебного расследования. Соответственно заведомо ложное публичное сообщение, обвинение в совершении преступления влечет не только схожие, но и более серьезные (с учетом публичного характера обвинений) последствия для обвиняемых граждан, чем ложный донос в компетентные органы. В случаях же, когда заведомо ложное публичное обвинение в совершении преступления (в том числе тяжкого и особо тяжкого) касается должностных лиц или институтов власти, это может привести к их дискредитации и подрыву доверия населения к ним, возникновению социальной напряженности в обществе.

В этой связи, полагаем, что необходимо собрать рабочую группу из числа заинтересованных органов и тщательно исследовать перспективу введения в ст.419 УК РК квалифицирующего признака о заведомо ложном сообщении с обвинением в совершении преступления, опубликованном, распространенном в средствах массовой информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам решения первой задачи исследования, мы пришли к следующим выводам.

Заведомо ложный донос – это умышленная ложь со стороны обвинителя, при этом, термин «заведомо ложный донос» по объему шире, чем «оговор невинного лица», и охватывает ложные сведения, как о событии, так и о лице, якобы совершившем преступление.

Уголовно-правовое регулирование ответственности за заведомо ложный донос было весьма эффективным для периода начала XX века. Законодательство закрепило большинство достижений уголовно-правовой доктрины того времени, дифференцировало ответственность за ложные доносы с учетом характера и степени их общественной опасности.

В начале советского периода заведомо ложный донос признавался общественно опасным деянием и запрещался актами советского законодательства.

Объект рассматриваемого преступления менялся с развитием нового советского общества от признания в качестве такового интересов личности к современному пониманию объекта ложного доноса.

В Уголовном кодексе Казахстана уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за заведомо ложный донос, расположена в главе «Уголовные правонарушения против правосудия и порядка исполнения наказаний». Квалифицирующим признаком считается обвинение лица в тяжком, или же наиболее тяжком преступлении, либо с «искусственным» подтверждением доказанных фактов обвинения.

При квалификации изучаемых преступлений, на практике зачастую допускаются ошибки. В значимой мере это связано с несовершенством уголовно-законодательных общепризнанных норм, учитывающих ответственность за заведомо ложный донос, а также с тем, что существуют трудности и проблемы в квалификации этого вида преступления в теории уголовного права.

Исследование показало, что положения ст.419 УК РК не способны надлежаще отвечать реалиям нашего времени и подлежат изменению.

Уголовное законодательство зарубежных стран, относящееся к разным правовым семьям и группам, предусматривает ответственность за ложный донос, который представлен в двух формах: как ложное основание для возбуждения уголовного дела и как способ оклеветать потерпевшего.

Наиболее предпочтительным для казахстанского уголовного закона представляется краткий (простой) вариант изложения диспозиции анализируемой статьи, с расширением квалифицирующих признаков в зависимости от общественно опасных последствий.

Кроме того, для исключения проблем правоприменения, необходимо издание Нормативного Постановления Верховного Суда РК, с изложением

судебной практики и обстоятельств, при которых деяние будет содержать все признаки преступления и некоторые вопросы квалификации таких деяний.

По результатам решения второй задачи исследования, мы пришли к следующим выводам.

Основным непосредственным объектом заведомо ложного доноса выступают общественные отношения, которые обеспечивают нормальное функционирование органов предварительного расследования, прокуратуры и суда или правоохранительных органов по расследованию преступления, а также суда – по законному и аргументируемому принятию решения.

Дополнительный объект доноса формируют общественные отношения, охраняющие честь и достоинство лица, заведомо ложно обвиняемого в совершении полового посягательства, так как непосредственный ущерб причиняется именно данным благам человека.

Под субъектом преступления в уголовном праве понимается наделенное определенными юридически значимыми признаками лицо, подлежащее уголовной ответственности. С одной стороны, это всякое лицо, которому адресован уголовно-правовой запрет, с другой - конкретное лицо, которое уже нарушило предписания уголовного закона. В первом случае понятие «субъект преступления» означает один из элементов состава преступления, во втором - индивидуально-определенное лицо, совершившее общественно-опасное деяние.

Объективная сторона заведомо ложного доноса заключается в сообщении вымышленных сведений о якобы совершенном или готовящемся преступлении в органы дознания, досудебного расследования, прокурору или суд, а также в иные государственные органы, которые обязаны подобного рода сообщения направлять в правоохранительные органы.

Ложный донос может быть совершен только путем активных действий. Способы совершения этого преступления могут быть самыми разными и не влияют на квалификацию преступления.

Заведомо ложный донос считается оконченным преступлением с момента поступления сообщения в указанные органы независимо от того, какой была реакция на это сообщение со стороны правоохранительных органов, было ли возбуждено уголовное дело или нет. Последствие не является обязательным признаком состава рассматриваемого преступления.

Субъективная сторона заведомо ложного доноса характеризуется прямым умыслом. Виновный сознает, что сообщает заведомо ложные сведения о готовящемся или якобы совершенном преступлении соответствующим органам, и желает этого.

Ложный донос может быть совершен по самым различным мотивам. В диспозиции ст.419 УК содержится указания на специальную цель. Поэтому цель ложного доноса не является необходимым признаком рассматриваемого состава преступления, но может быть учтена при назначении виновному наказания. В большинстве случаев это преступление совершается с целью возбуждения уголовного дела, уголовного преследования конкретного лица.

Квалифицирующими признаками рассматриваемого преступления являются: заведомо ложный донос, соединенный с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо совершенное из корыстных побуждений, а также совершенные в интересах преступной группы.

С учетом изученных судебных актов по фактам заведомо ложных доносов, психологический портрет лжедонщика выглядит следующим образом.

Женщина, в возрасте 25-40 лет, является гражданкой Республики Казахстан и жителем места обращения в орган, со средним или средне-специальным образованием, не замужней, безработной, ранее не судимой, с целью сокрытия аморального поведения и мести.

По результатам решения третьей задачи исследования, мы пришли к следующим выводам.

Установлено, что за последние 5 лет наблюдается положительная динамика снижения рассматриваемого вида преступления.

Вместе с тем, в судебной практике РК существует много проблем противодействия ложному доносу.

Отмечено, что незаконное обвинение в совершении уголовных преступлений может привести к серьезным негативным последствиям для неправомерно обвиняемых и их семей. Об этом свидетельствуют ведущие зарубежные практики.

В результате проведенного исследования проведен анализ проблем формулировки диспозиции и квалифицирующих признаков ст.419 УК РК, которые позволили внести предложения об изменении и дополнении рассматриваемой статьи и сформулировать собственное видение в новой редакции. Предложены изменения в действующее законодательство.

В частности, учитывая способы совершения рассматриваемого вида уголовного правонарушения, как посредством направления ложного доноса непосредственно в орган уголовного преследования, так и в иные органы государственной власти, обязанные передать сообщение о преступлении по подведомственности, предложено диспозицию частей 1 и 2 статьи 419 Уголовного кодекса дополнить указанием конкретного адресата заведомо ложного доноса - органы, которые правомочны начать досудебное расследование либо органы, правомочные передать заявления в такой орган.

Также предложено ввести в ст.419 УК РК квалифицирующий признак - «повлекшие тяжкие последствия», поскольку ложный донос зачастую приводит к тяжким последствиям, в виде смерти лица в результате самоубийства, причиной которого стал заведомо ложный донос о совершении лицом тяжкого или особо тяжкого преступления (убийства, изнасилования и т.д.); нарушения конституционных прав ложно обвиненных лиц в виде длительного содержания невиновного под стражей, в ходе которого жертва ложного доноса может приобрести тяжелые заболевания и так далее.

Ввиду того, что создание искусственных доказательств обвинения является более изощренной формой заведомо ложного доноса и надлежит

квалификации по конкретному признаку, нами предложено дополнить ст.419 УК РК и этим квалифицирующим признаком.

Наряду с этим, предложены изменения в Указание Заместителя Генерального прокурора Исаева №9/15 от 22 августа 2014 года «О порядке приема заявлений о преступлениях» и в Закон РК «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц».

Помимо указанных предложений, рекомендовано рассмотреть вопрос о включении в ст.419 УК РК квалифицирующего признака «заведомо ложное сообщение с обвинением в совершении преступления, опубликованном, распространенном в средствах массовой информации», а также введение Закона «О защите от лжи и манипуляций в Интернете».

Таким образом, в процессе данного исследования были решены все поставленные задачи, в том числе по анализу проблем законодательного описания состава и квалификации заведомо ложного доноса, сформулированы предложения по совершенствованию законодательной регламентации заведомо ложного доноса, практике применения. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности правоохранительных органов, суда, учтены в законотворческой деятельности, использоваться в учебных целях, при разработке спецкурсов, посвященных квалификации преступлений и дальнейших научных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Jon Fribrik Sigurösson. Alleged false confessions among icelandic offenders: an examination of some psychological, criminological and substance use factors that are associated with the reported false confessions. INSTITUTE OF PSYCHIATRY. KING'S COLLEGE, LONDON. UNIVERSITY OF LONDON. APRIL 1998. P.7
2. Lancet (1994). Guilty innocents: the road to false confessions (Editorial). The Lancet, 344, 1447-1450.
3. Gudjonsson, G. H., (1992d). The Psychology of False Confessions and Ways to Improve The System Expert Evidence, 1, 49-53.
4. Юдушкин С.М. Ответственность за ложный донос и лжесвидетельство (уголовно правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1974. 174 с.
5. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. V: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. 674 с.
6. Смолин С.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 30 с.
7. Трайнин А.Н. Уголовное право. Часть Особенная. М., 1927.
8. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М.: Юрид. лит., 1968. 144 с.
9. Нафиев С., Васин А. Право на защиту не беспредельно // Законность. 1999. N 4. С. 6-7.
10. Николаев М. Привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос // Законность. 2000. N 8.
11. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 1997. 768 с.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1997. 832 с.
13. Миньковский Г.М., Магомедов А.А., Ревин В.П. Уголовное право России. М., 1998. 526 с.
14. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб: Юрид. центр Пресс, 2005. 491 с.
15. Пороховщиков П.С. Ложь и правда на суде // Журнал Министерства юстиции. 1911. N 8.
16. Бриллиантов А. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. 2014. N 3. С. 13-18.
17. Бриллиантов А.В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия / А.В. Бриллиантов. – М.: Проспект, 2008. С. 8-25;
18. Горелик А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 13-22;

19. Голоднюк М.Н. Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия / М.Н. Голоднюк // Вестник Московского ун-та. Серия 11: Право. 1996. № 6. С. 16-25;
20. Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование) / И.В. Дворянсков, А.И. Друзин, А.И. Чучаев. – М., 2002;
21. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: Проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: Дис. ... д-ра юрид. наук / Л.В. Лобанова. – М., 2003. С. 29-38;
22. Федоров А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации) / А.В. Федоров. – Калуга: АКФ «Политоп», 2004. С. 6-77;
23. Смолин С.В. Заведомо ложный донос по законодательству дореволюционной России. Научный портал МВД России, №3, 2011.
24. Данилюк М.И. Ответственность за заведомо ложный донос по советскому законодательству. Журнал «Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями», №17-2, 2017. С.18-19
25. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.07.2014 г.) (утратил силу)
26. Уголовный Кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 г. (с изменениями и дополнениями) (Утратил силу)
27. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.12.2020 г.)
28. Смолин С. В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: монография / С. В. Смолин; под ред. В. Д. Ларичева. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 216 с.
29. Фирсов А. Н. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ и ближнего зарубежья об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. ВЕСТНИК ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА № 2(39), 2016.
30. Сизов А.А., Шахбазов Р.Ф. Состязательность в российском уголовном процессе: сравнительный анализ с судопроизводством в мусульманском праве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. - 2015. - № 1. - С. 71.
31. Сизов А.А. Несколько слов о роли судебной власти в механизме профилактики и предупреждения преступлений // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: сборник научных трудов 4-й Международной научно - практической конференции. Ответственный редактор Горохов А.А. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. - С. 379.
32. Сизов А.А. Использование аудио и видеозаписи в оперативно-розыскной деятельности // Кластерные инициативы в формировании прогрессивной структуры национальной экономики: сборник научных трудов Международной

научно-практической конференции, в 2-х томах. Ответственный редактор Горохов А.А. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. - С. 345.

33. Фирсов А. Н. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ и ближнего зарубежья об уголовной ответственности за заведомо ложный донос [Текст] / А. Н. Фирсов // Вестник Владимирского юридического института, 2016. - № 2. - С. 195-198.

34. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. - СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2005. - С. 260-261.

35. Нафиев, С., Васин, А. Право на защиту - не беспредельно // Законность. - 1999. - № 4. - С. 6-7.

36. Федоров, А.В. Преступления против правосудия (вопросы истории, понятия и классификации) / под ред. А.И. Чучаева. - Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2004. - С. 151.

37. Фаргиев, И. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики) // Уголовное право. - 2007. - № 5. - С. 64.

38. Интернет-источник https://forbes.kz/news/2018/08/25/newsid_180342 (дата обращения 05.03.2020)

39. Кашапов Р.М. Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства за оговор заведомо невиновного // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 3 (68). С. 155.

40. Lanham, D., F Bartal, B., C Evans, R., Wood, D. Criminal laws in Australia / D. Lanham, B. F Bartal, R. C Evans, D. Wood. - Sydney: Published in Sydney by The Federation Press, 2006. - 576 p

41. Уголовное право Республики Казахстан 2004 г. -239с. Учебник под редакцией: Профессора, заслуженного деятеля Казахстана А.Н. Агыбаева.

42. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2008. Т.1. Преступление и наказание. С. 342.

43. Уголовное право. Общая часть: Учебник / под ред. А.Н. Тарбагаева. М.: Проспект, 2012. С. 102.

44. Чиркин В.Е. Публичная власть. М.: Юристъ, 2005. С. 16.

45. Смолин В.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2012. С. 45.

46. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М.: Юридическая литература, 1968. С. 31.

47. Чайка К.Л. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны // Сборник трудов молодых ученых академии управления «Тисби». Казань: б/и, 2004. С. 245.

48. Смолин В.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: монография. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2012. С. 49.

49. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. С. 56-57.

50. Дворецкий М.Ю. Оптимизация уголовной ответственности за преступные посягательства на правосудие // Вестник ТГУ. 2008. № 11. С. 574.
51. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. С. 56-57.
52. Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. М.: Зерцало, 2006. С. 16.
53. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 82.
54. Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств. Ульяновск: Изд-во Ульянов. ун-та, 2001. С. 122.
55. Федоров А.В. Понятие и классификация преступлений против правосудия: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 7.
56. Смолин С.В. Совершенствование уголовно-правовой нормы об ответственности за заведомо ложный донос // Российский следователь. 2009. №9.
57. Петрик Е.С. Проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации преступлений, связанных с предоставлением судам заведомо ложной информации // Общество и право. 2009. №1 (23). С. 195.
58. Шаргородский М.Д., Алексеев Н.С. Актуальные вопросы советского уголовного права. Ученые записки Ленинградского университета. № 182: Вып. 5. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1954. С. 188.
59. Хабибуллин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. - Казань: Изд-во Казанского университета, 1975. - 160 с.
60. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Т. 2. М.: Наука, 1970. С. 125.
61. Гужин А.Т. Уголовно-правовая борьба с посягательствами на социалистическое правосудие. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1958. С. 2, 6, 12
62. Рашковская Ш.С. Преступления против социалистического правосудия. Лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1957. С. 9-12
63. Черных И.М. Преступления против социалистического правосудия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 1962. - 26 с.
64. Советское уголовное право. Часть Особенная / Отв. ред. М.И. Ковалев. М.: Юрид. лит. 1983. С. 323.
65. Чучаев А.И. Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий. Ульяновск: Дом печати, 1997. С. 47.
66. Лобанова Л.В. Нужно ли подвергать обвиняемого уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний? // Мировой судья.-2012. - № 3. - С. 5-7.
67. Преступления против правосудия / Под ред. канд. юрид. наук А.А. Галаховой. - М.: Норма, 2005. С. 214.
68. Рашковская Ш.С. Преступления против правосудия. - М.: Изд-во ВЮЗИ. - 1978. - 104 с

69. Кульберг Я.М. Преступления против правосудия. - М.: Госюр- издат, 1962. - 62 с.
70. Бакрадзе А.А. Условия ответственности за ложный донос // Социалистическая законность. 1974. № 6. С. 65
71. Юдушкин С.М. Ответственность за ложный донос // Советская юстиция. 1974. № 2. С. 11
72. Сахаров А., Носкова Н. Преступления против правосудия // Социалистическая законность. - 1987. - № 11. - С. 46-48.
73. Прошляков А., Николаева З. Может ли обвиняемый нести уголовную ответственность за заведомо ложный донос // Законность. - 1993. -№ 2. - С. 16-21
74. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. - М.: Юрид. лит., 1968. - 136 с.
75. Хан-Магомедов Д.О. Ответственность за заведомо ложный донос // Советская юстиция. 1964. № 4. С. 18.
76. Новиков С.А. К вопросу о существующей практике борьбы с лжесвидетельством [Электронный ресурс] // Российский следователь.-2008. - № 15. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
77. Преступления против правосудия / Под ред. канд. юрид. наук А.В. Галаховой. М.: Норма, 2005. С. 215.
78. Цветков Ю.А. Заведомо ложный донос: соотношение материального и процессуального // Мировой судья. 2017. № 3. С. 26-31.
79. Фаргиев И. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики) // Уголовное право. 2007. № 5. С. 64
80. Смолин С.В. Совершенствование уголовно-правовой нормы об ответственности за заведомо ложный донос // Российский следователь. 2009. № 9. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
81. Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 8. С. 17.
82. Блинников В.А., Устинов В.С. Лжесвидетельство: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. Ставрополь, 1999. С. 52.
83. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая оценка заведомо ложного доноса обвиняемого // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 1 (5). С. 77.
84. Смолин С.В. Ответственность подозреваемого (обвиняемого) за заведомо ложный донос // Законность. 2012. № 7. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». См. также: Зеленин С.Р. Указ. соч. С. 27.
85. Шнитенков А.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 44-45.
86. Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве (правовые и криминалистические средства предупреждения, пресечения и нейтрализации последствий: проблемы и возможные решения). Справочно- правовая система «КонсультантПлюс». 2009.

87. Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

88. Лобанова Л.В. Уголовная ответственность за ложную информацию и понуждение к нарушению обязанности содействовать правосудию. Учебное пособие. Волгоград, 1997. С. 6.

89. Смолькова И.В. Должен ли обвиняемый нести уголовную ответственность за оговор заведомо невиновного лица? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 3 (78). С. 22.

90. Бриллиантов А.В. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. 2014. № 3. С. 18.

91. Врай, А. (2008). Обнаружение лжи и обмана: подводные камни и возможности. Западный Сассекс: Джон Вили. <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-nature-deception/201905/what-is-lie>

92. Интернет – источник <https://www.oxygen.com/a-lie-to-die-for/crime-time/how-to-tell-lying-truth-expert-a-lie-to-die-for> (дата обращения 01.03.2021)

93. Интернет – источник <https://www.justsecurity.org/61969/mere-process-crimes-false-statements-prosecutions/> (дата обращения 01.03.2021)

94. Дэвид Лисак, Лори Гардинье, Сара Си Никса, Эшли М Кот Ложные обвинения в сексуальном насилии: анализ десяти лет зарегистрированных случаев. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21164210/>

95. McMillan, L 2018, 'Police officers' perceptions of false allegations of rape', *Journal of Gender Studies*, vol. 27, no. 1, pp. 9-21.

96. Андре В.Е. де Цуттер, Роберт Хорсленберг, Питер Дж. Ван Коппен Подача ложных пороков: отличить правду от ложных обвинений в изнасиловании. Том 9. Числ. 1. - 2017. С. 1-14

97. Интернет - источник https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/srok-lisheniya-svobodyi-lojnyiy-donos-uvelichili-kazahstane-388257/ (дата обращения 15.07.20).

98. Лойшнер, Ф., Реттенбергер, М., Дессекер, А. Заключение, но невиновный: неправомерные приговоры и тюремное заключение в Германии, 1990–2016 гг. *Преступность 2020*; 66: 687 – 711

99. Психологические последствия неправомерного осуждения и лишения свободы. *J Criminol Crim Justice* 2004; 46: 165 – 182

100. Эймс, Дж. Чед Эванс: футболист по делу об изнасиловании получил выплату в размере 800 тысяч фунтов стерлингов от юридической фирмы Brabners, <https://www.thetimes.co.uk/article/ched-evans-rape-case-footballer-wins-800k-payout-from-law-firm-brabners-8696nzdrf> (2019, по состоянию на 24 мая 2019 г.).

101. Чинн, Дж., Рэтлифф, А. «Меня выставили за дверь ни с чем» - обращение к потребителям реабилитированных по модели представ. *Calif West Law Rev* 2009; 45: 405 - 444.

102. Проект "Невинность". Оправдание ДНК в США, <https://www.innocenceproject.org/dna-exonerations-in-the-united-states/> (2019 , по состоянию на 1 июня 2020 г.).

103. Бернетт, Р., Хойл, К., Спичли, штат Невада. Контекст и последствия ошибочного обвинения в злоупотреблении доверием. Говард Дж. Криминальное правосудие 2017; 56: 176 – 197

104. Вестервельт, С.Д., Кук, К.Дж. Как справиться с невиновностью после камеры смертников. Контексты 2008; 7: 32 - 37.

105. Пиллаи, М. Утверждения о злоупотреблениях: необходимость ответственной практики. Закон о медицинских науках. 2002; 42: 149 – 160

106. Александр-Блох, Б., Миллер, М.А., Црингу, М.М. и др. Характеристики психического здоровья выделенных: предварительное исследование. Закон о психологических преступлениях . Epub перед печатью 26 февраля 2020 г.; DOI: 10.1080 / 1068316X.2020.1733571.

107. ДеШей, РА. «Многие люди за этим сходят с ума»: как справиться с травмой, вызванной неправомерным осуждением . Crim Justice Stud 2016; 29: 199 – 213

108. Konvisser, ZD. «То, что случилось со мной, может случиться с кем угодно», - говорят оправданные женщины . Texas A&M Law Rev 2015; 3: 303 – 366

109. Шульц Л. Сто случаев необоснованного сексуального насилия над детьми: обзор и рекомендации. Выпускает обвинение в жестоком обращении с детьми 1989; 1: 29 – 38

110. Дженкинс, С. Вторичные жертвы и травма от неправомерного осуждения. Aust NZJ Criminol 2013; 46: 119 – 137

111. Кэмпбелл, К., Денов, М. Бремя невиновности: как справиться с неправомерным тюремным заключением. Criminol Crim Justice 2004; 46: 139 - 163

112. Рис, П., Манторп, Дж. Опыт работы с обучением в области защиты взрослых в службах интернатного типа с ограниченными возможностями психического здоровья и обучаемости: качественное исследование . Br J Soc Work 2010; 40: 513 - 529

113. Пейдж, Дж. Финансовое обучение для выделенных, ожидаемых компенсации: тематическое исследование. J Offender Rehabil 2013; 52: 98 - 118

114. Дженкинс, С. Семьи в состоянии войны? Отношения между «оставшимися в живых» после неправомерного осуждения и «оставшимися в живых» после серьезных преступлений. Int Rev Vict 2014; 20: 243 - 261

115. Денов, М.С., Кэмпбелл, КМ. Уголовная несправедливость: понимание причин, реакций на неправомерное осуждение в Канаде. J Contemp Crim Justice 2005; 21: 224 - 249.

Образец бланка заявления

Начальнику (наименование органа, фамилия, инициалы)	_____
от Ф.И.О.; число, месяц, год рождения, место рождения.	_____
образование, семейное положение, место работы, должность	_____
адрес регистрации, адрес фактического проживания (юридический адрес)	_____
контактные телефоны (домашний, рабочий, мобильный)	_____
электронный адрес	_____
удостоверение личности, паспорт (номер, серия, дата выдачи)	_____
Обращался ли ранее с заявлением об этом же преступлении в другой правоохранительный орган (дата обращения, наименование органа)?	_____

ЗАЯВЛЕНИЕ**о совершенном или готовящемся уголовном правонарушении**

1. Об уголовной ответственности по статье 419 Уголовного кодекса Республики Казахстан, согласно которой за заведомо ложный донос о совершении преступления предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до 10-и лет, предупрежден (а) _____

2. С прохождением полиграфического исследования при необходимости подтверждения достоверности изложенных мной фактов, согласен (а) _____

Я, _____, прошу привлечь к уголовной
(гражданин, должностное или иное лицо)
ответственности _____ лиц _____ (о), _____ которые _____ (ое)

Заявление с моих слов написано (напечатано) верно и мною прочитано (заявление написано (напечатано) собственноручно _____

«__» _____ 20__ г.

Приложение: _____
(опись документов и иных материалов)

Заявление принял: _____
(должностное лицо, должность, подпись, фамилия, инициалы)

Выдан талон-уведомление № _____